

Российская Академия Наук
Институт философии

Л.А. Беляева

**СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ
В РОССИИ В КОНЦЕ XX ВЕКА**

Москва
1997

В авторской редакции

Рецензенты:

доктор филос. наук *З.Т.Голенкова*

доктор филос. наук *И.Н.Сиземская*

доктор филос. наук *В.Г.Федотова*

Б 44

БЕЛЯЕВА Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века. — М., 1997. — 173 с.

В монографии переход от огосударственной к рыночной экономике, который Россия осуществляет наряду с другими посткоммунистическими странами, рассматривается как глобальный процесс социальной модернизации. В центре исследования — проблемы внедрения рыночных отношений в условиях командной экономики в посткоммунистической России и социальные последствия осуществляемых реформ. В качестве приемлемой для России рассматривается модель смешанной экономики, получившая приоритетное развитие в развитых и развивающихся странах мира. Анализируются социальные изменения, происходящие под воздействием глобальных экономических сдвигов (прежде всего в отношении собственности), в социальной стратификации общества и в ценностном сознании населения России.

ПРЕДИСЛОВИЕ

“Рационалистическая организация общества это та же логика выгоды, разумеется, широко понятая. Она всегда сводится к тому, что прежде чем поднять человека на него надо наступить”.

Фазиль Искандер. *Человек и его окрестности*

Сегодня Россия, как уже не раз в своей истории, стоит перед необходимостью выбора пути своего дальнейшего развития. Конечно, нельзя абсолютизировать сами возможности такого выбора, поскольку он находится в зависимости не только от разработанных социальных проектов, или от спонтанно осуществляемых преобразований, или от намерений правящей элиты. Вполне возможно, что теоретические построения вновь и вновь будут разбиты об объективные обстоятельства и субъективные намерения участников исторического процесса, о тихую заводь традиций и привычек народной массы. Так уже не раз бывало в России. И тем не менее вновь и вновь возникает соблазн “понять Россию”, очертить ее место в современном мире и, по возможности, представить, в каком направлении она будет развиваться в столь драматический период своей истории и в последующие годы.

Проблемы модернизации современного российского общества в конце XX века сложны и многоплановы — это не только экономические реформы, направленные на приведение хозяйственного механизма в дееспособное состояние, способствующее эффективному развитию экономики, но и более глобальный выбор — будет ли Россия развиваться в изоляции от остального мира, войдет ли она в мировое сообщество и в какой роли, сохранит ли свою самобытность, или сможет создать продуктивный сплав своего социокультурного своеобразия с рациональными ценностями современного общества.

Предпринятое в настоящей книге рассмотрение противоречивых проблем российской модернизации в контексте мировых переходных процессов позволяет заключить, что Россия движется к современному рыночному обществу не самым оптимальным путем, поскольку социальная база преобразований искусственно сужена, а применяемая модель реформирования оказалась ниже тех возможностей, которые были накоплены в предшествующие годы, и которыми располагало общество к началу реформ. И тем не менее анализ показывает, что модернизация оказывает на общество неоднозначное воздей-

ствии — наряду с такими негативными процессами как маргинализация значительных слоев населения, глубокая имущественная дифференциация, недоиспользование научно-технического потенциала и т.д., в обществе происходят глубокие институциональные изменения, ускорилось распространение современной системы ценностей, появился новый тип хозяйствующего субъекта, для которого характерна ориентация на самостоятельную, независимую от государства экономическую деятельность.

Эмпирической базой проведенного анализа явились два всероссийских социологических исследования, одно из которых было проведено на самом излете перестройки, еще до распада СССР — в 1990 году, а другое в России 1994 года, когда страна уже обрела свой новый геополитический статус, прожила первые годы экономической реформы. Оба исследования проводились по сопоставимой методике, что позволило провести корректное сравнение данных. В них участвовал большой коллектив социологов, которым руководил член-корреспондент РАН Н.И.Лапин.

Я признательна моим коллегам по совместной работе, коллективу Центра исследования динамики ценностей Института философии РАН, где обсуждалась работа и были высказаны ценные для меня замечания, а также моим рецензентам — докторам философских наук, профессорам З.Т.Голенковой, И.Н.Сиземской и В.Г.Федотовой.

Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (гранты 96-03-04335а и 97-03-04176а).

РАЗДЕЛ 1

РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ПЕРЕХОДНЫХ ПРОЦЕССОВ В КОНЦЕ XX ВЕКА

1.1. Переходный период как смена парадигмы общественного развития

Вторая половина XX века проходит под знаком переоценки возможностей форсированного рывка в развитии общества в рамках тоталитарного политического устройства, называемого государственным социализмом. Теоретические разработки, реальные и мнимые возможности, а главное, практика подобной модели развития практически исчерпали себя, и большинство стран мира, следовавшие ей, вступили в эпоху перехода от одного типа эволюции, основанного на принудительно направляемой экономике и огосударствлении всех сфер общества, к другому, в основе которого — рыночные механизмы и стимулы и демократическое устройство. Некоторые страны продемонстрировали другие пути совершенствования общества и получили не столь удручающие результаты, существуют и успешные варианты трансформаций в ряде стран мира. Это дает надежду, что и в России возможно использовать поучительные аспекты чужого опыта. Россия не только не стоит в стороне от происходящих в мире переходных процессов, но и сосредоточивает внутри и вокруг себя все те же проблемы, которые возникают по их поводу. Вполне естественно, что проблемы России, занимавшей центральное и доминирующее место в системе стран, шедших по социалистическому пути развития, наиболее близко сопрягаются с проблемами постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы.

Переход России и других восточноевропейских стран к новой парадигме развития объективно обусловлен всем ходом эволюции этих стран. К середине 80-х годов здесь до предела обострился системный кризис, охватывающий экономику, политику, социальную и культур-

ную сферы. Возможности системы к саморазвитию в условиях индустриального этапа цивилизации были полностью исчерпаны, а переход к постиндустриальному этапу был заблокирован жесткой государственной системой, осуществляющей тотальный контроль над всеми сферами общества, исключая их автономное развитие. Нарастало отставание от уровня западных стран, вступивших в эпоху постиндустриализма. Исторический спор социализма и капитализма был проигран. С ликвидацией доминирования Советского Союза в социалистической системе стран перед последними встали проблемы либерализации экономики, политики, идеологии. Большинство стран с большим энтузиазмом вступили на этот путь, но результаты по истечении нескольких лет реформ оказались весьма различными. Можно согласиться с оценкой большинства специалистов, что в Чехии, Польше, Венгрии и Словении (а некоторые считают, что и в Словакии) процесс экономических реформ был и остается до сих пор менее болезненным и тяжелым, чем в других постсоциалистических странах, и в этих же странах более благоприятные перспективы стабилизации демократии¹. Лишь названные пять из двадцати семи постсоциалистических стран более-менее успешно осуществляют неолиберальную трансформацию, а в большинстве стран принятая модель реформирования привела к углублению кризиса, расшатыванию основ государства, отбросила общество к уровню слаборазвитости.

Весьма показательны, что каждая из более менее благополучных стран к началу реформ помимо двух общих предпосылок, во-первых, сохранение при плановой системе в том или ином объеме рыночного сектора экономики и, во-вторых, наличие социальных групп, имеющих рыночную психологию, имела и свои собственные предпосылки быть более продвинутой к рынку и мировой экономической системе. Скажем, в Венгрии достаточно долго проводилась политика благоприятствования арендным отношениям и развитию акционирования (с начала 80-х годов на рынке существовало уже более 40 видов ценных бумаг). Для создания конкуренции еще в условиях социализма шло разукрупнение предприятий-гигантов, расширялось поле свободных цен, либерализовалась внешняя торговля и оощрялся иностранный капитал, шлифовался налогово-кредитный механизм. К 1985 г. все хозяйственные блоки предприятий управлялись здесь только индикативными регуляторами. И все же даже в Венгрии монетаристские реформы вызвали спад производства, рост безработицы, инфляцию, дефицит бюджета².

В Чехии до начала либеральных реформ в течение 25 лет последовательно повышались цены на энергоносители, что приблизило эту стра-

ну к структуре мировых цен и при либерализации экономики финансовая дестабилизация была не столь разрушительна как в России и других постсоциалистических странах. Уже к 1993 г. здесь наблюдалось оживление производства и рост реальных доходов населения.

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что сейчас только некоторые страны получают полноценную помощь Запада для модернизации своих экономик. Так, 70% всех средств 24-х самых развитых стран Запада были получены Польшей, Венгрией и Чехией для создания финансового рынка и трансформации собственности³.

В России же сосредоточены наиболее сложные проблемы переходного периода. Государственный социализм имел здесь самую долгую историю, за которую была создана прочная, даже жесткая конструкция, исключая автономия экономики, идеологии, культуры, духовной жизни. Огосударствление приобрело столь впечатляющие размеры, что ни одна из подсистем общества не могла быть реформирована без того, чтобы не затронуть все остальные. Именно это обстоятельство требовало иной стратегии трансформации, чем в других постсоциалистических странах, имеющих для либеральных реформ отмеченные выше предпосылки. Но эта стратегия не была вовремя разработана и реально был применена стандартная либеральная реформа, не учитывающая многие особенности российского общества. Поэтому современное переходное состояние в России можно охарактеризовать как глубочайший кризис, в котором оказалось общество не только в результате предыдущего развития, но и вследствие осуществляемого реформаторского курса. Два совпавших по времени процесса — реформы и кризис — создали своего рода порочный круг, выбраться из которого обществу все труднее. Это дало основание Н.И.Лапину рассматривать современное состояние российского общества как патологический социокультурный кризис, который, в отличие от нормального кризиса развития, служит формой разложения определенного типа общественных отношений⁴.

И тем не менее хотелось бы не просто ждать, когда российский социум пройдет через распад, нулевую точку, хаос, “смерть”, поскольку, как полагает, например, М.А.Чешков, природа генетически наследованного советского социума в принципе нерепформируема⁵, а попытаться понять, действительно ли положение России столь катастрофично, каковы возможности выхода из кризиса и каков оптимальный путь движения нашей страны к современной цивилизации. Тем более, что катастрофизму в оценке современного состояния и исторического будущего России противостоит достаточно плотный круг дискурсов, посвященных позитивной разработке проблем

трансформации России в контексте мировых переходных процессов⁶. Хотя надо признать, что проблемы трансформации российского общества применительно к современной ситуации только начинают разрабатываться, тогда как историософские исследования предыдущих трансформаций уже имеют и прочную традицию, и современные достижения⁷.

В современных исследованиях все более активно преодолевается деление обществ по формационному признаку или по способу производства (известная пятичленка) и превалирует рассмотрение единого цивилизационного процесса как глобального движения от традиционного общества к современному. Соответственно разрабатываются и теоретические модели, которые могли бы выступать как социальные проекты такого движения. Наиболее распространены теории модернизации (во множестве вариантов), теории зависимого развития и изоляционистские теории. Несмотря на разность подходов, используемых механизмов и движущих сил в предлагаемых проектах и другие отличия, априори большинство авторов исходят из того, что модернизированное, современное общество обладает качественным преимуществом перед традиционным: по уровню жизни населения, по степени свободы и защищенности человека, по развитию демократии и способности общества решать проблемы и конфликты ненасильственным путем. Традиционное общество по преимуществу аграрное общество, оно основано на простом воспроизводстве, ручном труде, низком динамизме социокультурных процессов. Современное, модернизированное общество отличается от традиционного нормой накопления ресурсов для расширенного воспроизводства, в его материальной основе лежит индустриальное и постиндустриальное производство, реально существует плюрализм культур и духовности, динамично развивается социальная сфера.

Традиционное и современное общества характеризуются принципиальной разницей в поведении и взаимоотношениях людей, которая и определяет их динамизм, их стабильность и их развитие. Первый тип функционирует на основе выработанных норм, традиций и обеспечивает успех тем, кто им следует и способствует их сохранению. Второй тип общества — современный — зиждется на инновационном поведении, ломающем устоявшиеся нормы, связи, отношения.

В процессе длительного исторического развития современное общество сформировало институты, нормы и ценности и соответствующие ему типы экономической, политической, правовой и социальной организации. Их наличие предоставляет индивиду достаточно свободы делать свой выбор и реализовывать свои потенции, четко

осознавать свои права и интересы, а также действовать в соответствии с рационально поставленной целью.

Разумеется, что большинство существующих стран не могут претендовать на то, что в них присутствуют исключительно только современные или традиционные системы и отношения. Речь в данном случае идет о том, какие доминируют в конкретном обществе, в частности, какие модели поведения людей — традиционные или современные, определяют его развитие. Мир как глобальная система, рассмотренный с точки зрения современного и традиционного, предстает как сложный конгломерат обществ, которые уже стали модернистскими, или находяться на различных ступенях движения к современности, а также застывших в своем традиционализме, даже в предельно архаичных формах. Безоговорочно к современным относятся страны Западной Европы, США, Канада, Австралия, Япония. Хотя надо заметить, что именно Япония демонстрирует тот сплав современности и традиционности, который поколебал уверенность многих исследователей в однолинейности процесса перехода от традиционного к модернистскому обществу.

Что же создает тот тип общества, который получил название современного? Наряду с констатацией того, что экономическое развитие в нем не может происходить без соответствующего уровня политической демократии, развитого гражданского общества, правовой, культурной и личностной защищенности индивида, есть все же тот универсальный механизм, который создает объективные основы для функционирования современного общества и определяет его отличие от традиционного.

Таким универсальным механизмом, “сделавшим” современное общество, является рынок. И сейчас главное противостояние современного и традиционного общества проходит по линии рынок — традиция, ритуал⁸.

Для обществ современного типа рынок является основным пространством, где индивид или группа людей могут преследовать свои частные интересы. При этом рынок не следует понимать в чисто экономическом смысле. Рынок является универсальным интегративным механизмом, регулирующим не только производство и распределение материальных благ, но и любые социальные роли. Адам Смит понятие рынка связывал не столько с формами хозяйственного обмена, сколько с особым рода субъектом — “экономическим человеком”. Для последнего универсальным и безусловным императивом повседневного поведения в хозяйственной, политической и духовной сферах жизни является достижение частных интересов.

В отличие от современного традиционное общество функционирует на основе устоев, привычек, традиций, некоторого универсального образа действий. Подобно рынку традиция не просто бытовой или хозяйственный институт, но универсальный интегративный механизм, организующий любые социальные роли. В традиционном обществе норма, традиция определяет собой ту единственную и саму собой разумеющуюся форму, в которой личность или общность может выразить свои частные интересы, и это делает невозможным их переживание в качестве рациональной цели, предмета внутренней рефлексии или же внешнего принуждения. Какие бы частные интересы человек традиционного общества ни преследовал, он прежде всего занят поддержанием всеобщего сакрального порядка — это определяет и непосредственные цели, и конечный смысл его действий.

При всей условности выделенных идеализированных моделей они отражают фундаментальные отличия традиционных и современных обществ, хотя в реальной практике они в той или иной мере объединены и встречаются в чистом виде не часто. С этим связана и проблема интерпретации современных мировых процессов — идут ли они в направлении постепенного перерастания обществ традиционного типа в общества современные, или же процесс более сложен, скажем, даже в силу того, что именно традиционные общества обладают феноменальной устойчивостью и именно эта форма человеческого общества была реализована в мире в наиболее законченном виде. Да и в количественном отношении традиционные общества преобладают в мире.

Эти обстоятельства, как и многозначность и многообразность опыта перехода от традиционного к современному обществу, заставляют усомниться в правильности рассмотрения развития как однонаправленного процесса, следующего по формационным делениям. А. Кара-Мурза предложил своего рода точную метафору — развитие как “цивилизационный веер”, развертывающийся между крайними полюсами — “этатистско-общинным” и “индивидуально-собственническим”. “Каждый цивилизационный луч равноправен в историческом смысле уже по праву своего бытия”⁹⁹.

В такой интерпретации Россия, уже сделавшая за свою историю несколько решительных шагов к современному обществу (по подсчетам одних авторов их было 3 за последние два века, по подсчетам других — 13 за 400 лет истории российского и советского государства), один из лучей такого веера, который периодически колеблется между полюсами цивилизации. Может ли Россия стать современным обществом, или ей уготовлена роль вечного маятника — вопрос дискуссии

онный и исторически непредреженный. Как не предрежен он и относительно многих других стран, и не только из “третьего мира”, но и тех, которые ранее составляли мир “второй”, а ныне делают усиленные попытки приблизиться к миру “первому”.

Как писал М.Гефтер, в мире парадоксально сочетается (и противоборствует) неостановимая тенденция, “повсюдно” выравнивающая жизненные потребности и вкусы людей, с *разнонаправленностью* развития, которая, будучи завещана прошлым, ныне выходит наружу — и не в качестве рудимента, постепенно сдающего позиции, а напротив, растет в своей непривычности. “Что же перевесит? — спрашивает историк. Доступно ли если не сразу прочное, устойчивое согласие, то хотя бы перемирие между вестернизированным универсумом, вскормленным единственностью развития, — перемирие между ним и РАЗВИТИЯМИ, множественное число коих выражает собой не просто количество, а сдвиг смысла?”¹⁰.

Исторически сложилось так, что традиционное общество ассоциируется с Востоком, а современное — с Западом, причем имеется в виду не просто географическое пространство, а разные социокультурные феномены. Формирование с XII—XIV вв. н.э. в Западной Европе нового, рационального, рыночного общества, которое затем и было названо “современным”, стало основой западной цивилизации. Складывавшиеся в Западной Европе государства с самого начала были орудием нахождения и сохранения равновесия многих сил — короля и его вассалов, нарождающегося третьего сословия, бюргеров, буржуа. Равновесие сил требовало регуляции отношений. К XIV в. в Англии уже действует парламент, во Франции — Генеральные Штаты, послужившие далее опорой буржуазного развития страны и сравнительно мягким способом окончательного разрушения традиционного общества, не приведшего к возникновению на его руинах тоталитарного государства¹¹. Договорной принцип постепенно утверждался в западных странах, способствуя тому, что европейская цивилизация создавала правовое пространство, где в выгодном положении оказывался более развитый, более образованный и способный индивид.

Отмечая определенное единство западной цивилизации как нотипных институциональных, организационных и ценностных систем, необходимо все же выделить в ней различия собственно европейского и североамериканского идеологических компонентов. Они заключаются в разных представлениях американской и европейской общественной мысли о типах развития в рамках единой западной цивилизации. Для Европы, находящейся в процессе своего объеди-

нения, ключевой стала идея европейской общности, целостности, заключающей в себе многообразие народов и культур. В отличие от предлагаемой США всеобщей универсализации, основанной на либеральной экономической модели, предполагающей растворение народов и наций в некоем “плавильном котле”, приведение их в “однородное состояние”, европейская идея включает в себя признание, что главная задача создания единых общеевропейских структур — сохранение национальных и региональных различий, каждое из которых раскрывает какую-то сторону европейской цивилизации¹². При этом европейская цивилизация рассматривается как культурно-идеологическое целое, основанное на общности истоков, исторической судьбы и наследия. И в этом своем качестве она должна создаваться на глубоких исторических и культурных факторах, на основе подлинных ценностей.

Альтернатива европейского развития основана на возрождении традиционной системы ценностей, внимании к историко-культурным, религиозным, морально-этическим и культурным проблемам. Вновь становится актуальным вопрос о том, что призвание европейской цивилизации — вовлечь в круг общечеловеческих ценностей восточно-европейские страны, в том числе и Россию.

Весьма показательным, что в самой динамике процесса модернизации в Европе некоторые западные ученые видят побудительный мотив, толкающий европейцев к сохранению национальных особенностей и региональных культур. Ассимилирующее воздействие процессов модернизации пробуждает отношение к культуре как к “компенсации темпа перемен”. Диалогичность европейской культуры, ее стремление понять иное культурное разнообразие создают предпосылки для утверждения российского компонента в европейской идентичности, прежде всего посредством культуры и исторической памяти российских и европейских народов.

Характерно, что многие представители западноевропейской общественной мысли усиленно подчеркивают генетическую связь европейской и российской культур, и не только XIX, но и начала XX века. По мнению известного германского политолога Ассена Игнатова, хотя Россия, строго говоря, не относится к западноевропейскому культурному кругу, это не означает непримиримости культур России и Запада. Азиатское (татарское) влияние было несчастьем для России, причинило ей, вопреки утверждениям “евразийцев”, тяжкий ущерб, однако это влияние не было фактом исконно русским. По своему историческому происхождению Россия — европейская страна, не западноевропейская, но *европейская*. У Западной и Восточной Евро-

пы общие духовные корни — христианские. Таким образом, существует реальный духовный мост между Россией и Западной Европой. Доказательством этого является универсальное значение русской культуры, достижения русской философии, русской науки первых двух десятилетий XX в. В.Соловьев, Н.Бердяев, С.Булгаков, Л.Шестов подлинны духовные братья К.Ясперса, Г.Марселя, М.Хайдеггера, А.Бергсона. В России были талантливые приверженцы плюралистической демократии и рыночного хозяйства (Б.Вышеславцев) и убежденные сторонники либерализма (П.Милоков, П.Струве), защитники правового сознания (П.Новгородцев, Б.Чичерин)¹³.

Вместе с тем по своему геополитическому положению, по этнокультурному сплаву населения, по политической традиции, по распространенности ценностных систем в сознании народа Россия является евроазиатским государством. Этим обусловлены многие сложности и особенности как предыдущих, так и современной модернизации общества. Это же дает основание многим исследователям усомниться в европейской принадлежности России, вообще в ее возможности стать европейским обществом, подобном западным странам¹⁴.

Систематизацию существующих в литературе подходов относительно российской идентичности в координатах “Восток”-“Запад” осуществила В.Г.Федотова¹⁵. Она выделила пять доминирующих точек зрения.

1. Россия находится между Востоком и Западом и не имеет цивилизационной определенности, она лишь колеблется в ту или иную сторону; Россия осуществляет слабый, неустойчивый синтез между Востоком и Западом, постоянно теряя стабильность и цельность;

2. Россия — евразийская страна, в ней осуществлен синтез европейского и азиатского начала, она является плавильным тиглем для славяно-тюркских народов, сформировавших в результате органику российского суперэтноса, его культуру;

3. Россия вовсе не является азиатской страной, она — безусловно европейская страна, находящаяся, однако, в состоянии недостаточной развитости (“отсталая” Европа, “вторая” Европа), но способная преодолеть отсталость и подняться до уровня развитых капиталистических стран;

4. Россия представляет собой часть восточноевропейской цивилизации;

5. Россия обладает собственной цивилизационной особенностью, которая ярче всего представлена ее провинцией.

В этих точках зрения доминируют две позиции. Одна изолирует российское развитие (почвенничество, в том числе славянофильское

и евразийское) и другая — западничество, определяющее Россию как отсталую Европу.

Другой ракурс определения места России в общемировом развитии предложил английский социолог Т.Шанин¹⁶. Он считает, что Россия рубежа XIX и XX в. была первой в новой истории страной, в которой материализовался социальный синдром, называемый ныне “развивающимся обществом”. Именно здесь была поставлена под вопрос абсолютная ценность западноевропейского опыта для всего остального человечества. Уже начиная с эпохи Петра I европеизация России усиливала в русской государственной системе как раз ее “не-европейские” элементы. По сути дела для того и использовались достижения Запада. К примеру, русская государственная служба создавалась по немецко-датским образцам XII—начала XIII в. Но в Европе становление “правильно организованного” аппарата государственно-го управления означало завершение перехода от традиционного общества “к современному”, т.е. обществу с высоким уровнем социальной, политической и экономической дифференциации, обществу с элементами “правовой государственности”, обществу перманентной коллективной и индивидуальной эмансипации. В России же организация формально европеизированного корпуса бюрократии отражала стремление верховной власти получить еще больший контроль над обществом, т.е. стремление антиэмансипационное по своему содержанию.

Подобную же позицию, но относительно современного положения России как страны третьего мира, занимает А.М.Чешков. Отмечая, что основные черты развивающихся стран, относящихся к третьему миру, складываются из отсталости (в первую очередь технологической), социальной аморфности, зависимости и периферийности в мировом общественном разделении труда, этот автор пишет: “В новой России тьермондизм возникает в совокупности своих классических черт, что позволяет предполагать рождение здесь нового — второго — издания третьего мира”¹⁷.

Различные точки отсчета в анализе развития России дают неоднозначные интерпретации современных путей ее модернизации, что находит воплощение в социальных проектах.

Полюсами предлагаемых проектов являются:

1. Модель открытой миру экономики, в которой экономический рост должен явиться результатом высокого уровня конкуренции на мировом рынке (форсированный внешний вызов).

2. Закрытая экономическая система с высоким уровнем государственного вмешательства в хозяйство с целью развития отечествен-

ных отраслей и предприятий в изоляции от мирового хозяйства (ориентация на внутренние стимулы развития).

Существует, кроме того, множество промежуточных вариантов, в той или иной мере тяготеющих больше к первому или второму полюсу.

Каким же образом происходит выбор того или иного варианта развития? По мнению В.Г.Федотовой, и с ней нельзя не согласиться, в настоящее время он зависит исключительно от мировоззренческой позиции людей, принимающих соответствующие решения на государственном уровне, хотя в действительности нет доказательств истинности ни одного из вариантов реформирования. Методология современного анализа не позволяет допустить прямую онтологизацию теоретических абстракций, а каждый ракурс интерпретации не может рассматриваться как единственный. Выбор пути развития России может решаться только на пересечении этих ракурсов, вскрывающих общемировые тенденции, российскую специфичность и ее геополитические интересы. В связи с этим В.Г.Федотовой предлагается новый подход, при котором ставится задача достижения рационального договора о базовых национально-государственных ценностях и интересах. “Условие и цель договора — преодоление конфликта между представителями враждующих течений на почве простого понимания того, что без развития Россия не может быть великой страной (мысль, “полезная” почвенникам и евразийцам), что без осознания своих национально-государственных интересов и собственной идентичности она не может модернизироваться (мысль, “полезная” западникам). Такая идеология не может решить проблему единства страны, т.к. за столкновением взглядов стоит борьба интересов. Однако без нее не могут быть достигнуты ни общие правила действия, ни жертва части интересов, называемая компромиссом”¹⁸.

Такая постановка проблемы выбора пути развития заставляет обратиться к рассмотрению того, *что* представляет собой модернизация такого общества как Россия.

Модернизация — это процесс технологических, экономических, социокультурных и политических изменений общества, которые оказывают кардинальное воздействие на экономическую организацию общества, его социальную стратификацию, ценностные представления и в целом на повседневную жизнь людей. Обычно утверждается, что модернизация связана с распространением западного рационализма, сциентизма, ориентаций субъектов на экономический рост и технический прогресс, отношением людей к природе как к объекту приложения своих сил и знаний, идеями социального равенства и индивидуальной свободы, индивидуализмом¹⁹.

Таким образом, модернизация, по сложившейся традиции, рассматривается как однонаправленный процесс — развитие в обществах разного типа элементов культуры западной цивилизации. Но при этом в разных странах существуют значительные расхождения в целеполагании, причинах, методах осуществления модернизаций.

Органичные модернизации были осуществлены в странах первого эшелона развития²⁰ как реакция на внутренние импульсы и опирались на идеи национально-культурного возрождения и уже сформированные в обществе ценностные ориентации значительных слоев населения. Такие модернизации осуществились в ходе промышленного переворота в Англии, в начале XX века в США, в 60-е годы XX века во Франции. Несмотря на некоторые различия фаз, моделей и сроков модернизации в западных странах все они были связаны геополитическим и культурным единством, что привело примерно к одному и тому же общественному типу²¹.

Неорганичная, или вторичная, или догоняющая модернизация осуществляется как ответ на вызов, брошенный извне, со стороны более развитых и динамичных обществ. Он может ощущаться и оцениваться частью или всем обществом как своя историческая отсталость, как опасность внешней экспансии, как национальная катастрофа. Подобного типа модернизация с разным успехом была осуществлена в Японии, Турции, странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Наконец, несколько попыток догоняющего развития было предпринято и в России.

Неорганичные модернизации осуществляют те страны, которые названы в литературе “вторым эшелонem развития”. Для них развитие по европейскому пути связано с модернизацией “догоняющей”, когда в обществе делаются определенные усилия, нередко с помощью тоталитарного или авторитарного государства, чтобы приблизиться к развитым странам мира по уровню технологий, качества жизни, политической культуры, ценностям правового государства и т.д.

Для характеристики неорганичных модернизаций иногда применяется даже термин “патологическая модернизация”, когда признается, что она не имеет опоры в национальной культуре и традициях, противоположна им. Таковой, по мнению Л.С.Перепелкина, была модернизация среднеазиатского региона в годы советской власти²².

Модернизация в современной России осуществляется как ответ на внешний вызов развитых стран, вступивших в период постиндустриального развития, и некоторых развивающихся стран, успешно осуществляющих догоняющее развитие и приближающихся к странам “внутренней зоны”. На их фоне Россия исчерпала внутренние

импульсы, действовавшие в рамках тоталитарной системы, все более отставая от других стран мира.

Провозглашенная в середине 80-х годов “перестройка” была попыткой эволюционно сменить парадигму развития, осуществить модернизацию с опорой на сложившийся номенклатурный слой без изменения системы экономических отношений, лишь обновив ее отдельные звенья. Но результатом стало не провозглашенное руководством “ускорение”, а дальнейшее замедление развития с нарастанием кризисных явлений во всех сферах общества. К началу 90-х годов Россия стояла перед целым комплексом общих условий, выполнение которых стало необходимым для осуществления модернизации.

Отвлекаясь от политических и идеологических аспектов модернизации, которые заслуживают специального рассмотрения и уже получили в литературе довольно полное освещение²³, остановимся в этой книге на социально-экономических проблемах модернизации. Тем более, что, как представляется, их решение составляет фундамент для подлинной модернизации общества, а не для ее имитации, к чему вольно или невольно привел реформаторский курс, осуществленный в первой половине 90-х годов в России. Кстати говоря, отсутствие подлинной модернизации, как и тщательно разработанной стратегии реформ, учитывающей разнонаправленные интересы различных социальных групп, в немалой степени содействовали накалу идеологического противостояния в обществе и тому, что проблемы модернизации стали рассматриваться преимущественно в идеологическом и политологическом ракурсах.

Сразу же отметим, что социально-экономическая модернизация тесно связана с технологической и во многом ею определяется. Именно технологическая модернизация выдвигает на авансцену те или иные социальные и профессиональные группы, которые заинтересованы в ней, или ей противодействуют, последовательность преобразований в социальной сфере. Влияние технологической модернизации опосредуется через преобразование технико-экономических укладов общества.

За десятилетия советского периода в России сложилась своеобразная социально-экономическая структура, в которой представлены разные технико-экономическиеклады. Доминирующие позиции к началу 90-х годов занимало индустриальное производство, сложившееся в результате догоняющего развития в советский период. В экономическом отношении оно не было эффективным, имело ресурсозатратный характер, но в социальном отношении индустриализация преобразовала патриархально-традиционную структуру общества,

обеспечив профессионализацию труда (при том что доля ручного труда в промышленности составляла свыше 40%), урбанизировала территориальные поселения, вызвала беспрецедентный рывок в повышении уровня образования народа.

Одновременно с индустриальным технико-экономическим укладом существовал доиндустриальный, широко представленный в сельском хозяйстве (где доля ручного труда составляла почти 90%), в некоторых промышленных производствах, в сфере обслуживания. Этому укладу соответствовал низкий уровень образования и патриархально-урavnительные отношения.

Растущим сегментом экономики были наукоемкие отрасли, сконцентрированные в ВПК и способные к соревнованию с Западом — атомная энергетика, радиоэлектроника, аэрокосмическая промышленность. По этим направлениям на мировом уровне работали некоторые научные и образовательные центры. Стали активно развиваться и исследования по генной инженерии, биотехнологии, композиционным материалам и т.д.

Особый сегмент производственного уклада составляли энергосырьевые производства, где сосуществовали отсталые и передовые технологии. Этот сегмент получал обильные инвестиционные вливания и служил основным поставщиком ресурсов для ВПК, развития ряда высокотехнологичных производств, содержания армии, закупок импортного продовольствия, содержания бюрократической машины.

Разработки богатых месторождений Западной Сибири создавали благоприятные возможности для развития энергетики, а также экспорта нефти и газа. Этому же способствовала хорошая конъюнктура на внешних энергетических рынках. Но поток нефтедолларов 70-х и 80-х годов не смог стать локомотивом модернизации, так как сверхцентрализованная экономическая система была крайне неэффективна, она глушила инициативу и творческий поиск, при том что рыночные механизмы и стимулы были практически полностью подавлены. В результате почти все доходы от энергосырьевых отраслей направлялись прежде всего на их собственное поддержание, на развертывание вооружений и научно-техническое обеспечение ВПК. В отраслях, находящихся на индустриальной и доиндустриальной стадиях, которые остро нуждались в подлинной модернизации, в последние два десятилетия нарастала технологическая деградация.

Таким образом, к началу 90-х годов в России существовала многосекторная по технологическому уровню экономика, предельно огосударственная, но имеющая значительные точки возможного роста благодаря прежде всего накопленному человеческому и интеллекту-

альному потенциалу. Катастрофой было отказываться от того положительного, что было уже достигнуто и вводить крайне примитивную форму рыночных отношений, полностью отрекаясь от своего прошлого опыта и достижений.

По существу, в России была предпринята попытка ввести в действие рыночные механизмы без активного государственного регулирования и вмешательства в процессы *распределения ресурсов*. В результате произошло перераспределение политической и экономической власти в пользу сырьевого капитала, криминализация экономики. Институты рынка стали создаваться с ориентацией на интересы мафиозных структур, отдельных финансовых и промышленных группировок, элитной бюрократии и функционально не были ориентированы на возрождение всей экономики. Интересам небольшой части общества были принесены в жертву интересы большинства и даже, сейчас уже можно утверждать, всей страны. По оценкам многих специалистов, Россия отброшена в результате реформ на полтора-два десятилетия назад. Весьма вероятно, что вплоть до 2005 года экономика страны будет пребывать в депрессивном состоянии. При этом сохранится ориентация на сырьевой и энергетический экспорт при дальнейшей научно-технической деградации остального хозяйства²⁴.

Некоторые зарубежные специалисты²⁵ крайне негативно оценивают попытки российских реформаторов построить в России “классический капитализм” XVIII века и считают, что осуществленная здесь псевдоприватизация не могла в принципе помочь модернизации экономики. Дело в том, что в стране отсутствовал подлинный стратегический инвестор, обладающий не только достаточными финансовыми ресурсами, но и опытом управления производством в рыночных условиях. “Иностранные инвесторы не принесли (и не принесут) с собой необходимые кредиты, опыт и квалификацию для капиталистического развития”, — считают эти специалисты. Идеологическое давление, которое сопровождало процесс приватизации, способствовало безнадежному развалу государственных предприятий. Слабым утешением является то, что период приватизации не был осложнен социальными конфликтами и столкновениями коллективов и администрации.

Следование рецептам западных либеральных экономистов не позволило использовать сильные стороны российского общества, располагавшие к модернизации: более менее равномерное распределение доходов, что создавало относительную устойчивость отношениям, предотвращало конфликты; стремление к справедливости и равенству в противовес “выгоде”, что удерживало большинство насе-

ления от экстремизма в поведении; относительно высокий образовательный уровень, хорошая система общего и профессионального образования (по признанию многих зарубежных специалистов, превосходящего уровня); а также традиционно сильная роль государства во всех областях жизни. В совокупности с научно-техническими и технологическими достижениями в некоторых отраслях экономики эти социальные предпосылки при их правильном использовании составляли те необходимые условия, которые позволили бы проводить реальную модернизацию. Безусловно, роль государства при этом должна быть ключевой. Но в силу исторически сложившихся обстоятельств государство “ушло” из экономики и стало жертвой лобирования узкогрупповых интересов. Ему оказалось не по силам создать работающие на все общество рыночные институты. Таким образом, очередная попытка догоняющей модернизации, предпринятая в России в начале 90-х годов, вряд ли может рассматриваться как удачная. Как будет показано ниже, она могла бы быть такой лишь при выработке стратегии реформирования, которая учитывает исторические и социокультурные особенности России и постепенно трансформирует неорганичное развитие общества в органичное.

Конечно, нельзя абсолютизировать деление модернизаций на органичные и неорганичные, тем более, что опыт, в частности, Японии показывает, что и неорганичные модернизации в определенных условиях могут быть чрезвычайно успешными. Впрочем, существует мнение, которое специально будет рассмотрено ниже, что в Японии была осуществлена органичная модернизация, использующая культурные и политические традиции страны.

Исторический опыт показывает, что модернизация как процесс таит в себе много проблем и ловушек, преодолеть которые удастся не всем странам догоняющего развития. Анализ опыта некоторых из них весьма полезен для того, чтобы представить себе задачи, которые стоят сейчас перед Россией.

1.2. Опыт догоняющей модернизации в некоторых странах и Россия

Весьма поучителен для России опыт латиноамериканских стран, опробовавших различные варианты догоняющего развития и осуще-

ствляющих модернизации, которые можно классифицировать как неорганичные.

Начнем не с последнего десятилетия, а с более раннего периода, поскольку в них можно найти многое из того, что обсуждается сейчас применительно к России.

Своеобразный вариант модернизации был разработан и с разным успехом реализовался в 50-е и 60-е годы в странах Латинской Америки и Карибского бассейна — так называемая концепция развития вовнутрь и изнутри. Во второй половине 40-х годов Экономической Комиссией для Латинской Америки (ЭКЛА), созданной при Экономическом и Социальном совете ООН была разработана специальная концепция, в которой было определено место латиноамериканской слаборазвитости в общемировом развитии. Детальное рассмотрение сути этого проекта, хода его осуществления и полученных результатов предпринял видный специалист в области проблем развития из Венесуэлы Гейнц Зоннтаг²⁶. В основе проекта ЭКЛА лежало положение, что внутренние деформации стран региона возникали из-за монопродуктивности экономики, которая не позволяет добиться достаточной нормы сбережений, формирования капитала и рационального использования рабочей силы. Специалисты ЭКЛА считали, что было бы ошибочным усматривать в тенденциях инкорпорирования экономик Латинской Америки в мировую систему в качестве периферийных с контролем над их динамикой злой умысел развитых стран. Само по себе международное разделение труда не наделено механизмами для поддержания равновесия цен на первичные товары и продукцию обрабатывающей промышленности. Кроме того оно не распределяет равномерно выгоду от технического прогресса и поэтому львиная доля прибыли уходит в страны, производящие промышленные товары. Следствием этого становится деформация производственных структур в экономике. Преодоление такого положения возможно лишь в условиях насильственного отчуждения стран от международной торговли, которое может обеспечить собственное индустриальное развитие слаборазвитых стран. Специализация же на преимущественно первичной продукции всегда затрудняет индустриализацию и превращение различных форм социальной организации в капиталистические, словом, затрудняет модернизацию.

Для поощрения и ускорения развития ЭКЛА предложила определенный политико-экономический курс, главными моментами которого были: отказ от системы монопродуктного производства; модернизация производственных структур за счет современных технологий и изменения форм социальной организации труда; стимулирование индустриа-

лизации путем замены импортируемых промышленных товаров произведенными внутри страны и ускоренное развитие внутреннего рынка.

Данные задачи и составили сущность концепции *развития вовнутрь и изнутри*.

Кроме того, в предложенный проект были включены три дополнительных элемента. Во-первых, государству отводилась роль регулятора экономических процессов и защитника внутреннего рынка в целях стимулирования местного промышленного производства. Во-вторых, подчеркивалась необходимость привлечения в экономику иностранных финансовых источников из-за отсутствия их внутри страны. В-третьих, катализатором процесса модернизации объявлялась региональная интеграция латиноамериканских стран, которая должна была быть достигнута путем расширения национальных рынков и упрочения социокультурной идентификации латиноамериканского общества.

Наряду с экономическими и структурными проблемами специалисты ЭКЛА почти с самого начала проявляли интерес к социальным проблемам, условиям и последствиям развития. Уже с середины 50-х годов было обращено внимание на такие процессы как урбанизация, образование и маргинализация тех сегментов населения, которые не удалось включить в современную экономику, вероятно, из-за чересчур быстрого протекания процессов развития.

Однако в начале 60-х годов специалисты комиссии констатировали, что, несмотря на осуществление разработанной программы развития в каждой отдельно взятой стране достигнутый уровень не соответствовал поставленным целям. Вскоре после этого ЭКЛА стала придавать большее значение глобальным аспектам развития, сконцентрировав внимание на проблемах перехода от традиционного к современному обществу как преодолению прежних систем ценностей, взглядов, моделей поведения и традиционной социальной стратификации.

В 60-е годы в качестве серьезной альтернативы теориям модернизации в Латинской Америке стала разрабатываться теория отсталости и зависимого развития (депендентизм). В ней пересматривалась дихотомия “традиционное общество” — “современное общество”, в которую не вмещается многообразная действительность развивающихся стран, и отмечалось, что элементы этих обществ не просто сосуществуют, а тесно взаимосвязаны друг с другом. Отсталость (слаборазвитость) в этих теориях рассматривалась как результат исторической эволюции мирового капитализма, как часть глобального исторического процесса развития.

В основу депендентистской теории, основанной на методологии структурализма, была положена критика дуальной схемы, на которой был основан первоначальный вариант концепции ЭКЛА. В своем анализе положения латиноамериканских стран депендентисты отмечали, что слаборазвитость и развитость не являются последовательными стадиями, через которые проходят все страны, а напротив, отражая две стороны действительности, развиваются параллельно. И, следовательно, слаборазвитые страны могут избежать фаталистического развития по схеме развитых капиталистических стран и найти свои, отличные от прежних пути развития. При этом развитие депендентисты рассматривали не только как процесс технико-экономического и технологического роста, а как изменение совокупности общественных отношений, экономических и социальных факторов и структур, направленное на созидание новых форм общественного бытия²⁷.

Но фактически депендентистская теория выдвигалась в русле теорий развития и модернизации и представляла последовательность стадий: индустриализация, модернизация сельского хозяйства, диверсификация экономики. В своих ориентациях депендентисты опирались на социальные слои, олицетворяющие прошлое экономик своих стран, недооценивали проблемы образования, науки и культуры. Попытка реализовать некоторые из рекомендаций теоретиков зависимости, предпринятая правительством “Народного единства” в Чили (1970—1973 гг.), кончилась неудачей²⁸.

Широкое признание и распространение на латиноамериканском континенте с середины 60-х годов получила доработанная ЭКЛА программа развития, учитывающая гетерогенность этих обществ. В ней переход к модернизации мыслился как планомерное осуществление нескольких “структурных” реформ в сельском хозяйстве, образовании, государственной администрации.

Теория, разработанная ЭКЛА, стала наиболее влиятельной доктриной развития, получившей признание во всем “слаборазвитом” мире. Эта теория послужила ориентиром для социальной практики, породив вместе с тем эйфорию развития, сделавшую возможными определенные социальные альянсы в латиноамериканских странах, которые позволили мобилизовать и сплотить самые широкие круги политиков, руководителей, профессоров, предпринимателей, военных, а вместе с ними и те социальные группы, которые они представляли. Эта теория проникла в общественное сознание, утвердилась как “обещание Новой эры”.

Стратегия ЭКЛА, примененная в нескольких странах региона, серьезно изменила лицо Латинской Америки. На протяжении двух

десятилетий их экономика развивалась очень высокими темпами, прежде всего промышленность и внешняя торговля.

Глубокие перемены произошли в социальной сфере. Соотношение между сельским и городским населением изменилось на обратное, расширились масштабы образования, в том числе университетского, улучшилось здравоохранение и санитарные условия жизни, в результате возросла ожидаемая продолжительность жизни.

Стратификационные изменения привели к сокращению роли и доли крестьянского населения и возрастанию промышленного пролетариата, увеличилась численность местной буржуазии.

В социокультурной сфере произошли перемены в ценностных ориентациях, нормах жизни и поведения по отношению к структуре потребления, но не во всем обществе, а только в промежуточных секторах и среди работающих в современных сферах экономики. Однако в целом структурная гетерогенность общества упорно сохранялась и по-прежнему острой проблемой оставалось сосуществование патриархальных форм организации труда, унаследованных ценностей и типично семейных форм поведения.

Политическая модернизация оказалась наиболее нестабильным и неуправляемым аспектом развития, что сопровождалось разной степенью демократизации региональных обществ. В ряде стран — Чили, Колумбии, Коста-Рике, Мексике, Уругвае и Венесуэле — удалось создать некий символ государства национально-общественной ответственности, что и являлось неотделимой частью теории развития ЭКЛА. В других странах региона трудности модернизации вызвали социально-политические волнения и недовольства, что закончилось новым всплеском авторитарного правления — в Бразилии (1964 г.), в Перу и Панаме (1968 г.) и Эквадоре (в начале 70-х годов). В некоторых странах сохранился патриархальный авторитарный режим (Парагвай, Никарагуа, Гаити и в более завуалированном виде Сальвадор, Гватемала и Гондурас).

Одним словом, следование доктрине развития, разработанной специалистами ЭКЛА, некоторое время создавало иллюзию, что, несмотря на все препятствия и трудности, у стран региона есть все шансы и возможность осуществить развитие, близкое к развитию индустриально развитых стран — так называемых стран “внутренней зоны” мировой системы.

Однако этим надеждам не суждено было сбыться. И причины этого, пишет Г. Зоннтаг, в существовании нескольких недостатков в реализованной в Латинской Америке доктрине развития.

Во-первых, эта теория ориентировалась прежде всего на достижение уровня развития, на который вышли развитые общества, без

учета положения своих стран в мировой системе, исторических традиций и социокультурной идентификации населяющих их народов. Следствием этого подхода явилась узость подходов ЭКЛА, которые сводились исключительно к модернизации без учета всей сложности и своеобразия общества.

Во-вторых, в теории, особенно на первых этапах, доминировал экономизм. Разработчики теории были уверены, что модернизация системы производства вызовет рост социальной мобильности, выявит общественных деятелей, способных руководить этим процессом, а заодно и демократизацией своих стран. Позже этим проблемам было уделено внимание, но остаются неоспоримые факты, свидетельствующие, что экономизм так и не был преодолен. Например, в этих странах модернизация социальных и политических институтов так и не была закончена, в основном осталась без изменения система ценностей, норм жизни и поведения. В целом предложенная стратегия развития так и не вывела страны региона на уровень современности.

В-третьих, научные и технологические инновации развитых стран находили применение в процессах модернизации производств стран латиноамериканского региона как нечто застывшее, неизменное. В результате технологическая зависимость не ослабевала, а усиливалась. Научная и технологическая гегемония стран “внутренней зоны” стала свершившимся фактом.

В-четвертых, не была реализована и ставившаяся цель перераспределения доходов. Быстрый экономический рост происходил в контексте весьма значительного неравенства доходов. В 70-е и 80-е годы в 14 латиноамериканских странах соотношение среднего дохода на душу населения в верхней пятой части населения и нижней пятой части составляло 16,7 раза. Для сравнения заметим, что в то же время в 13 странах Юго-Восточной Азии оно равнялось 8,5 раза. Опыт Латинской Америки дает основание говорить о дифференцирующем влиянии экономического роста, когда образуется огромная разница между доходами в привилегированных секторах и доходами рядовых тружеников, особенно в маргинальных сегментах рынка.

В-пятых, взаимоотношения развитых государств со странами Латинской Америки при их декларации своей помощи неизменно определялись их собственными интересами. Пример этого — вмешательство транснациональных корпораций в индустриализацию латиноамериканских стран, которое способствовало частичной денационализации производства.

В-шестых, не суждено было сбыться надеждам разработчиков стратегии, что все социальные группы откажутся от собственных ин-

тересов в пользу интересов государства-нации безотносительно их места в экономической структуре, системе распределения, социальной стратификации, положения в культуре и системе власти. В действительности же после некоторой “эйфории развития” 50-х и 60-х годов произошла серьезная трансформация отношения к общенациональным проблемам. Элита стала все сильнее объединяться с транснациональными корпорациями, средние классы занялись в большей мере удовлетворением собственных потребностей и отстаиванием привилегий. Трудящиеся классы начали расслаиваться в соответствии с их местом в диверсифицированной производственной системе. Начиная с 70-х годов роль национального государства значительно снизилась, его вмешательство в жизнь общества ослабло, стало выборочным и осторожным, в большей мере стали реализовываться принципы свободной рыночной экономики.

В-седьмых, модель развития, разработанная ЭКЛА, предусматривала, что экспорт продукции добывающей промышленности и сельского хозяйства обеспечит валютные поступления для процесса индустриализации. В действительности же приток валюты постоянно был недостаточен и это заставляло вновь и вновь обращаться за помощью к странам “внутренней зоны”. Порочный круг иностранной задолженности в конце концов вылился в кризис начала 80-х годов. Несмотря на выплату частным банкам развитых стран значительных сумм в счет погашения долга, этот долг продолжал расти — с 367 млрд.долл. в 1984 г. до 416 млрд.долл. в 1989 г. и до 451 млрд.долл. в 1992 г., не считая новых займов.

Внутренний валовый продукт на душу населения снизился в период между 1980 и 1989 гг. на 8,3%, тогда как минимальная заработная плата в городах уменьшилась на 21,6% в 1989 г. по сравнению с 1980 г. Нищета охватывает сейчас от 50 до 70% населения. Значительные сегменты в средних классах также приблизились к черте бедности.

Во многих странах Латинской Америки в 80-е и 90-е годы стала реализовываться стратегия развития, ориентирующая на более полную интеграцию в международные рынки. Эта модель, получившая название “неолиберальной”, пришла на смену “националистическим” вариантам развития, ориентированным в той или иной мере на собственный исторический путь и собственные внутренние стимулы. При этом интеграция в мировую экономику должна была осуществляться как за счет развития экспорта, так и за счет открытия своих рынков для товаров, производимых в других странах, причем до тех пор, пока не будут установлены “реалистические” обменные курсы валют, упразднено государственное регулирование, гарантирована

рыночная ориентация экономики, сокращены правительственные расходы и заморожена заработная плата. Эта стратегия получила новые стимулы с тех пор, как сломалась советская модель развития.

Отход от “националистической” модели развития и введение в действие “неолиберальной” характерен для многих стран Латинской Америки, в частности, для Мексики. Специалисты, анализирующие переход этой страны к модели открытой экономики, отмечают высокую социальную цену, которую приходится платить народным массам за начатые преобразования (массовое закрытие мелких и средних производств, безработица, падение покупательной способности, маргинализация населения, рост имущественного неравенства и т.д.)²⁹.

Многие специалисты, изучающие проблемы развития в странах Латинской Америки, делают заключение, что последовавшее в 80-е годы ослабление роли государства в экономике, либерализация стали причиной ухудшения ситуации, на латиноамериканском континенте не смогли выработать курс, который был бы лишен недостатков неолиберального проекта. Характерно, что эксперты ООН, подготовившие в 1990 г. доклад о развитии региона, отметили: “В Латинской Америке намерениям изменить модель развития и систему экономической организации противостояли сопротивление и открытая оппозиция господствующих групп, опасющихся, что перемены повредят их интересам”³⁰. Эксперты настоятельно рекомендовали соизмерять темпы либерализации экономики с реальной социальной обстановкой и в случае необходимости осуществлять преобразования более медленными темпами, используя властные функции государства для направления средств на повышение уровня жизни малообеспеченных групп населения.

Стоит прислушаться к мнению американского экономиста, представителя новой либеральной волны в США Р. Каттнера, который в своей книге “Конец свободных рыночных отношений” проанализировал тенденции послевоенного развития стран Западной Европы, Латинской Америки, Японии и США. Данные анализа, получившие положительный отклик видных американских экономистов, в том числе Дж. К. Гелбрейта, показали, что страны (в первую очередь Латинской Америки), формально следовавшие рецептам рыночного развития с упором на нерегулируемое свободное предпринимательство, очень быстро оказались в долговой яме астрономических размеров, в то время как государства, добившиеся наибольших экономических результатов, особенно Япония, достигли научно-технических и экономических высот благодаря совершенно иным факторам и концепциям развития, в основе которых лежали идеи четко сформулированных национальных интересов.

Каттнер отмечает, что несмотря на хроническую политическую нестабильность, авторитарные режимы, инфляцию и другие беды, в 50-е, 60-е и 70-е годы в странах Латинской Америки — особенно с сильным государственным сектором — наблюдались в целом неплохие темпы экономического роста—порядка 5 процентов ежегодно. Например, валовой национальный продукт (ВНП) Бразилии за период с 1965-го по 1980 год утроился, а ВНП, приходящийся на душу населения, удвоился. Однако под давлением американской администрации в 80-е годы эти страны перешли на систему свободных рыночных отношений, и это привело к тому, что с 1981 по 1989 годы ВНП на душу населения в Мексике снизился на 9,2 процента, Перу — на 24,7, Боливии — на 26,6, Аргентине — на 23,5 и в Венесуэле — на 24,9 процента³¹.

В период 1983–1989 годов из стран Латинской Америки было вывезено капиталов на сумму 150 миллиардов долларов, и только примерно одна четверть процентных выплат по долгам этих стран иностранным банкам была покрыта за счет новых займов. Возможности стран Латинской Америки погашать долги, расширяя экспорт своей продукции, весьма ограничены, поскольку величина процентов, выплачиваемых по долгам, к 1987 году примерно в два раза превышала ежегодный объем экспортной выручки в твердой валюте, в частности, для Мексики соотношение этих показателей составило 4:1, для Перу — 5:1, для Аргентины — 7:1³².

В том же положении, пишет Каттнер, оказалась Польша, которая последовала рецептам “шоковой терапии” и теперь вынуждена целиком зависеть от активной политики Запада в отношении списания или погашения ее долгов.

В связи с такими итогами Каттнер саркастически замечает, что концепция экономического развития, построенная по схеме: “Приватизируйтесь. Дерегулируйтесь. Продавайте реальные активы для оплаты долгов. Давайте гарантии иностранному капиталу, и вы будете вознаграждены!”³³ — рассчитана на малоопытных и неискушенных политиков в основном из развивающихся стран, не понимающих в достаточной степени реального — более сложного! — механизма вывода своих стран из экономического кризиса.

В российской публицистике довольно настойчиво звучали призывы осуществить модернизацию общества по так называемому “чилийскому варианту”, правда, с оговорками о неприемлемости кровавой жестокости, сопровождавшей первоначальный этап реформ. Поэтому стоит остановиться на анализе опыта Чили после падения правительства Народного Единства, возглавлявшегося С.Альенде. Тем

более, что возвращение к идее авторитарной экономической модернизации (и не только на уровне дискурса) в свете углубляющегося системного кризиса российского общества вполне вероятно.

Попытки реализовать модель “развития вовнутрь” в начале 70-х годов натолкнулась в Чили, как и в других странах Латинской Америки, на ослабление демократического консенсуса, они противоречили интересам средних слоев и буржуазии, что и определило, в конечном итоге, вкупе с кризисными явлениями в экономике установление военной диктатуры. Пришедшая к власти военная хунта и поддерживавшая ее часть общества и политической элиты были объединены сознанием глобальности кризиса и враждебностью к доминирующей левой субкультуре³⁴. Первоначально деятельность военного правительства основывалась на выполнении репрессивно-карательных и стабилизационно-реставрационных задач: наведения порядка, восстановления рыночного механизма, прекращения деятельности партий, репрессиях против оппозиции.

Разработку же экономической стратегии в послепутчевской Чили осуществили экономисты-технократы неолиберальной школы, последователи М.Фридмена. Экономисты-технократы сумели убедить членов военной хунты и лично А.Пиночета в эффективности и радикализме предлагаемых мер, продемонстрировав связь между вынужденной полезностью “лечения” экономики и ее “выздоровлением”. В свою очередь военный режим стал гарантом в осуществлении неолиберального проекта. Механизм чилийской модернизации включал в качестве центрального блок военно-технократических сил. Его главными характеристиками являлись практически полная оторванность от общества и четкое распределение функций.

В модели свободной рыночной экономики поступательный экономический рост должен обеспечить удовлетворение потребностей высших слоев общества, что приведет со временем к “сбрасыванию” ими излишков в менее обеспеченные группы общества. Достижимым таким образом уравнивание доходов снимет социальную напряженность и решит политические проблемы. Основой же экономического процветания может быть только свободная частная инициатива и эффективное частное предприятие. Поэтому главными направлениями экономической политики стали: отмена всех ограничений на развитие частного предпринимательства в производственной и финансовой сферах, открытие экономики внешнему миру путем снижения таможенных тарифов и отмены ограничений на импорт, создание благоприятных условий для привлечения в страну иностранного капитала на основе прямого инвестирования и предоставления частно-

му сектору права на получение внешних кредитов, снижение роли государства.

Гиперинфляции, огромному дефициту бюджета была противопоставлена “шоковая терапия”, рекомендованная МВФ. Ценой финансовой стабилизации оказалось снижение промышленного производства на 28%, падение ВВП на 13%, сокращение реальной зарплаты и доходов на душу населения на 27% (1975 г. к уровню 1970 г.), уровень безработицы составил 18,7%³⁵.

Весьма показательны, что первоначально часть предпринимателей, привыкших к протекционистской опеке государства, враждебно встретила неолиберальную стратегию и лишь позже, когда они смогли выйти к новым рынкам и иностранным займам, они превратились в ее сторонников.

Структура экономики перестраивалась под влиянием международной конкуренции. Предприятия вторичного сектора (текстильной, кожевенной, химической промышленности, машиностроения) уменьшали свой вклад в ВВП, тогда как первичного и третичного секторов наращивали. Соответственно структурным изменениям экономическая власть и собственность аккумулировалась у так называемых “экономических групп”, захвативших ведущие позиции в финансовых и экспортных сферах и вытеснивших предпринимательские круги. Новые экономические агенты и новая технократическая элита все более интегрировались в мировую экономическую систему.

В 1979 г. мир заговорил о “чилийском экономическом чуде”. С 1977 г. темпы роста ВВП составляли около 8% в год, дефицит платежного баланса снизился вдвое, а дефицит государственного бюджета был полностью преодолен. Постепенно начался рост промышленного производства, несколько уменьшилась безработица, выросла эффективность государственного аппарата при снижении его численности.

Модель открытой экономики предусматривает ориентацию общества на потребление престижных товаров американского и европейского производства, но стиль жизни развитых стран стал доступен лишь элите и следующим за ней средним слоям. Поляризация доходов усилилась. Доля маргиналов, из числа наемных работников обрабатывающих отраслей промышленности и сельского хозяйства, достигла 50%.

Важным фактором институализации режима и проведения неолиберальной модернизации стало замещение в нем культуры солидарности, коллективизма, сопричастности социальной атомизацией и “культурой страха”. Элита боялась повторения в Чили советского коммунистического опыта и молчаливо согласилась с переворотом,

для остальной части страх репрессий уничтожил способность к объединению, а значит — к сопротивлению. Психологическое воздействие “культуры страха” явилось фундаментом политической стабильности, необходимой для успешного и столь же насильственного внедрения новой экономической модели.

Следующий этап модернизации, продолживший распространение рыночных механизмов на социальную и культурно-политическую сферу, проходил под лозунгом, что демократия — это непозволительная роскошь для страны с таким уровнем развития, как Чили. Во главу угла ставился отказ от принципа социальной справедливости и утверждение принципов свободы выбора и равенства возможностей. Основой общественного устройства провозглашался индивидуальный интерес, противоречия которого с другими интересами должно решаться с помощью рынка.

Результатом неолиберальной модернизации стало возникновение в чилийском обществе новой ментальности, главные ценности которой индивидуализм, прагматизм, личный интерес.

Деинтегрированное, деполитизированное общество стало основой политической модели режима. Сущность ее заключается в “уничтожении политики”, т.е. в образовании общества конформистов, не ставящих под вопрос цели стоящих у власти сил.

В начале 80-х годов эйфория от экономических успехов и надежды на превращение Чили в “латиноамериканского дракона” постепенно сменяются разочарованием и провозглашением полного краха модели. Как оказалось, излишний догматизм сторонников школы М.Фридмана и их безоговорочная вера во всемогущество рынка сыграли с ними плохую шутку. Открытая экономическая система при отсутствии мощного промышленного потенциала поставила страну в чрезмерную зависимость от колебаний международной экономической конъюнктуры, а феномен “чилийского чуда” на деле имел спекулятивную, потребительскую основу, когда развитие шло за счет неконтролируемого увеличения внешней задолженности частных банков и предприятий в преддверии будущих, а не реальных успехов модели.

Кризис был потрясением. Сокращение ВВП составило 15%, а национального дохода — 21%, уровень инвестиций снизился на 47%, безработица выросла до 35%³⁶.

Выход из кризиса сопровождался усилением роли государства в экономике — в банковской сфере, в стратегических отраслях и в ВПК.

При первых признаках стабилизации в середине 80-х годов курс на неолиберализм был продолжен, но теперь он отличался большей гибкостью и реалистичностью. Наряду с продолжением политики

поощрения частной инициативы, снижением роли государства и открытостью экономики внешним рынкам возрождаются традиционные промышленные отрасли на новой технологической основе благодаря тому, что их контролируют совместно местные собственники и транснациональные корпорации. Традиционный деловой мир в этих условиях принял “рыночную модель”, убедившись в возможности получения высоких прибылей и без покровительства государства.

К концу 80-х годов “разумный монетаризм” превратил экономический механизм в Чили в самый динамичный в Латинской Америке.

Политическая эволюция режима оказалась к этому времени под влиянием общественных настроений, ориентирующихся на демократию, общечеловеческие ценности, уважение человека, преодоление страха. Референдум 1988 г. завершил правление диктатора и открыл новую страницу в демократизации общества. Вместе с тем “чилийское чудо” воплотилось прежде всего в макроэкономическом положении страны и коснулось лишь части общества. Свободная рыночная экономика резко увеличила разрыв в доходах разных социальных групп. К 1988 г. потребление 20% наиболее обеспеченных слоев возросло с 51,2% до 60,4%, в то время как потребление 40% наименее обеспеченных — с 11% до 11,8%. Треть населения страны получала зарплату ниже уровня 1970 г. Доход 80% чилийцев не достигал средненационального уровня, не позволяя им удовлетворять потребности в жилье, питании, медицинском обслуживании. Неолиберальная модель породила две разные страны — Чили компьютеров и кредитных карточек и Чили пытающихся выжить.

Общепризнанно, что экономическая авторитарная модернизация в Чили была успешной. Проведенные за 16 лет преобразования сделали экономику страны более динамичной, эффективной и интегрированной в международное разделение труда. Была создана новая структура ценностей, более соответствующая принципам рыночной экономики, рационализировались отношения в обществе. Существенная экономическая и социокультурная модернизация создала платформу и для мирной трансформации военного режима.

Столь подробное изложение содержания и хода чилийской модернизации оправдано тем, что оно позволяет отметить ее исключительный характер, сложившийся из совокупности политических, экономических, военных и психологических факторов, встреча которых в других культурно-исторических условиях вряд ли возможна. И тем не менее опыт других стран, в том числе и расположенных на другом континенте, но также озабоченных выходом к современности, должен быть учтен и оправдан с точки зрения выяснения того, *что* мо-

жет быть взято из него для формирования программы модернизации в России. Учет особенностей и “ловушек”, в которые уже попали другие страны, составляет непрменный атрибут разработки такой программы.

Кстати, такой “ловушкой” для России, где весьма распространены ориентации на равенство и справедливость, может оказаться именно чрезмерная дифференциация доходов между слоями, которые выиграют от модернизации, и маргиналами.

Латиноамериканская стратегия модернизации, даже в ее наиболее успешном (чилийском) варианте, закладывает крайне неравномерное распределение доходов, не имеющее себе равных ни в развитых странах, ни в сопоставимых по уровню развития развивающихся странах Азии. Так, по данным немецкого политолога Н.Лехнера, в Чили 20% наиболее обеспеченных слоев располагали 60,4% доходов, а на долю 20% беднейшего населения приходилось 4,2% при среднем доходе на душу населения 1510 долл. В то же время в семи азиатских странах (Гонконг, Индия, Южная Корея, Малайзия, Сингапур, Тайвань и Таиланд) соответствующие показатели равны 45,7%, 6,3% и 3971 долл³⁷.

Интересен для России и опыт Испании, прошедшей значительные этапы модернизации в рамках авторитарного государства и постепенно осуществившей переход от автаркии к открытому обществу, от отсталости к постиндустриализму.

Отметим сразу же, что при ознакомлении с испанским опытом аналогия с Россией не просматривается, хотя у части советской элиты времен перестройки и существовали на этот счет иллюзии. Они были порождены кажущейся легкостью и быстротой политических реформ, проводившихся в Испании сверху представителями “старого режима”, в целом мирным характером этих реформ, осуществленных без гражданской войны и вмешательства извне, а также, что существенно, представлениям реформаторов о перестройке³⁸.

Кроме того существовали многие черты экономического развития, предшествующие первым этапам модернизации в Испании, совпадающие с советским опытом—автаркия, большая роль государства в регулировании накопления, централизованная закупка сельскохозяйственной продукции по низким ценам, мощный государственно-монополистический сектор в промышленности, государственное регулирование банковской сферы и цен, прямой административный контроль над экспортно-импортными операциями.

Сходство с советской моделью экономики просматривалось не только в общих чертах, но и в частности. Например, главным резервом накопления являлась строгая регламентация заработной платы,

поддержание ее на низком уровне при опережающем росте производительности труда. В Испании до 1958 г. существовала система профессионально-квалификационных категорий рабочей силы, для каждой из которых устанавливались максимальные и минимальные границы тарифных ставок заработной платы, надбавки за сверхурочную и ночную работы, за вредность, выслугу лет и т.д. Предприниматели, нарушившие законодательство, привлекались к уголовной ответственности³⁹.

В нашей литературе достаточно подробно описаны и проанализированы все этапы тридцатилетней реформы, ее технико-экономические, социальные и политические компоненты, последовательность проводимых преобразований, участвующие в них политические силы и конкретные механизмы достижения компромиссов по сложным, затрагивающим жизненные интересы социальных групп, проблемам модернизации, практика решения национальных и региональных проблем⁴⁰.

Детальное рассмотрение испанского опыта показывает, что прямое повторение примененной здесь модели перехода к открытой экономике в России вряд ли возможно. Прежде всего по причине отсутствия в нашей стране к началу реформ нескольких существенных условий для такого перехода.

Во-первых, частной собственности, в том числе на землю, и традиционного среднего класса, который составляет социальную основу перехода к демократии и развитой рыночной экономике; во-вторых, политического и социального консенсуса в обществе, который обеспечивается, с одной стороны уровнем политической культуры масс, толерантностью к другим политическим взглядам, устранением в обществе непримиримости и идеологии мщения, а с другой, способностью политических сил и их лидеров к компромиссу, к признанию приоритета общенациональных интересов над узкопартийными; в-третьих, мощной легитимной политической фигуры, консолидирующей все общество (которой в Испании является король), ставшей гарантом демократизации, необратимости реформ и перехода от авторитарии к открытому обществу; в-четвертых, центристски ориентированного правительства, которое умело отразить в своих программах и действиях интересы различных социальных групп населения, добиваясь динамичного развития в сочетании с социальными программами защиты слабых слоев, а по мере появления возможностей и развития образования, науки и культуры.

Прагматичность, четкое осознание общенациональных интересов, последовательность шагов по модернизации и сохранение поли-

тической стабильности явились отличительными чертами испанской модернизации. Осуществляя догоняющее развитие в течение 30 лет, Испания смогла приблизиться к странам “первого эшелона”, приобрела ценности модернистского общества, но и вместе с тем сохранила свою социокультурную самобытность.

Существенным отличием испанской модернизации явилось то, что она начиналась в условиях авторитарного, а не тоталитарного, как в России, политического режима и поэтому протекала более последовательно, по мере созревания предпосылок для очередных шагов. В России же переход от тоталитаризма к демократии осуществился раньше, чем были созданы для этого социально-экономические условия и поэтому политическая составляющая модернизации деформирована, что сказывается и на формировании рыночных отношений, приобретающих государственно-олигархическую форму с криминальным компонентом.

Успешное, хотя и противоречивое в своих социальных последствиях, догоняющее развитие, осуществленное в ряде стран Латинской Америки и европейского континента, несмотря на значительные различия в темпах, формах, результатах по своему характеру представляется однотипным. То есть оно происходило с постепенным приспособлением традиционных структур и ценностей к достижениям современных индустриальных обществ. При этом традиционные элементы по мере преобразований вытеснялись современными, захватывающими сначала небольшую часть общества — наиболее динамичную, заинтересованную в модернизации, а затем распространялись и на другие слои. Но, и в этом состоит еще одна особенность этого типа догоняющей модернизации, длительное время продолжают сохраняться элементы традиционного общества — прежде всего в маргинальных секторах и слоях населения. Для полноценного синтеза современных и традиционных социокультурных ценностей требуется длительное время.

Другой тип догоняющей модернизации был осуществлен в Японии, где роль культурных традиций, не вписывающихся, казалось бы, в контекст “современности”, тем не менее оказалась чрезвычайно продуктивной. Не даром опыт Японии привлек другие страны азиатского континента, которые также достигли значительных успехов в модернизации не наперекор, а благодаря традициям — Южную Корею, Сингапур, Тайвань, Гонконг. Эти страны добились выдающейся экономической динамики благодаря традициям конфуцианства.

Специфика примененных в этих странах моделей модернизации в немалой степени оказала влияние на ослабление эволюционист-

ких, прогрессистских концепций человеческого общества и утверждение гетерогенности, многозначности бытия личности, народов, мира в целом. Становится очевидным, что отдельный субъект развития (будь то человек, социальная группа или страна) имеет свою судьбу, логику, свой путь в современность, если он туда стремится, и искусство вписаться в современную цивилизацию — это синтез собственного предшествующего опыта и универсальных тенденций развития, преломленных через призму принимающей культуры.

Япония воплотила на практике органическое соединение национальной культуры и достижений западной цивилизации в области организации экономики на рыночной основе. При этом мотором модернизации стал не индивидуализм и стремление к личному успеху, как в западном обществе, а “прорастание” личности в коллективе, “дух преданности фирме”, который генерирует культурную ауру японской компании. В производстве это оборачивается выпуском продукции безупречного качества, в политике — способностью к компромиссам.

Среди политических факторов, способствующих экономическому развитию Японии исследователи выделяют роль экономической элиты, правительственного чиновничества в осуществлении рационального планирования развития страны. При этом в послевоенной модернизации оказался наиболее значим консенсус высшей бюрократии при определении стратегических целей развития.

Как свидетельствуют японские исследователи, у японцев довольно сильно развито чувство принадлежности к тем “гомо экономикусам”, о которых писал Адам Смит. “Наши способности в экономической сфере, — считает Хидэдзо Инаба — генеральный директор научно-исследовательского института промышленности — превалируют над способностями в сфере социальной и политической”⁴¹.

А что же стоит за много раз превознесенными свойствами японского трудолюбия? Как пишет Сейндзи Цуцуми, одной из причин является своеобразное понимание японцами стыда. “Самое сильное ощущение стыда японец испытывал в том случае, когда он сознавал, что из-за своей слабой работы он постоянно получает помощь от знакомых и родственников. Поэтому японцы всегда заставляли себя вести как самостоятельные люди ... Стремление японцев к достижению все новых и новых высот связано с такой их психологической особенностью, как исключительно болезненное восприятие поражения. В этом находит отражение долговременное влияние конфуцианства на формирование духовного облика японцев”⁴².

Своеобразие японских культурных традиций наиболее ярко воплотилось в существовании коллективизма и групповой солидарнос-

ти. Их истоки заключаются в традиционной корпоративно-коллективистской структуре “большой семьи” — “иэ”.

В современной Японии “иэ” стала социокультурным основанием для решения проблем модернизации. Как показали японские исследователи, подготовившие фундаментальную работу по этой проблеме, в мире существуют реальные альтернативы западному варианту модернизации, и одной из таких альтернатив служит цивилизация “иэ” — “большой семьи”, в которой существует коллективизм японского типа⁴³. В нем личность развивается в русле коллективной идентичности, поддерживается преемственность, функциональная иерархичность и автономность. В организациях типа “иэ” сочетается внутренняя сплоченность (сверхродственность) и гетерогенность (функциональная иерархичность). В основе системы управления — принятие решений на основе консенсуса.

По мнению авторов исследования, протомодель японского менеджмента — цивилизация “иэ” уже обладала всеми необходимыми условиями для нормальной модернизации, хотя и не имела европейских элементов классической модернизации (идеологии индивидуализма, разделения экономики и политики, независимого саморегулирующегося рынка).

Опыт Японии показал, что связь между модернизацией и индивидуализмом не является столь уж непреложной. Противостояние индивидуализма и коллективизма как постановка проблемы есть, в принципе, следствие европейского опыта. Эпоха индивидуализма, с точки зрения всей предшествующей истории человечества, представляет собой не более чем исключение. Существование человека — это одновременно индивидуальное и коллективное, конкретное сочетание того и другого уходит корнями в национальные духовные традиции определенного народа.

Японская модель модернизации включает в себя процесс формирования индустриального общества, а также формирования необходимых для самой модернизации ценностей и социальных систем.

“Первичный синдром” индустриализации осуществляется во взаимосвязи трех элементов единой цепи: “высокий уровень разделения труда — высокий уровень чистых капиталовложений — перманентная научно-техническая революция”⁴⁴. В свою очередь, к числу социальных систем, необходимых для осуществления индустриализации, относятся:

1. Высокоразвитая система распределения, в т.ч. способная до известной степени осуществлять диахронное распределение.
2. Политическое единство и современная бюрократическая система.

3. Институализация образования и научных исследований и разработок. В обществе должна существовать система всеобщего образования, обеспечивающая минимальный уровень грамотности, и система высшего образования, поддерживающая высокий уровень исследований, разработок и управления.

По мнению японских исследователей, осуществление индустриализации с необходимостью требует выполнения предварительных условий, имманентных данному обществу. Во-первых, в нем должен присутствовать инструментальный активизм — стремление к покорению природы с помощью инструментальных усилий. При этом разделение экономики и политики и создание саморегулирующейся рыночной системы не является обязательным условием индустриализации. Во-вторых, несмотря на то, что в Западной Европе индивидуализм сыграл важную роль источника созидательной энергии, он не относится к числу необходимых условий модернизации. Коллективизм в большей степени, чем принято думать, соответствует потребностям индустриализации. “Коллективизм, соответствующий требованиям, предъявляемым индустриализацией, отличается способностью к гармоническому сочетанию с инструментальным активизмом и основанной на нем высокой степенью организованности; будучи фактором, способствующим самовыражению индивида, он в то же время обеспечивает ему защиту и покровительство в условиях резких изменений среды”⁴⁵.

Японская система менеджмента появилась в 20-е годы XX века. Ее отличительными чертами являются пожизненный найм работника, оплата по старшинству, развитые внутрифирменные системы профессиональной подготовки и социального обеспечения и т.д. В этой системе сохраняются характерные для “из” преемственность и сплоченность, но при этом традиционная организация адаптирована к потребностям индустриального развития.

Одной из отличительных особенностей в послевоенной модернизации японского общества явилось то, что не индивид, а система “промежуточных организаций” — разного рода группы типа “из” — промышленников, финансистов, профсоюзные объединения, ассоциации кооперативов в сельском хозяйстве и т.д. являлись основными субъектами преобразований. Фирма стала единственным социальным контекстом японца, а все послевоенное развитие фирм шло на основе принципа “из”. Отношение биологической семьи было перенесено в сферу труда и внимание фирмы распространялось не только на трудовую, но и на домашнюю жизнь работника.

Важные социальные сдвиги начали происходить в японском обществе начиная со второй половины 50-х годов, когда рождается фе-

номен “нового среднего класса”. С его появлением в обществе развивается тенденция к индивидуализации при одновременном сохранении старых организационных структур и способности к достижению консенсуса в обществе.

Удивительный факт приводится в книге “Политическая экономика Японии. Национальная трансформация”, первой из трехтомного исследования японских и американских ученых, посвященного политико-экономическим проблемам Японии накануне 90-х ⁴⁶. Когда разразился нефтяной кризис 1973–1974 гг., большинство специалистов считали, что Япония должна перенести его последствия тяжелее, чем другие развитые страны, поскольку она в большей степени зависела от импорта нефти и нефтепродуктов. Однако в действительности стабильность цен была достигнута быстрее, безработица осталась на более низком уровне, а темпы экономического роста выше, чем в других странах. Причины скрывались в двух факторах. Во-первых, Япония имела большой потенциал технологического развития, чем страны ранее ее начавшие процесс индустриализации и, во-вторых, что невозможно в большинстве стран, кризис привел к возрождению традиционного японского консенсуса, основанного на глубоких культурных традициях. В условиях кризиса японские рабочие подчинились сокращению реальной заработной платы в целях последовательной стабилизации цен и борьбы с инфляцией, а предприниматели поддержали идею, что стабильность в сфере занятости в долгосрочной перспективе важнее краткосрочных выигранных в прибылях. Здесь был воплощен один из основополагающих принципов традиционной японской организации — принцип “большой семьи”.

Таким образом, даже столь фрагментарное рассмотрение особенностей догоняющего развития в Японии в послевоенные годы, которое вывело ее к 90-м годам на первые позиции в мире по уровню технологий, качеству жизни населения, стабильности в политической и социальной сферах и превратило в страну первого эшелона развития, показывает, что догоняющее развитие может быть “органичным”. Получив начальный импульс извне, оно в дальнейшем происходит с опорой на традиционные культурные ценности, политические традиции страны и имманентные обществу организационные структуры, приспособлявая их к потребностям рыночной экономики и динамичного развития.

Другие страны Восточной Азии, также заставившие пересмотреть возможности традиционного общества к модернизации — Сингапур, Южная Корея, Гонконг, Тайвань, а также в некоторой степени и Китай, позволяют ряду исследователей даже высказывать мнение,

что общества с конфуцианской культурой обладают большими потенциальными возможностями модернизации, чем общества западной культуры. При этом отмечается, что современное конфуцианство в Восточной Азии уже отличается от традиционного: соединившись с западным утилитаризмом, оно приобрело характер рационального традиционализма⁴⁷.

Рассмотренные некоторые варианты успешных модернизаций в странах догоняющего развития позволяет сделать вывод, что всякая удавшаяся модернизация — это синтез благоприятного стечения обстоятельств и умелого использования в социальных проектах общих тенденций мирового развития, а также политических и социокультурных особенностей страны. Можно только анализировать чужой опыт, но применять его без корректировки для конкретного общества невозможно, да и просто неосмотрительно.

И тем не менее возможно обозначить некоторые общие тенденции для разных стран второго эшелона развития, успешно осуществивших модернизацию.

Во-первых догоняющая модернизация проходит в этих странах, как правило, при отсутствии экономических предпосылок и вследствие этого внутренних стимулов ускоренного развития. Они должны компенсироваться сильной государственной властью, использующей зачастую авторитарные методы для проведения преобразований. Элита и бюрократия становятся в этих странах субъектом модернизации и от их значительности и консолидации зависит успешность реформ. Особое значение, как показывает опыт успешных модернизаций (например, в Японии), приобретает выработка стратегии преобразований, учитывающей геополитические и национальные интересы страны, разработка последовательности ее этапов. Консенсус интересов элитных и других групп и мощное интеллектуальное обеспечение реформ составляют краеугольный камень преобразований.

Действия по принципу “начнем, а там посмотрим”, тем более надежда на автоматизм рыночного регулирования, особенно на начальных этапах, свидетельствует, кроме всего прочего, об интеллектуальной слабости либеральных реформаторов. Не рынок сам по себе, который, безусловно, является неременным атрибутом современного общества, а государственное постепенное “строительство” рынка, создание необходимых предпосылок и условий для рыночных отношений составляют сердцевину успешной модернизации и движения к современному обществу.

Во-вторых, но не по степени важности, а наряду с первым, мировой опыт показывает, что достигшие своих результатов модернизации были проведены не вопреки, а благодаря и с использованием тра-

дий. Успешными были только те радикальные трансформации, ломавшие традиционные ценности, которые были проведены в экстремальных (как в Чили) условиях, когда масса населения полностью деморализована и неспособна к сопротивлению. Мирные, эволюционные модернизации были, напротив, осуществлены с опорой на традиции. При этом сами традиции не оставались неизменными. Понимающее к ним отношение, учет их в модернизационном проекте способствовали адаптации традиций к поступательному развитию, их рационализации. Благодаря такому подходу в обществе сохранялся консенсус по отношению к национальным ценностям и одновременно они сближались с ценностями модернизированного общества.

Отмеченные общие тенденции — это лишь общие тенденции. Нет единых рецептов, поскольку все страны догоняющего развития имеют свою существенную специфику, разный исходный уровень развития, свой генетически наследуемый код сочетания традиционализма и современности, свою систему ценностей населения, политическую культуру и традиции. Развитие “по аналогии” не было реализовано ни в одной стране мира, и тем более оно не может быть реализовано в России. Провал радикальных проектов, осуществлявшихся, в России был обусловлен именно тем, что они не учитывали национальных традиций “принимающей культуры”, а в социологическом смысле — состояние политической культуры, социальной структуры общества, менталитет населения. Можно присоединиться к мнению известного французского исследователя, занимающегося проблемами реформирования кризисных обществ, М. Крозье, который пишет: “Марксисты и либералы, несмотря на их сильнейшие расхождения, ... не уважают общество такое, как оно есть. Они не хотят понять, что только в этом обществе они могут найти ресурсы для развития, что успех любой реформы есть плод процесса обучений, что именно эта способность человека к обучению и делает такое изменение одновременно возможным и приемлемым, что иначе нет ничего, кроме сумятицы, хаоса и распада”⁴⁸.

1.3. Экономическая реформа в России: социально-экономические взаимосвязи

Современный этап российской модернизации поставил ряд острых и непростых вопросов перед обществом, вызвав среди его реф-

лексирующей части острые дискуссии. Яркой отличительной особенностью этих дискуссий является то, что они ведутся (в отличие от обсуждений, сопровождавших предшествующие социалистические модернизации) с разных идейно-политических позиций. В них участвуют и сторонники консервативно-националистического фундаментализма, и модернизовавшиеся “евразийцы”, и православные национал-большевики, и демократические либералы, продолжающие традиции “западников”, и либералы, стоящие на авторитарных политических позициях.

Мы не ставим себе целью проанализировать всю палитру мнений, хотя это очень занимательно, считая, что более интересно проследить живую практику модернизации, которая протекает перед нами как свидетелями этого исторического действия.

При всем многообразии позиций и наличии полемики в литературе и устных дискуссиях, реальный экономический курс, проводящийся властями после 1991 года, можно охарактеризовать как либеральные рыночные реформы. Сторонники либерализации экономики, оказавшись у власти, начали воплощать в жизнь идеи американского экономиста, социолога, юриста, автора широко известной книги “Дорога к рабству” (1949 г.), посвященной анализу тоталитарной системы, Ф.А.Хайека. Критика социализма у Хайека была связана с исследованием рыночных отношений и их роли в развитии западной цивилизации и мировой экономической системы. Рынок, по представлению Хайека, является единственной возможной и всеобъемлющей формой регуляции общественной жизни, а собственность — сердцевина морали цивилизации, неотделимая от индивидуальной свободы. “По существу все блага цивилизации и даже само наше существование ... опираются лишь на наше непрекращающееся желание нести на себе бремя цивилизации. Эти блага ни в коей мере не снижают тяжести такого бремени. Но альтернатива ему бедность и голод”⁴⁹.

В теории Хайека обычаи и традиции рассматриваются как нерационализируемые средства приспособления к окружающей среде и совершенно исключается их роль в поступательном экономическом развитии.

Удивительно, как схожи рассуждения сторонников либеральной экономики из разных стран о возможностях открытого рынка в реформировании общества. Так, российский автор пишет о том, что свобода, основанная на ней конкурентность и гибкость производства в современных экономиках выступают как непосредственная производительная сила, прямо определяют эффективность экономики⁵⁰.

На другом конце планеты — в Коста-Рике — М.Родригес, воспевая рынок и конкуренцию, утверждает, что институт частной соб-

ственности, свобода сделок и свобода ассоциаций, конкуренция побуждают к рациональным действиям большое число людей и это приводит к достижению ряда выгод, которые не обеспечивала никакая другая производственная система⁵¹. Надо ли говорить, что свободные конкурентные рыночные отношения как внутри стран, так и тем более на мировых рынках — не более чем миф в эпоху распространения транснациональных корпораций, солидарных союзов одних стран в противовес союзам других стран? Свободные рыночные отношения существуют только как теоретические воззрения последователей Ф.Хайека, в реальной же экономике, тем более в переходных обществах их функционирование в чистом виде невозможно. Во-первых, из-за реально существующих деформаций структуры производства, не приспособленной к рынку, соотношения внутренних и внешних цен и других экономических факторов. Во-вторых, и это главное, из-за отсутствия в переходном обществе достаточного социального потенциала для участия в конкурентных рыночных отношениях. Накопление этого потенциала возможно лишь постепенно, он не может образоваться одномоментно с объявлением политики либерализации и началом “шоковых реформ”. Эффект от проведения такой политики в обществе, где силен традиционализм, обратен тому, на который рассчитывают реформаторы. В нашей литературе уже отмечалось, что модернизационные усилия правящего слоя при сопротивлении значительной части общества приводят к тому, что все достижения, все, что можно назвать прогрессом, достигается при подавлении, снижении творческих потенций значительной части общества⁵².

Современные последователи Хайека предлагают для всех стран догоняющего развития использовать для приближения к развитым странам стратегию экономического роста, состоящую из режима открытой торговли и защиты права частной собственности. Выстраиваемая этими учеными модель догоняющего развития предполагает становление экономических институтов, защищающих права частной собственности, открытой торговой политики и конвертируемости национальной валюты⁵³.

Сторонники либеральной экономической реформы не согласны с другими гипотезами относительно догоняющего экономического развития, в которых вообще ставится под сомнение возможность для отсталых стран приблизиться к развитым странам мира.

Гипотеза первая (автор теоретической модели экономического роста П.Роумер) утверждает, что возрастающий эффект масштаба, действующий применительно к производственным технологиям, ве-

дет к тому, что богатые страны не только сохраняют, но и увеличивают свое превосходство над бедными.

Согласно второй гипотезе (ее выдвинули В.Баумоль, Р.Барро и др.), только страны с соответствующим стартовым уровнем человеческого капитала могут воспользоваться достижениями современной техники. Поэтому страны со средними доходами на душу населения могут восполнить свое технологическое отставание, заимствуя зарубежный опыт, а беднейшие страны не в состоянии преодолеть разрыв в уровне знаний и технологий.

Третья гипотеза, объясняющая неуспехи в достижении уровня развитых стран, состоит в том, что бедные страны в настоящее время обладают низким перспективным потенциалом, сложившимся за длительный временной отрезок.

Дж.Сакс и Э.Ворнер, последователи Хайека, ставят эти гипотезы под сомнение. Они провели анализ тенденций сближения бедных и богатых стран на основе критериев накопления частного капитала (включая человеческий капитал) и степени открытости экономики. Анализ данных по 135 странам мира за 1970–1989 г. позволил им сделать вывод, что при использовании либеральной стратегии экономического роста наблюдается тенденция к экономической конвергенции, при этом страны с низким стартовым уровнем дохода на душу населения развиваются быстрее, чем более благополучные. Выявленные авторами тенденции наиболее явно нарушает, по их собственному признанию, лишь Китай, который использует нерыночные методы управления экономикой — контроль государства над несельскохозяйственным сектором, политические репрессии, большой отрыв теневого обменного курса от официального, широкое применение торговых квот, но переживает на этом фоне настоящий экономический бум. Авторы не дают объяснения этому феномену, считая Китай трудноразрешимой загадкой. Они признают, что китайские реформы нарушают большинство “правил”, по которым должен быть реализован экономический рост, предусматриваемый либеральными экономистами. Между тем анализ китайского опыта может служить весомым аргументом в оспаривании применимости для России предлагаемой стратегии экономического развития, основанной на правах частной собственности и открытости экономики. Дж.Сакс и Э.Ворнер признают, что успех Китая во многом связан с особенностями его экономической структуры в начальный период рыночных реформ в конце 70-х годов. Сутью реформы Дэн Сяопина было освобождение крестьянского хозяйства из под контроля государства при сохранении жесткого контроля над несельскохозяйственным государственным

ным сектором (где было занято всего лишь 18% населения). Такого “двойного подхода”, по признанию американских экономистов, оказалось достаточно, чтобы обеспечить бурный экономический подъем Китая и резкое возрастание экспорта трудоемкой продукции.

Вряд ли необходимо доказывать, что и экономика России к началу реформ представляла собой весьма своеобразную структуру, существенно отличающуюся от китайской, но не менее труднореформируемую по рецептам рыночного либерализма.

В отсутствии на начальном этапе реформ в России разработанной стратегии развития, которая отражала бы специфику экономики, социокультурные особенности населения, традиции и возможности страны состояла главная опасность, которая и привела к столь тяжелым экономическим последствиям. Особенно пагубным для перспектив было то, что не были использованы действительные достижения предыдущих модернизаций. В результате пройденной в советское время модернизации были созданы такие элементы развития, которые позволяют бедной стране ускорить свое продвижение в группу богатых стран — в значительной мере был создан адекватный человеческий капитал, необходимый для овладения современными технологиями. Он был рассредоточен неравномерно по отраслям и регионам, но он существовал и мог бы стать “материалом” модернизации. К сожалению, этого не произошло.

Догоняющее развитие происходит, как правило, по инициативе власти или элиты общества. Но его успех зависит от того, насколько сумели верхи найти и опереться в своих модернизаторских устремлениях на широкую социальную базу или вырастить ее в ходе реформ. Например, в испанской модернизации сначала опорой были крупные предприниматели и финансисты, позже сформировался новый средний класс, новый рабочий класс, менеджеры, технократы, средние предприниматели. В России попытки модернизации эпохи перестройки отвечали интересам крупной ведомственной бюрократии, которая уже установила первоначальные контакты с мировыми рынками и жаждала избавиться от жесткого идеологического, а главное, финансового контроля со стороны партийных структур. Идеологическое обоснование необходимости рыночных преобразований активно разрабатывала элитная интеллигенция, ориентированная на западный либерализм. Но эти две группы наиболее горячих поборников реформ составляли небольшую часть общества. Между тем существовал и массовый слой, представленный рядовой гуманитарной интеллигенцией, техническими специалистами, в том числе из ВПК, рабочими высокой квалификации, студенчеством, который также желал перемен.

Реальностью был и слой теневиков, заинтересованных в легализации своего бизнеса. Сейчас в литературе нередко преувеличивается роль и количественный вес этой “группы влияния”, как и криминальных структур. До перестройки этот сектор экономики находился все же под сильным прессом, который как раз и был ослаблен во второй половине 80-х годов. Если под теневой экономикой понимать ту часть предприятий, которая уклоняется от налогов и ведет незарегистрированную деятельность (здесь мы не говорим о преступных видах бизнеса), то как раз в годы перестройки и постперестройки теневая экономика приобрела гигантские размеры и естественным образом сомкнулась с организованной преступностью. К середине 90-х годов этот сектор экономики уже стал претендовать и на политическую власть, активно внедряясь в государственные и парламентские структуры.

Очевидно, что один из узловых вопросов модернизации стран типа Китая и России — роль государства в осуществляемых преобразованиях. Тот либеральный порыв, который в нашей стране сопровождал начало реформ и, собственно говоря, составлял их стержень, ослабив роль государства во всех областях жизни, не оправдал себя. И дело не в том, что темпы проводимых изменений были слишком высоки, общественное сознание не успело подготовиться к переменам, сопротивлялись старые управленческие структуры и т.п. Как представляется, дело состояло в том, что внедрявшаяся модель экономики не соответствовала возможностям и накопленному потенциалу страны, не учитывала существенных особенностей экономической структуры общества и все это происходило в момент развала государства, когда многие участки российской границы оказались практически незащищенными.

Попытку превратить государство только в “ночного сторожа” в условиях России вряд ли можно признать успешной. Прямое следствие этой попытки — утечка капиталов за границу. По крайней мере 300 млрд.долл. было вывезено из страны за годы реформ по различным каналам. Нелегальное бегство капитала начало трансформироваться в безвозвратную миграцию капитала, грозящую их полной утратой для российской экономики⁵⁴.

Сейчас уже можно констатировать, что нигде в мире переход к рыночной экономике не отбрасывал общество до столь низких отметок, не сопровождался отказом от столь значимых для него достижений. Это касается прежде всего промышленного производства, сферы науки, образования, здравоохранения, уровня жизни населения.

Устранение и ослабление роли государства в важнейших областях жизни не может рассматриваться как свидетельство прогресса в

становлении рыночной экономики. Суммарный экономический, социальный, политический и геополитический эффект такого устранения существенно ниже, чем мог бы дать переход к специфическим регулятивным функциям государства. Представление о государственном регулировании как о “командно-административном”, что стало общим местом в публикациях первых лет реформы, мешало увидеть существенную специфику экономической структуры России. Подобные структуры существовали и в других странах, осуществлявших социалистическую модернизацию. По мнению английского ученого Дж.Росса⁵⁵ — и он далеко не одинок в своих выводах — экономику России, стран Восточной Европы и Китая можно рассматривать как специфически “двойственную”, представленную почти полностью монополизированным сектором, который функционирует в соответствии с законами монополизированной экономики, и немонополизированным сектором — последний теоретически может рассматриваться как сфера действия законов чистой конкуренции. Поэтому в этих странах реализация механизма, предполагающего отказ от государственного контроля над монополизированным сектором, не может иметь успеха. В ходе реформ по такому образцу монополизированный сектор начинает выкачивать ресурсы из немонополизированного путем повышения цен, что ведет также к резкому спаду производства.

Специфика реформирования экономики этого типа должна заключаться в таком взаимодействии обоих секторов, которое давало бы импульсы к развитию каждого. Для каждого из них необходимо разрабатывать и применять свои стимулы, постепенно двигаясь к расширению частного сектора и продолжая регулировать государственный, в том числе и посредством ценовой политики. В условиях же, когда это регулирование оказывается недействительным или от него вообще отказываются, функционирование монополизированного сектора, наряду с раскручиванием инфляционной спирали и другими серьезными издержками, приводит к парадоксальному относительно движения к рынку результату — к созданию препятствий для включения рыночного механизма регулирования производства. О том, что рыночный механизм не работает, наглядно свидетельствуют продолжающаяся в огромных размерах растрата ресурсов, отсутствие конкуренции (как между секторами, так и во многих случаях внутри них), беспрецедентное сокращение объемов производства. Это свидетельствует о том, что старая система продолжает разрушаться, но она не реформируема или крайне плохо реформируема подобными методами. Специалисты уже неоднократно отмечали неприемлемость для

сверхмонополизированной советской экономики, к тому же структурно деформированной, политики либерализации⁵⁶.

Учет двойственной природы российской экономики, использование ее потенциальных возможностей могли бы создать естественную основу для перехода к экономике смешанного типа, которая характерна для индустриально развитых стран мира. Она отличается взаимодействием различных форм собственности — государственной, частной, акционерной и др., благодаря чему создается механизм реализации общенациональных, групповых и личных интересов⁵⁷.

При этом для государственного и частного сектора должен быть включен принципиально разный механизм развития. Если в частном секторе должны соблюдаться условия свободного рыночного хозяйствования, то в государственном, как правило, монополизированном, осуществляется строгий государственный надзор. Известный венгерский ученый Я. Корнай справедливо замечает, что бесполезно рассчитывать, что государственная хозяйственная единица будет вести свою деятельность подобно частному предприятию и начнет добровольно функционировать в рыночной форме. Государственная собственность постоянно воспроизводит бюрократию, госпредприятие — органическая часть бюрократической иерархии. В переходный период многосложный процесс реформы может развиваться в отличающихся друг от друга по своей экономической природе структурах — в государственном и частном секторе. Но движение к рыночному хозяйству должно быть постепенным, по мере приобретения частным сектором доминирующего характера. Не могут быть равными условия для функционирования государственного и частного сектора, для их конкуренции. Как либерализация государственного сектора, так и бюрократическое сдерживание частного одинаково неприемлемы при движении к рынку. Большой ошибкой, допускаемой в переходный период, Я. Корнай считает путь стихийной приватизации, в ходе которой представители бюрократической элиты становятся собственниками предприятий — монополистов и плохо контролируются обществом. В силу соединения экономической и административной власти монополизм подобных предприятий усиливается и они с еще большей энергией откачивают ресурсы из немонополизированных предприятий и отраслей.

При определении путей модернизации российского общества и ухода от крайностей как чистого либерализма, так и принудительно направляемой экономики определенное значение имеет раскрытие понятия “смешанная экономика”. Смешанная экономика является неоспоримым фактом для развитых стран и стран, сделавших рывок

в своем развитии. Взаимоотношения государственного, кооперативного и частного секторов составляют предмет неусыпного внимания со стороны общества. Регулирование этих отношений создает основу для осуществления социально ориентированного рынка, в котором государство выполняет роль регулятора макроэкономических процессов, а также устанавливает правила игры на рынке для частных предприятий. Государственный сектор в смешанной экономике может быть количественно больше или меньше, но волны национализации и денационализации в развитых странах определяются не изменениями в праве собственности, а экономической целесообразностью поддержания государством неэффективных, но необходимых обществу отраслей или надеждами на повышение эффективности той или иной отрасли за счет экономической активности предпринимателей. Очень важно отметить, что смешанная экономика — это не просто экономика, где сосуществуют разные формы собственности, а та, где высоко развиты и частный, и государственный секторы и нет прямого контроля над производством или передвижением капитала.

По мнению некоторых ученых⁵⁸, основная характеристика государственной экономики — не отсутствие прибыли, а скорее ее обеспечение за рамками государственного сектора — в частной сфере, функционирование которой поддерживается нерентабельностью госсектора. Вот эта особенность смешанной экономики, а именно то, что госсектор выполняет роль встроенного регулятора для обеспечения динамичного развития частного сектора, повышения его рентабельности, и составляет ее существенную черту. В смешанной экономике развитых стран каждая из форм собственности занимает нишу, где функционирование именно этой формы приносит наилучшие общественные результаты. А они, эти результаты, оцениваются не по показателям чистой экономической эффективности, а по системе показателей, учитывающих многомерность интересов современного общества (социальная и экономическая стабильность, национальная безопасность, геополитические интересы, состояние окружающей среды и др.)⁵⁹.

В странах Европейского Сообщества в течение 30 лет после второй мировой войны госсектор значительно расширился, прежде всего в базовых, ключевых отраслях — металлургии, машиностроении, химической промышленности. Госсектор служил основой макроэкономической политики, направляемой на поддержание темпов экономического роста, смягчение циклических колебаний, отраслевых и региональных диспропорций, стимулирование НТП, развитие новых

наукоемких и модернизацию старых капиталистических производств, а также на поддержание занятости. Наиболее значительный госсектор в начале 80-х годов был во Франции (24%), Греции (23,2%), Португалии (22,7%) и Италии (20,3%). В среднюю группу входили Ирландия (15,3%), Исландия (13,6%), Великобритания (12,7%) и ФРГ (12,6%). В третью группу входили страны, не проводившие политику глобального расширения государственного сектора — Дания (11,4%) и страны Бенилюкса (примерно 9%)⁶⁰.

Конец 80-х, начало 90-х годов ознаменовался в развитых странах широкой приватизацией госсектора, что расценивается многими учеными как долговременная и устойчивая тенденция. К началу 90-х годов вклад госсектора в экономику ЕС сократился до 12%.

При всем разнообразии смешанных систем, различных долей государственного и частного сектора в их составе, можно выделить доминирующие черты смешанной экономики. Не вдаваясь в специальные экономические вопросы, отметим лишь ее социальные и политические характеристики.

1. Функционирование смешанной экономики возможно только в демократическом обществе, имеющем устоявшуюся правовую систему с разработанными процедурами ненасильственного снятия социальных напряженностей.

2. Политические системы стран со смешанной экономикой основаны на корпоративизме, сущность которого состоит в ненасильственном отстаивании противоречивых групповых интересов с учетом существующих политических и экономических институтов и норм. Корпоративизм призван обеспечить участие широких слоев общества в управлении смешанной экономикой.

3. В обществах со смешанной экономикой постепенно ослабляется роль социально-классовой дифференциации, на смену ей приходит социально-профессиональный тип дифференциации, влекущий за собой различия в социальной обеспеченности и защищенности, социально-культурные различия.

4. В социальной структуре общества со смешанной экономикой центральное место занимают средние слои, как традиционные, старые, так и новые. Их интересы стоят в центре социально-экономической политики, проводимой правительствами этих стран.

5. Характерная для стран со смешанной экономикой социальная ориентированность экономического развития дает возможность более полно использовать потенциал общества через разные социальные формы и сектора, достичь социального согласия классов, социальных слоев и групп. Здесь достигнут и поддерживается достаточно высо-

кий уровень социальных расходов государства на здравоохранение, образование, социальное обеспечение, на поддержание уровня доходов. Проведение курса на сокращение государственного сектора привело к замедлению роста расходов на социальные нужды, однако ни в одной европейской стране доля этих расходов не упала ниже рекордного уровня начала 70-х годов⁵.

На конкретную модель смешанной экономики свою печать накладывают исторические и культурные особенности страны. Так, Франция, Япония имеют прочные традиции государственного регулирования; США, Германия, Великобритания больше ориентированы на свободное рыночное развитие.

Для России, как страны догоняющего развития, получившей от предыдущих этапов социалистической модернизации гипертрофированный государственный сектор в ведущих отраслях экономики, возможная модель смешанной экономики должна включать большую роль государства в хозяйственной жизни. Впрочем, очевидная длительность переходного периода делает прогноз вообще недостоверным. Исследователи отмечают уже сейчас стратегические трудности перехода России к социально-экономической системе смешанного типа⁶¹. Прежде всего это несовместимость огосударственного строя и свободного конкурентного развития различных социальных укладов и типов хозяйств. Огосударственный строй способен только подавлять, а не развивать все не вписавшееся в него. Вторая трудность — это отсутствие развитой рыночной инфраструктуры как необходимого условия для смешанной экономики. Третья стратегическая трудность — это отсутствие политической системы, соответствующей обществу со смешанной экономикой и хаотическое развитие демократических процессов, когда чередуются поступательные и попятные движения к политической демократии.

Переходный период, который, по разным оценкам, может продлиться от 10 до 15 лет, должен был бы стать, по сути, движением к смешанной экономике и такому обществу, где действует эффективное, социально ориентированное рыночное хозяйство. И с точки зрения современного состояния России, и с точки зрения перспектив культурного, духовно-нравственного и цивилизационного развития, с точки зрения овладения более весомой ролью в мировой политике, в движении к новому мировому порядку, этот выбор наиболее предпочтителен⁶².

* Даже в Англии во времена правительства М.Тетчер при всех модификациях структуры расходов на социальные нужды их объем практически не сократился. Все, что удалось консервативному правительству, это несколько сдержать их рост // Эволюция теории и практики государства благосостояния в 80-е годы. М., 1991. С. 42—59.

К сожалению, реформаторский курс, осуществляемый после 1991 года, не поставил в качестве цели построение смешанной экономики, что предопределило бы разработку программы экономических преобразований, а начался с радикальных либеральных реформ, получивших название “шокотерапии”. В ее основе лежали три меры: разовое введение свободных рыночных цен, либерализация внешней торговли и приватизация жилого фонда и государственных предприятий, которые и завершили начатый в годы перестройки уход государства из экономики. Весь этот комплекс мер по либерализации повторял ход реформ в некоторых развивающихся странах и постсоциалистических странах Восточной Европы. Выше результаты подобных преобразований уже были рассмотрены. Было очевидно, что Россия обладает существенными отличиями от других стран и применение либеральных мер приведет к более тяжелой ситуации, что и произошло. Предполагавшаяся макроэкономическая стабилизация оказалась мифом, как и кратковременное ухудшение жизни населения, формирование обширного слоя собственников, а также среднего класса. Не только в 1—2 года, но и за пять лет эти цели не были достигнуты.

Спад промышленного производства по сравнению с предыдущим годом составил в 1992 г. — 18%, в 1993 г. — 14%, в 1994 г. — 21%. К сентябрю 1995 года индекс промышленного производства по сравнению с декабрем 1991 г. составил 53%. Спад произошел во всех отраслях, но наиболее резкий — в машиностроении и легкой промышленности⁶³.

Полная открытость экономики внешнему миру способствовала вытеснению отечественной продукции импортной, потере внешних и внутренних рынков, в том числе и для высокотехнологичных товаров, например, вооружения.

Однако, справедливости ради стоит заметить, что существуют, в отличие от официальной статистики, другие, более оптимистические оценки изменений в объемах промышленного производства. Они основаны на предположении, что значительная часть произведенной продукции просто не попадает в учет в целях ухода от налогообложения. Доля теневого сектора может быть оценена по ряду косвенных показателей. Например, доля заработной платы, согласно статистике, составляет около половины доходов населения. Между тем динамично увеличивается потребление товаров длительного пользования, вновь восстанавливаются денежные накопления в сберегательных и других банках. Налицо несоответствие между официально фиксируемым доходом и реальным потреблением, по крайней мере у занятого населения. Теневой, или неформальный сектор представлен, в основном, небольшими цехами и производствами, созданными на базе

ресурсов материнских предприятий, но имеющих отдельный финансовый учет. Подобные “виртуальные компании” могут возникать и независимо от старых производств, как правило, индустриальных монстров, но все равно значительная часть произведенной ими продукции скрыта от официальной статистики и налогообложения.

Эксперты Мирового банка предложили простой, но репрезентативный индикатор общего уровня экономической активности в стране — объем энергопотребления. Их аргумент состоит в том, что в экономике невозможно резкое падение эффективности энергоиспользования, а следовательно, если предприятие продолжает потреблять то же количество электроэнергии, что и раньше, то его станки работают и производят соответствующее количество продукции. В применении к России это означает, что невозможно падение производства на 50% одновременно с сокращением энергопотребления лишь на 25%⁶⁴.

По оценкам специалистов Мирового банка, доля теневой экономики составляла в 1989 году 12% во всей экономике, а в настоящее время — 40%. По сравнению с другими европейскими странами с переходной экономикой (18% в Чехии, 16% в Польше, 27% в Венгрии) теневой сектор в России необыкновенно велик, что порождает огромные неплатежи в бюджет и создает материальную основу для криминального контроля этого сектора. Но одновременно это означает и то, что в экономике, столь утяжеленной как в России, развиваются производства, нацеленные на интересы потребления, ибо теневая экономика по своему определению может быть только так и ориентирована. Вместе с тем очевидно, что условия теневого сектора не позволяют развивать наукоемкое производство, акцент здесь делается на простые изделия массового спроса, что усугубляет архаизацию производства. К тому же теневой сектор в производственной сфере это лишь небольшая часть теневого сектора в целом, который составляет, по оценкам специалистов 50—60 триллионов рублей, и образуется прежде всего за счет банковских афер, торговли безакцизной алкогольной продукцией, хищения драгоценных металлов, золота, бриллиантов, а также торговли фальсифицированными товарами и продовольствием. Отличительной особенностью российской теневой экономики является то, что примерно 90% теневого капитала контролируется преступниками в “белых воротничках” — госчиновниками, сотрудниками разных банков и фирм. На долю же криминальных элементов приходится лишь 10% теневого оборота денег⁶⁵.

Устранение государства из экономики означает утрату поддержки наукоемких обрабатывающих предприятий. В то же время сырьевые отрасли, где наиболее распространены монополии, выходят со своей про-

дукцией на мировой рынок и успешно сотрудничают с зарубежными банками и компаниями. Но реальная польза российской экономике от развития сырьевых отраслей не соответствует их оценке как “локомотива реформ”. Скорее речь идет о встраивании России в международное разделение труда в качестве поставщика сырья, что всегда было признаком слаборазвитости страны и усугубляло отрыв от стран “внутренней зоны”. Если в 70-80-е годы Советский Союз уступал лишь США по объему валового внутреннего продукта, достигая в отдельные годы в стоимостном выражении 30-40% от ВВП США, то сейчас по международной методике сопоставления, разработанной ООН и учитывающей колебания валютного курса, ВВП на душу населения России значительно упал, составив в 1990 г. 23% от показателя США, а в 1993 г. — 13,6%.⁶⁶ И по официальным данным отечественной статистики индекс валового внутреннего продукта на душу населения за годы реформ стабильно снижался. Если 1990 г. принять за 100, то в 1992 г. он составлял 81, в 1993 г. — 74, в 1994 — 65⁶⁷.

Наиболее негативным и опасным по своим долговременным последствиям является спад инвестиционной активности. За годы реформ объем ежегодных капиталовложений в народное хозяйство сократился в 3 раза (с 1990 по 1994 гг.), а это чревато длительным технологическим отставанием от развитых стран и говорит об отсутствии каких-либо перспектив в структурной перестройке экономики, об усилении износа действующего оборудования и возрастании опасности аварий и технологических катастроф.

Ослабление роли государства пагубно сказалось на тех областях жизни, которые традиционно финансировались государством. Продолжается кризис фундаментальной и прикладной науки вследствие сокращения государственного финансирования и незначительного финансирования из других источников. К 1992 г. Россия занимала 24 место в мире по абсолютным расходам на науку и 27 место по удельному весу в ВВП (0,96%). Затем последовало устойчивое снижение финансирования, в том числе и за счет федерального бюджета. В 1995 г. лишь 0,32 % ВВП направлялось на исследования, а расходы федерального бюджета на науку сократились с 3,87% в 1991 г. до 1,82% в 1995 г.⁶⁸ Соответственно сокращается и численность занятых в науке. В 1980 г. — 4,1%, в 1990 г. — 3,7%, в 1994 г. — 2,7%, в 1995 г. — 2,5% занятого населения. В 1994 г. лишь 705,1 тыс. человек вели научные исследования в составе научных организаций. За 1990—1995 гг. выпуск аспирантов сократился с 16,3 до 11,4 тыс. человек, а число защит кандидатских диссертаций с 3,5 до 2,6 тысяч⁶⁹.

Следует правильно оценить и негативные тенденции в развитии профессионального образования, которые сложились за годы реформ.

Несмотря на часто звучащие успокаивающие рассуждения, статистика свидетельствует, что за пять лет с 1990-го по 1996 численность студентов вузов сократилась с 2861,0 до 2655,2 тыс. человек. Причем, сокращение до 1996 г. происходило почти по всем отраслевым группам, включая специальности по экономике и праву, по которым лишь в 1996 г. наметился рост. К тому же следует учесть, что в 1989–1990 учебном году студентов было значительно меньше, чем в 1981–1982, когда в вузах обучалось 3067,2 тыс. человек. Аналогичная картина и в средних специальных учебных заведениях — здесь число студентов сократилось с 1989–90 учебного года до 1994–95 почти на 0,5 миллиона человек и по всем отраслевым группам специальностей. Некоторый рост — 1453,5 тыс. человек произошел в 1995–96 учебном году⁷⁰. Для сравнения заметим, что в развитых странах мира доля студентов в общей численности населения продолжает увеличиваться. Так, в США студенты вузов составляют 5,5% от общей численности населения, во Франции — 3,4%, в Норвегии — 3,9%, тогда как в России только 1,2%⁷¹.

За годы реформ ужесточилась проблема дифференциации доходов населения. Индекс Джини, измеряющий уровень концентрации доходов вырос с 0,260 в 1991 г. до 0,380 к 1996 г.⁷². Соотношение доходов 10% наиболее и наименее обеспеченных групп населения изменилось с 4,4 в 1990 г. до 13,2 в январе–мае 1996 г. В разные месяцы 1993–1995 гг. (по данным официальной статистики) от 23 до 34% населения находились за чертой бедности, то есть имели доход ниже официального прожиточного минимума⁷³. Более детально проблемы современной российской бедности мы рассмотрим в разделе 2.

Негативные социальные последствия радикальных экономических реформ не были в полной мере предвидены авторами “шоковой терапии” и их преемниками. Даже западные специалисты признают, что в России беспрецедентный кризис слишком затянулся, и население платит несоразмерную цену за преобразования. Длительность этапа стабилизации в России ставит под сомнение вообще возможность перехода к рыночной экономике выбранным путем.

Как показал опыт стран Восточной Европы, пошедших по пути либерализации экономики после десятилетий тоталитарного режима, монетаристский курс дает положительные результаты только на первых этапах реформ. Он позволяет стабилизировать финансы, способствует малой приватизации сферы услуг и торговли, росту частного сектора. На этом этапе преодолевается товарный голод, останавливается инфляция, достигается внутренняя конвертируемость национальной валюты. В России этот этап оказался беспрецедентно длительным по сравнению с некоторыми восточно-европейскими

странами. Но монетаристскими методами не удастся решить другие, не менее сложные задачи — осуществить структурную перестройку экономики, преодолеть безработицу, предотвратить массовое обеднение. Решение этих задач требуют государственного регулирования и разработки действенных государственных программ.

Но за годы реформ проявились под влиянием развития рыночных отношений и благоприятные перемены в обществе. Так, было во многом преодолено тотальное огосударствление экономики, появилось многообразие форм и типов хозяйствования, благодаря приватизации, развитию рыночных принципов и появлению конкуренции, произошло перераспределение работников в третичный сектор экономики, всегда бывший в полузадушенном состоянии.

Начал формироваться рыночный механизм взаимодействия спроса и предложения, была произведена переоценка потребительских свойств отечественной продукции по сравнению с мировой, стала меняться структура занятости.

Либерализация торговли и введение свободных цен наполнили потребительский рынок и создали стимулы для зарабатывания денег. И хотя корреляция квалификации и оплаты труда все еще не отмечается, очевидно, что рыночные принципы начинают действовать и в сфере труда. На рынке труда постепенно формируется цена рабочей силы в соответствии с квалификацией, спросом и предложением. Но эти процессы затронули преимущественно негосударственный сектор экономики.

Самое же главное состоит в том, что в российском обществе обнарился, и не в меньших масштабах, чем в других обществах, предпринимательский тип личности, способный к инновационной деятельности и обладающий конкурентным поведением. Правда, деформированный рынок рождает и деформированный тип предпринимателя, ведь действовать ему приходится в криминализованной экономике при слабой защите государства от преступных посяганий, да и само государство в лице своих чиновников не слишком потворствует честному, независимому предпринимательству. Коррупция, которую кратко можно определить как противоправное использование должностными лицами своего служебного положения в личных или групповых корыстных целях, достигла в России астрономических размеров, поразив все этажи аппарата^{*}. Тем не менее неоспорим факт, что в российском обществе

^{*} Сравнение России и других стран по степени коррумпированности власти показало, что наша страна занимает “почетное” 43 место, превзойдя как все развитые, так и большинство развивающихся стран // *Андрянов В.Д.* Россия в мировой экономике. М., 1995. С. 64.

появился слой людей, умеющих идти на риск в целях получения прибыли, для которых иной тип деятельности — работа за зарплату, уже не может быть привлекательной. Слой реальных собственников не слишком велик (не оправдались посулы “отцов реформ” сделать собственниками большинство населения), но весьма энергичен. Если бы государство проводило более продуманную политику поддержки среднего и малого бизнеса, а монополизированные отрасли (прежде всего энергетические и транспортные) не разоряли предприятия, производящие конечную продукцию, то успехи реформ были бы более впечатляющими.

Парадоксальность российской ситуации состоит в том, что оставаясь владельцем контрольного пакета акций монополизированных предприятий, государство тем не менее не контролирует в должной мере их деятельность, попустительствуя установлению монопольно высоких цен на их продукцию. Либерализация экономики обернулась в России новым витком этатизации, причем в столь внушительных масштабах, что это придавило большинство предприятий реального сектора экономики (пожалуй, кроме торговли). К концу 1996 г. трем российским монополиям — РАО “ЕЭС России”, “Газпром” и Министерству путей сообщения — оказались должны почти все предприятия страны, включая двести крупнейших, производящих более двух третей промышленной продукции. Специалисты уже прогнозируют поглощение “большой тройкой” своих должников и делают вывод, что приватизация, да и вообще либерализация экономики в России с первой попытки не удалась⁷⁴. Государство в последние годы все более активно поддерживает концентрацию финансов и контролирует управление ими. Видимо, предстоит новая попытка передела собственности. Уже сейчас дальновидных бизнесменов беспокоит то, что гиганты отечественного бизнеса не заботятся о выживании средних и мелких компаний, составляющих среду обитания крупного бизнеса и создающих емкий внутренний рынок. Практически сейчас в России складывается государственный капитализм, при котором поддерживаемые властью сверхмонополии контролируют почти всю экономику, а среднее и мелкое предпринимательство все более глохнет. Как ожидается, экономические и социальные последствия такой политики негативно скажутся на уровне безработицы, еще большем снижении производства и, значит, на усугублении социальных проблем всего общества.

Рассмотренные некоторые социально-экономические взаимосвязи, возникающие в процессе российской модернизации, имеют позитивные и негативные стороны и не могут трактоваться однозначно. Слишком велика специфика российского общества, чтобы здесь

мог безболезненно быть применен вариант модернизации, который и в обществах более близких к западному рационализму внедряется с большими проблемами. И тем не менее надо считаться с тем, что Россия уже проделала первые шаги своей очередной модернизации, и они принесли значительные изменения в экономические, политические, социальные отношения, оказали сильное влияние на менталитет населения, его ценностные ориентации. Некоторые из этих изменений — в социальной стратификации и системе ценностей станут предметом рассмотрения в следующих разделах.

РАЗДЕЛ 2

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Экономическая реформа, проводимая в России, выдвинула на первый план и крайне обострила такие проблемы как углубление имущественной дифференциации, перераспределение доходов между разными группами населения, поляризация интересов в результате усиления социального неравенства. Все это — внешнее проявление глубинных социальных процессов: меняются принципы социального расслоения общества, оно структурируется по новым основаниям.

Суть происходящих изменений — в смене функциональных связей в обществе. Происходящий в России переход от принудительно направляемой экономики к экономике, построенной на рыночных отношениях, — это глобальная смена неэквивалентного, властного перераспределения общественного богатства эквивалентным обменом результатами деятельности по горизонтали между юридически независимыми субъектами собственности. При этом в качестве объектов собственности выступают рабочая сила, капитал, информация, материальные ресурсы и т.д.

На смену практически полностью огосударственной экономике приходит экономика многосекторная, включающая широкий спектр форм — от государственной до частной, со множеством смешанных, переходных видов. Одновременно с трансформацией экономического базиса общества, и, как всегда в России, определяя ее, происходят изменения в системе властных отношений. Правивший десятилетия номенклатурный слой мимикрирует, активно участвует в перераспределении государственной собственности, занимая и в

бизнесе ключевые посты. Формирующиеся группы крупных и средних собственников возникают, как правило, на руинах государственной собственности вследствие близости их представителей к властным органам.

В результате этих сложных, зачастую взрывоопасных, процессов социальная структура общества трансформируется из своеобразной сословной в классовую, изменяются ее общая композиция, соотношение социальных слоев и групп, их ролевые функции и общественная психология.

Терминологически социальная структура чаще всего ассоциируется с системой устойчивых отношений между выделенными по определенным критериям элементам общества. В качестве критериев применяется единое отношение к тем или иным общественным ресурсам (власть, богатство), единообразию выполняемых в обществе функций (социальная роль), социальный статус (иерархическое место в обществе), единство культурных норм и ценностей (культурная идентичность) и другие⁷⁵.

Среди совокупности отношений, образующих структуру конкретного общества, важное, если не первостепенное значение, имеет социальная стратификация, подразумевающая отношения между элементами общества в соответствии с их неравенством, их ранжированием по степени обладания властью, собственностью и, как следствие, социальным статусом.

В современных исследованиях социальной стратификации чаще всего реализуются два подхода. При первом исследуются прежде всего проблемы соотношения социальных групп и слоев, их экономическое и властное положение, система интересов, мотивация экономического и социального поведения. Это, так сказать, статичный подход, фиксирующий состояние стратификации на определенный момент времени. Другой подход, более сложный для реализации, но и более продуктивный, заключается в изучении механизмов и способов образования той или иной иерархии в обществе. Значение этого подхода особенно возрастает при исследовании переходных периодов в развитии общества, когда меняются механизмы социальной дифференциации. В современной России, например, возникновение института частной собственности и является тем процессом, который кардинально меняет способ организации общественной жизни, все системы общественного взаимодействия и, в конечном счете, определяет новую социальную стратификацию общества.

2.1. Трансформация “сословной” структуры в классовую

Чтобы составить представление о процессах, происходящих в социальной структуре современного российского общества, необходимо рассмотреть их в сопоставлении с тем, чем было общество всего несколько лет назад, что устоялось в нем прежде и что составляло основу его прежней социальной структуры. Это позволит определить главное в происходящей трансформации общества, выделить основные тенденции развития и те элементы социальной структуры, которые играют в обществе ключевую роль.

Россия переходит от принудительно направляемого хозяйства к рыночному. Этот процесс вызывает глубинные изменения в основах общественной жизни, в социальной структуре общества. В центре всех изменений стоит весьма драматический переход от своеобразной сословно-иерархической структуры к классовой.

Сословно-иерархическая структура общества формируется на основе безрыночного, бессубъектного характера производства и распределения материальных и духовных благ. Единственным субъектом, побудителем и направляющей силой развития является здесь верховная власть, будь то государство в лице бюрократии, номенклатура, партийные комитеты или верховный правитель. Остальные члены общества представляют собой аморфную, пластичную массу, которая лишена свободы выбора своей линии экономического, политического, духовного поведения и самовыражения. Ей поступают сверху указы, распоряжения, транслируются образцы для подражания. Всякое уклонение от их выполнения или следования им карается весьма жестоко.

Организовано подобное общество строго по вертикали, оно само не имеет горизонтальных структур — автономных и самоуправляющихся. Если они и существуют, то обязательно санкционируются сверху и постоянно находятся под неусыпным наблюдением всей вертикальной пирамиды. Режим может время от времени давать некоторую толику послабления, но никогда не допустит независимости от власти, идеологических основ, и, тем более, независимости и свободы в экономическом поведении.

Существовавшая в Советском Союзе сословно-иерархическая структура — это структура тоталитарного общества, которое не допускает самостоятельного развития иных форм собственности, кроме государственной, все виды экономической деятельности связаны с последней или находятся под ее влиянием. Государственная собственность создает жесткую вертикаль иерархических отношений, при ко-

торых обладание властью дает право распоряжаться собственностью и участвовать в процессе ее распределения. В подобном обществе нет реальных классов в силу отсутствия экономических основ для их существования. Здесь нет реального собственника и нет свободного наемного работника, материальное положение зависит исключительно от принадлежности к определенной ступеньке в социальной иерархии.

Несмотря на бессубъектность, аморфность тоталитарного общества, его социальная структура жестко детерминирована: никакие новые влияния не могут разрушить главной социальной перегородки — между правящей элитой (номенклатурой) и остальным обществом. С годами в советском обществе сложился механизм самовоспроизводства элиты (номенклатуры). Здесь есть горизонтальные и вертикальные связи: существование неписаных правил аппаратной игры обуславливает соблюдение определенного типа поведения; принадлежность к властной элите — систему привилегий, юридически не закрепленную и не наследуемую, но традиционно распространяемую и на потомков; кастовость и корпоративизм делают элиту замкнутой, ротация кадров осуществлялась по строго определенным правилам, исключавшим появление новых, не знакомых персонажей.

Остальная, не входящая в элиту часть общества в социальном отношении дифференцирована слабо. В силу отчуждения от собственности и власти она не является реальным субъектом социальной активности. Здесь существует возможность преимущественно горизонтальных перемещений, носящих скорее профессиональный характер. Они не означают смены социальной позиции в общественной иерархии, поскольку реально (а не декларативно) социальные позиции рабочего, крестьянина, интеллигента отличаются мало. Отсюда уравнительность в потреблении, низкий жизненный стандарт, практическая невозможность перемещения в верхние слои общества. Слабая вертикальная мобильность подрывала стимулы социальной и трудовой активности.

Полное отчуждение — и юридическое, и фактическое — от собственности (за исключением небольших приусадебных наделов у крестьян) нивелировало принципиальную разницу между декларируемыми двумя классами — рабочих и колхозников и социальным слоем — интеллигенцией. Несмотря на некоторые различия в характере, содержании труда, образовании и социальной психологии, эти социальные группы не были разными классами в собственном смысле слова, а представляли собой массу наемных работников, слабо структурированную по доходам, по участию (вернее, по неучастию) в принятии решений, по ценностно-идеологическим установкам.

Сложившаяся в советском обществе социальная структура сословного типа оказалась крайне неэффективной в условиях научно-технической революции. Когда в других странах уже формировались информационные общества, в Советском Союзе инновационные процессы были возможны лишь в отдельных локальных средах — ВПК, космической отрасли, в некоторых научных направлениях. Это обуславливало прогрессирующее отставание от развитых стран мира в экономическом и научно-техническом отношениях.

Отсутствие в обществе внутренних стимулов прогресса в значительной мере определяется мотивационно-ценностной системой населения. Если лишь элитный слой населения обладает возможностями быть субъектом социального действия, а остальная — основная — масса не имеет стимулов к такой активности, то социальная структура подобного типа становится помехой общественному развитию, и такое общество обречено на стагнацию. В Советском Союзе положение усугублялось тем, что, в отличие от некоторых социалистических стран Восточной Европы, негосударственный сектор экономики был практически ликвидирован, и отдельные попытки проявления частной, индивидуальной инициативы или приобретали нелегальный и, следовательно, криминальный характер, или были обречены на провал. Кроме того, в СССР тоталитаризм существовал на два поколения дольше, т.е. к 90-м годам у нас в стране практически исчезла культура личной инициативы, предпринимательства и ответственности. В странах Восточной Европы и Китае ее элементы еще были живы.

Преодоление сословного характера социальной структуры и возникновение структуры классовой, включающей собственников, наемных работников, другие социальные группы, объединенные общими интересами, делает актуальным вопрос о возрождении в России гражданского общества. По мнению авторов книги “Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества”, сейчас его становление происходит через конфликт созданных ранее институтов и новых институтов. Последние возникают на руинах государственной собственности в ходе ее приватизации и сопровождаются криминализацией экономики. В результате появляется квазигражданское общество, активно наступающее на новые элементы нормального гражданского общества. Как можно заключить из рассуждений авторов, для России мог бы быть предпочтительней на современном этапе развития авторитарный политический режим, при котором под контролем государственной власти развивается частный интерес, но в определенных очерченных рамках. И подобно некоторым другим странам (Испания, Чили), авторитарное правление мог-

ло бы проводить сверху демократические преобразования и постепенно формировать гражданское общество⁷⁶.

Переход к обществу, где действуют рыночные механизмы, в российских условиях особенно труден. Сдвиг в общественных отношениях должен произойти гигантский. Бремя прошлого развития, традиции, сложившаяся структура ценностей накладывают свой отпечаток на все процессы, в том числе на преобразование социальной структуры в целом и ее отдельных элементов. Преодоление сословной структуры общества в России сопровождается своеобразными процессами трансформации элитного слоя, формированием классовой стратификации, изменением социального статуса российской интеллигенции и глубокой имущественной дифференциацией населения.

Изменения в элите

Существовавшая в дореформенной России элита — экономическая, политическая, военная, культурная и идеологическая — претерпела в новых условиях значительные изменения. Остановимся на трансформации экономической и политической элит, как наиболее влиятельных в обществе и образующих как бы два сообщающихся сосуда в элитном слое.

Растерянность, неуверенность в своих силах и сопротивление реформам в первые годы реформирования сменились достаточно агрессивным поведением при включении в процесс экономических трансформаций. Собственно говоря, с началом разгосударствления функций аппарата, связанные с контролем над собственностью, кадровой политикой, процессом приватизации, распределением бюджетных средств и на общероссийском, и местном уровнях значительно усилились. Есть все основания полагать, что в России существует определенное единство экономических и политических элит и явно выражено стремление к усилению функций экономического управления со стороны аппарата. Реализуется оно в разнообразных формах, в том числе путем “номенклатурной приватизации”. Персональный состав элиты изменился, но весьма незначительно. Как показывают исследования, лишь около 10% номенклатуры стали пенсионерами, около 1/3 занялись бизнесом, возглавив крупные и средние частные и полугосударственные организации, остальные по-прежнему занимают места в аппарате, нередко сочетая госслужбу с бизнесом.

Бывшая номенклатура сумела конвертировать свой политический капитал в капитал экономический, используя свои связи, клано-

вое единство и информационные сети. Характерно, что сам процесс трансформации элит был начат еще до экономической реформы — в период перестройки — и надежно направлялся номенклатурой. Привилегии номенклатуры в эти годы заметно расширились, охватив и коммерческую деятельность, ранее бывшую под запретом. Для этого были опробованы несколько путей: создание совместных предприятий, свободное обналичивание денег (в конечном счете раскрутившее инфляцию), льготные кредиты, операции с недвижимостью, приватизация банковской системы, создание вместо министерств концернов с приданием им статуса акционерных обществ, приватизация распределительной системы путем учреждения биржевых структур, а также приватизация наиболее рентабельных производств⁷⁷. Эти и другие способы создания первых рыночных структур проходили под патронажем номенклатуры и с ее участием. Они положили начало относительно бесконфликтной трансформации государственной собственности в частную (что не равнозначно эффективной), обеспечив преемственность власти. В результате в России набрал силу слой богатых людей плутократического типа, имеющий тесные связи с бюрократическим аппаратом, что не могло не дать пышно расцвести коррупции.

Практически сросся с плутократическим типом элитного слоя компрадорский тип, который образует частный капитал за счет экспорта природных ресурсов. Для этого элитного слоя экономическая реформа состоит в открытии экономики для импорта, банкротстве неконкурентоспособных на мировом рынке отечественных производств, модернизации производства исключительно за счет зарубежных инвестиций и частных капиталов⁷⁸.

По сравнению с компрадорской и плутократической элитой относительно слаб (как в силу недостатка ресурсов, так и резервов власти и лоббирования) слой экономической элиты, ориентированный на комплексное развитие национальной экономики, прежде всего конечных отраслей, наукоемких и высокотехнологичных производств. Эти производства оказались неконкурентоспособными на внутреннем и внешнем рынке не только в силу низких потребительских свойств своей продукции, но и из-за отсутствия протекционизма со стороны государства.

Все три элитные группировки находятся в состоянии перманентной борьбы между собой и за влияние на властные структуры.

Характерной особенностью современного этапа трансформации отношений собственности в России является соединение функций управляющего и собственника в одном лице. Новые отношения соб-

ственности укладываются в прокрустово ложе старого, отжившего менеджмента. Бывший управленческий аппарат, директора предприятий, высшие чиновники министерств и ведомств становятся крупными собственниками, одновременно продолжая по-старому плохо выполнять управленческие функции. Практически они не зависят в своей деятельности от рядовых акционеров. Зачастую последних даже принуждают к делегированию своих прав администрации. В отличие от развитых стран Запада, где в 30–50 годы произошла “революция управляющих”, в результате которой к управлению пришла “новая технократия”, способная решать инновационные задачи и относительно независимая от акционеров-собственников, в России укрепляются позиции старых кадров, а неработающее акционерное законодательство выводит директорат из-под контроля акционеров⁷⁹.

В целом в составе экономической элиты, включающей владельцев, управляющих предприятий и высшие должностные лица в министерствах и ведомствах, сохранилось около 70% старой экономической элиты. В 1993 г., по данным ВЦИОМ, в составе бизнес-элиты было 54% бывших руководителей государственной экономикой, 18% занимали ранее партийные и государственные посты или были чиновниками в аппарате, 16% работали на должностях специалистов, 1% — деятели науки и культуры, 11% — прочие⁸⁰.

Несколько другие тенденции отмечаются в формировании политической элиты, осуществляющей государственное управление. В ее составе только 38% занимали в 1988 г. партийные и государственные номенклатурные должности, 49% были на так называемых предноменклатурных должностях, и лишь 16% пришли в элиту, не занимая ранее никаких административных постов.

Таким образом, очевидно, что в трансформации элиты велика роль преемственности и основная ротация происходила в рамках административного слоя. Большинство бывшей номенклатуры смогло преобразовать свое место во властной иерархии в капитал, как в буквальном смысле слова, так и в переносном — заняв свою нишу в новом элитном слое, и в силу этого вновь оказавшись внутри распределительных процессов и, что теперь еще важнее — в распределении прибыли. В результате политическая элита и на общероссийском, и на региональном уровнях смыкается с экономической элитой. Складывается ситуация относительного баланса сил и взаимной заинтересованности администрации и экономических структур друг в друге.

Подобный ход событий дает основание некоторым аналитикам говорить о складывании в России номенклатурного капитализма. Думается, что это действительно так, да и не могло быть иначе, по-

сколькx в России переход к рыночной экономике осуществлялся не эволюционно, с формированием демократической социальной базы рынка, а путем шокового рывка, сориентироваться в котором могла только социальная группа, обладающая опытом управления, владеющая рычагами власти и связями. Для рядовых граждан в переходный период были сужены возможности для частной хозяйственной инициативы, поскольку они блокировались интересами элиты и криминальными структурами.

Столь глубокое и длительное погружение общества в кризис показывает, что политическая элита не способна выработать и предложить обществу стратегию всесторонней модернизации (эта постановка проблемы, насколько можно судить по заявлениям руководителей, даже и не является для них актуальной и тем более не артикулируется). Ориентирами в повседневной деятельности политической элиты служат срочное “затыкание дыр”, образующихся вследствие политических и экономических ошибок, борьба за власть, подкуп электората в предвыборных кампаниях. Создание гражданского общества и взаимодействие с ним не входят в круг забот элиты. “Конструктивная роль элиты, — считает Н.И.Лапин, — быстро сузилась и замкнулась на обеспечение прав и благополучия самой элиты за счет интересов подавляющего большинства граждан в ущерб становлению гражданского общества”⁸¹. Очевидно, что чем скорее элита осознает необходимость и выгодность для себя в долгосрочном плане построения гражданского общества и будет действовать в соответствии с демократическими принципами, тем полнее и конструктивнее будет ее модернизаторская роль в обществе.

Формирование классов

В настоящее время в России в процессе становления находятx экономические классы — класс собственников и класс наемных работников.

Класс собственников представлен группами крупных, средних и мелких владельцев капиталов, воплощенных в финансовых, материальных и информационных ресурсах. По своему социальному и экономическому положению эти группы сильно дифференцированы, и их капиталы, как правило, функционируют в разных сферах. Крупные состояния складываются на базе финансовых операций и в связи с экспортом природных ресурсов.

Группа средних и мелких собственников формируется в результате торговых операций на внутреннем рынке, ввоза в страну товаров широкого потребления, финансовых спекуляций.

Отличительной особенностью функционирования отечественных капиталов является сосредоточение их в посреднических операциях на рынке, в финансовой сфере и незначительное участие в производстве. Несмотря на декларируемое правительством желание привлечь отечественные капиталы к инвестированию производства, объективное положение в экономике таково, что наибольшую прибыль обеспечивают финансовый рынок, торговля и посредничество. Всякое моральное осуждение такого направления капиталов хотя и похвально, но мало продуктивно, если государство не создает объективных условий для переключения интересов капиталовладельцев в производственную сферу.

Некоторые исследователи, говоря об особенностях современного российского капитализма, выделяют в составе нарождающегося класса собственников национальную и компрадорскую буржуазию⁸². При этом компрадорская буржуазия, составляя группу наиболее богатых собственников в современной России, отождествляется с криминальным бизнесом и участвует в активном разграблении страны. Национальная буржуазия представляется в этих исследованиях антиподом компрадорской по ряду социальных признаков: по социальным корням, предпринимательской культуре, происхождению капиталов. Функционирует капитал национальной буржуазии, как правило, в производственном и венчурном бизнесе и противостоит в своем развитии капиталу компрадоров. Если прибыли компрадорского капитала рождают высокая инфляция и вывоз природных богатств за рубеж, то для производственного капитала инфляция и цены на энергоносители, сопоставимые с мировыми, ведут к невозможности развивать производство.

Существует тесная корреляция методов реформирования экономики и состояния социальной структуры общества. В частности, распределение общественного богатства и сочетание экономической эффективности и социальной справедливости, в конечном счете, определяют социально-политическую обстановку в стране.

Значительным и все растущим слоем собственников в России становится так называемый директорский корпус. Эти профессионалы-управленцы в результате приватизации становятся владельцами больших пакетов акций своих предприятий, создают на их базе собственные частные фирмы, активно включаются в жизнь финансовых рынков. Сейчас сложились две наиболее влиятельные группы

директоров, претендующие на лидирующие позиции во влиянии на правительство. Первая группа сосредоточена в отраслях ТЭК, предприятия которых акционируются, вторая — в ВПК, где большая часть предприятий не подлежит приватизации. Отраслевые интересы ТЭКа объективно противостоят развитию перспективных отраслей машиностроения, наукоемким и высокотехнологичным производствам, в том числе сосредоточенным в ВПК. В России сложилась классическая ситуация, когда монополизированные отрасли — энергетическая, нефтегазовая и транспортная — выкачивают ресурсы из всех остальных, а также из формирующегося частного сектора. Значительная часть предприятий ВПК, располагая наиболее квалифицированными кадрами, не смогли провести конверсию производства и практически остановились. Многие высокотехнологичные производства разрушены.

Тем не менее на предприятиях, где идет приватизация, директорский корпус и высшее управленческое звено становятся крупнейшими собственниками производственных ресурсов. Уже на первом этапе реформирования складывается необоснованная дифференциация доходов рядовых работников и руководителей. Пользуясь несовершенством законодательства и отсутствием прежнего контроля, высший управляющий персонал предприятий устанавливает себе огромные оклады, даже если предприятие является должником и зарплата рабочим не выплачивается. Социологические исследования показывают, что если всего 1–1,5 года назад директора предприятий, вступающих в акционирование, хотели бы оставить свою работу, испытывая прессинг со стороны коллективов и слабо представляя свое новое социальное положение, то теперь ситуация резко изменилась. Большинство директоров осознали выгодность своего положения, успешно приобрели крупные пакеты акций и преодолели, по крайней мере психологически, комплекс неполноценности. Хотя по-прежнему остается проблема квалификационного уровня директората для успешного функционирования в условиях рынка и конкурентоспособности. Известно, что большинство руководителей предприятий являются техническими специалистами, и лишь немногие имеют экономическую подготовку.

Наемные работники составляют в России, как и в других странах мира, основную часть населения. Сейчас они глубоко социально дифференцированы в зависимости от сектора занятости, отраслевой принадлежности предприятий, региона проживания.

Большинство наемных работников испытывают тягостные последствия экономического кризиса. Особенно тяжелое положение на

государственных и недавно акционированных предприятиях. Наемные работники госсектора наиболее активно пополняют армию безработных, именно в госсекторе самый низкий уровень оплаты, именно в госсекторе высок уровень пессимизма в отношении перспектив дальнейшей жизни, здесь высока латентная безработица.

Часть занятых в государственном и смешанном секторах обладают акциями своего и чужих предприятий и в каком-то смысле являются одновременно и собственниками. Хотя на начальных этапах развития рыночных отношений это особой роли не играет, а, скорее выполняет политико-социальные функции, не принося практической выгоды. Некоторая эйфория по поводу акционирования предприятий очень скоро сменилась разочарованием: как только работники убедились, что дела предприятия не улучшились, а их собственные дивиденды весьма малы.

Особый интерес представляют наемные работники частного сектора — это новый класс, переживающий сейчас свое второе рождение в России. В силу своей новизны и неопределенности дальнейшего развития частный сектор привлекателен в большей степени для людей, готовых рисковать, активных, энергичных и зрелых. Среди наемных работников здесь преобладают мужчины при весьма незначительной доле молодежи. Молодежи до 30 лет в частном секторе в 2,5–3 раза меньше, чем в государственном. Обращает на себя внимание тот факт, что частный сектор более привлекателен для работников с высшим образованием: здесь их 22% против 17% в государственном; со средним (или ниже) образованием на государственных предприятиях 83%, а на частных — 78%⁸³. Отличительной особенностью наемных работников частного сектора является то, что, получая здесь главную долю доходов, около 30% не считают эту работу основным занятием, сочетая ее с трудом по найму на государственных предприятиях. Так проявляются переходный характер российской экономики, изменчивость правовой основы частного предпринимательства и неуверенность занятых здесь работников в будущем.

Отраслевая структура частного сектора имеет существенный сдвиг в сферу коммерции и обслуживания, частное производство развито слабо, еще меньше присутствует негосударственный сектор в образовании, здравоохранении, науке, культуре (правда, в 1995 г. именно эти сферы дают большой прирост частных организаций).

Формирование класса наемных работников является, по существу, легализацией действительного положения большинства членов общества. Если ранее существовала идеологическая интерпретация рабочего класса как “ведущей силы” общества, колхозного крестьян-

ства — как его союзника, интеллигенции как занимавшей особое место социального слоя между этими двумя мифическими классами, то теперь становится явной их подлинная социальная роль. Рабочий класс выявляет свою истинную природу: это наемные работники у государства или частного собственника. Крестьянин постепенно обретает возможность стать или частным производителем, или работать на земле коллективно, или быть наемным работником в сельском хозяйстве. Интеллигенция в своем большинстве — это наемные работники у государства, частного собственника или у коллектива; либо ее представители сочетают в своей деятельности разные социальные роли. Введение рыночных отношений сняло идеологический “флер” с социального статуса этих групп, которые и ранее реально были наемными работниками у государства, а в его лице — у номенклатурного слоя.

Со временем, очевидно, выкристаллизуется система экономических и политических интересов отдельных отрядов наемных работников, получит более четкое выражение их влияние на правящие структуры, и при демократическом развитии реформ эти группы смогут эффективно отстаивать свои интересы перед работодателями.

Бедность и богатство: два полюса социальной стратификации

Естественное для рыночной экономики различие уровней доходов, источников их поступления, структуры расходов, разных объемов накопленного семей имущества и другие характеристики материального благосостояния не были в дореформенной России сколь-нибудь существенными для основной массы населения. Государственная система регулирования доходов, с одной стороны, уравнивала имущественное положение граждан, с другой — являлась препятствием для роста личной заинтересованности в эффективном труде. В результате уровень дохода не являлся существенной характеристикой социального положения, и, как правило, в социологическом анализе играл подчиненную роль. Нелишне заметить, что и в официальной статистике приводились, как правило, усредненные данные об уровне материального благосостояния без дифференциации по социальным группам внутри официально признаваемых классов.

С началом экономической реформы произошли фундаментальные изменения в механизмах регулирования дохода, и, как следствие, в степени дифференциации материального положения и социального расслоения по этому критерию. В социологии стали активно обсуждаться проблемы социальной дифференциации, производиться

замеры имущественной дистанции, уровней доходов разных социальных групп, источников поступления доходов⁸⁴.

Происходящие изменения в социальном расслоении носят глубокий качественный характер. Прежде всего, отметим изменение источников получения доходов. Ранее — в социалистической экономике — 3/4 доходов формировалось за счет денежных поступлений в виде заработной платы, немного менее 1/4 составляли доходы в виде пенсий, стипендий, выплат из общественных фондов потребления, включая бесплатное образование, лечение, и совсем малы были доходы из других источников. Лишь в сельской местности заметную роль играли доходы от ведения личного подсобного хозяйства (1965 г. — 38,2%, 1975 г. — 26,1%, 1985 г. — 21,8%, 1990 г. — 21,5% в совокупном доходе)⁸⁵. В городе же эти доходы составляли, например, у промышленных рабочих в 1975 г. только 0,9%.

С началом экономической реформы источники дохода существенно изменились. В I-м полугодии 1996 г. в структуре денежных доходов всего населения заработная плата наемных работников, включая выплаты социального характера, составила лишь 43,6%, социальные трансферты — 13,8%, доходы от собственности — 6,0%, доходы от предпринимательской деятельности, от самозанятости и другие — 36,6%⁸⁶.

Население, получающее последний вид доходов, весьма неоднородно. Сюда входят и владельцы личных подсобных хозяйств, и фермеры, и частные предприниматели, в том числе имеющие крупные состояния. И тем не менее появление в обществе большой группы граждан, имеющих источники дохода, отличающиеся от зарплаты наемных работников, примечательное явление российской экономики и новой социальной стратификации. Если в 1980 г. доходы от собственности, предпринимательской деятельности и т.п. составляли 6,9% всех денежных поступлений, увеличились почти в два раза за десять последующих лет — до 12,9% в 1990 г., и всего за год — с 1990 по 1991 гг. они возросли почти вдвое, достигнув 24,8%. И сейчас эти доходы составляют более 1/3 всех денежных доходов населения. Вместе с тем надо учитывать, что в эту группу доходов, которые в силу несовершенства учета носят оценочный характер, попадает в переходных экономиках очень широкий спектр денежных поступлений. Тем не менее можно отметить, что их большой удельный вес — это не только свидетельство предпринимательской активности граждан, но и их адаптационных способностей в условиях кризиса, сокращения рабочих мест и заработной платы находить источники существования.

Конец российской интеллигенции?

В последнее десятилетие ни в какой группе российского общества не произошло столь резких изменений социального статуса и роли в обществе, как у интеллигенции. Интеллигенция занимала традиционно особое место в социальной структуре. Практически вся она состояла на службе у государства (за исключением лиц свободных профессий, да и тут было навязано идеологическое служение), но в общественном сознании ее место в обществе определялось не только этим. Традиционно для России интеллигенция рассматривалась как духовный наставник, народная совесть, культурное ядро общества. В истории интеллигенции — “мыслящему меньшинству” выпала роль “совсем особого, лишь в России существующего духовно-социального образования”⁹⁵.

На интеллигенцию советского периода падал отсвет значения дореволюционной российской интеллигенции. В обществе был традиционно высок престиж образования, занятий умственным трудом, и не только в силу понимания сложности и значимости этого труда, а в силу особого к нему отношения, как к подвижнической деятельности. В России интеллигенция никогда не была, как на Западе, только группой интеллектуалов или профессионалов.

Даже при снижении статуса отдельных групп интеллигенции, например, инженеров в период позднего социализма, получение диплома о высшем образовании рассматривалось как неременный элемент престижа, как шанс быть причастным к продвинутому месту в социальной иерархии.

В материальном отношении интеллигенция мало отличалась от рабочего класса. Отдельные ее отряды имели доходы даже ниже, чем у неквалифицированных рабочих.

Профессиональная дифференциация являлась основным видом дифференциации в среде интеллигенции, определяя некоторые различия в уровне жизни и психологии. Можно сказать, что интеллигенция в Советском Союзе обладала определенным единством социокультурных ориентаций, типов поведения, традиций.

С середины 80-х гг. до настоящего времени интеллигенция проделала большой путь от идентификации себя с социальным слоем, одним из столпов общественного устройства, до распада на отдельные составные элементы, имеющие разную перспективу развития.

Часть интеллигенции в процессе перестройки смогла внедриться в элитный слой. Сначала зарекомендовав себя на поприще борьбы с номенклатурой и привилегиями, она затем успешно освоила ее привычки и сама плавно вошла во власть. Для этой части интеллигенции

болезненной в российском обществе. Несовершенство официальной статистики, а также определенные сложности замера социологическими методами такого деликатного объекта, заставляют говорить о приблизительности и условности используемых в анализе данных. И тем не менее имеющиеся статистические материалы фиксируют тенденцию роста расслоения по доходам (табл. 1).

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЩЕГО ОБЪЕМА ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ
1991–1996 г. (%)

	1991	1992	1993	1994	1995	I полугодие 1996
Денежные доходы — всего в том числе:	100	100	100	100	100	100
20% населения с наименьшими доходами	11,9	6,0	5,8	5,3	5,5	6,1
20% населения с наивысшими доходами	30,7	38,3	41,6	46,3	46,9	45,5

Российский статистический ежегодник. 1995. С. 88; Мониторинг социально-экономического потенциала семей за II квартал 1996 г. С. 9.

Как показывают данные таблицы, соотношение доходов низкодоходных групп с высокодоходными составляет сейчас 7,6 раз. Еще более контрастно выглядят 10-ти процентные доходные группы. В первом полугодии 1996 г. денежные доходы наиболее обеспеченных превышали доходы 10% наименее обеспеченных в 13,1 раза. На долю 10% наиболее обеспеченных приходилось 29% денежных доходов всего населения⁹¹.

Используемые в оценках дифференциации доходов коэффициенты — индекс Джини, кривая Лоренца и другие — показывают, что степень неравномерности дохода за годы реформ сильно возросла. Так, индекс Джини демонстрирует рост концентрации доходов в высокодоходных группах (этот рост, правда, несколько замедлился в 1995—первой половине 1996 г.): 1991 — 0,260; 1992 — 0,289; 1993 — 0,396; 1994 — 0,409; 1995 — 0,382; I квартал 1996г. — 0,379⁹².

Сравнение России с другими странами с переходной экономикой показывает, что у нас самый высокий уровень дифференциации доходов. И хотя она еще не достигла уровня развитых стран, например, в США индекс Джини равен 0,466 (1992 г.), стремительное иму-

ществственное расслоение вызывает в обществе политическую и социальную напряженность, создает негативный фон реформам.

Пожалуй, самым печальным следствием имущественной дифференциации служит появление в обществе значительной группы населения, имеющей доход ниже официального прожиточного уровня, который, кстати, далек по своим параметрам от принятых в международной практике. Сравнение доходов с минимальным прожиточным минимумом дает основание говорить об уровне *абсолютной бедности* в обществе. В его оценке используется также показатель минимальной заработной платы.

В современной России можно выделить четыре градации абсолютной бедности⁹³. Во-первых, *пауперизм*. У людей, относимых к этой категории, душевой доход не превышает минимальной заработной платы.

Во-вторых, *нищета*, определяемая по уровню дохода, находящегося ниже физиологического минимума средств к жизни. Сегодня показателем такой грани можно считать стоимость простейшего набора продуктов питания, входящих в официальный прожиточный минимум. В 1992—1994 гг. этот набор стоил чуть больше 2/3 прожиточного минимума (заметим, что в других странах доля продуктового набора составляет лишь 40—50%).

В-третьих, *нужда*, которая охватывает те группы населения, которым хватает средств на простейшие физиологические нужды, но кто не может удовлетворить полностью социальные потребности, даже самые элементарные (отдых, лечение, развлечения). Верхнюю границу нужды образует официальный прожиточный минимум, а нижнюю — стоимость простейшего набора продуктов питания.

В-четвертых, *необеспеченность*, или умеренная бедность. Она определяется уровнем жизни, при котором удовлетворяются элементарные потребности (как физиологические, так и социальные), но остаются не реализованными потребности более высокие, которые соответствуют образцам, считающимся в данной культуре нормальными и достойными. Верхний предел необеспеченности образует социальный норматив, определяемый по экспертным оценкам, который позволяет не просто выживать, а скромно, но прилично существовать.

Оценки, проведенные по данным 1994 г., дают возможность установить объем и градацию абсолютной бедности в России (табл. 2).

Приведенные оценки уровней бедности получают подтверждение и в опросах общественного мнения. Наше исследование 1994 г. выявило, что 67% опрошенных по их самооценке могло быть отнесено к группе бедных, в том числе около 7% жили практически в нищете, а 60% испытывали нужду или необеспеченность.

2.2. Разгосударствление и плюрализация форм собственности

Социальная стратификация и направления ее трансформации находятся в прямой зависимости от структурной перестройки всей экономики. Для современного переходного периода ее сложность состоит в том, что она протекает одновременно в двух направлениях — как перестройка форм собственности в виде их плюрализации с разнообразными модификациями и как перестройка отраслевой структуры хозяйства. Эти два фундаментальных экономических процесса оказывают доминирующее воздействие на социальную стратификацию общества, определяя собой глубинные и долговременные социальные сдвиги.

С началом экономической реформы на смену прежде монолитной государственной собственности, аккумулировавшей почти 100% производственного потенциала, приходит разнообразие форм. В 1996 г., по данным Госкомстата России, государственная и муниципальная собственность в промышленности уменьшилась до 23,1% от общего числа предприятий, частная собственность, в том числе акционерная, возросла до 63,4%⁹⁷.

В 1994 г. в государственном секторе было сосредоточено только 44% всех основных фондов, 56% — в негосударственном.

Преобразование форм собственности в 1991—1995 гг. существенно изменило и распределение занятого населения по секторам экономики (табл. 3, рис. 1). С 1990 по 1995 год число занятых на частных, в том числе акционерных предприятиях, выросло в 3 раза, еще больше — в 6 раз — увеличилась численность работающих на предприятиях со смешанной формой собственности. Вопреки утверждениям некоторых публицистов и политиков о зарубежной экспансии, доля совместных предприятий невелика и составляет лишь 0,6% в общей численности занятых. Доля занятых в государственном секторе уменьшилась более чем в 2 раза.

Институциональные изменения собственности вызвали перераспределение произведенного валового внутреннего продукта по секторам. В 1994 г. в негосударственном секторе экономики было произведено 62% ВВП (1993 г. — 52%), при этом удельный вес частного сектора увеличился до 25% (в 1993 г. — 21%)⁹⁸.

Сейчас в структуре предпринимательского слоя выделяют владельцев частных предприятий — 1% всех работающих, самозанятых — 1,3%, полупредпринимателей, сочетающих труд по найму с занятием бизнесом или индивидуальной деятельностью — 6,2%⁸⁷.

Вместе с тем, доход в виде заработной платы продолжает оставаться основным для подавляющей части населения России. При этом уровень заработной платы сильно дифференцирован в зависимости от сектора экономики и отрасли и слабо зависит от профессиональной квалификации и образования. Средняя заработная плата в номинальном исчислении увеличивается год от года (например, в I-м полугодии 1996 она выросла по сравнению с I-м полугодием 1995 г. в 1,85 раза⁸⁸), но в реальном выражении (с учетом индекса потребительских цен) она снижалась и в 1994, и в 1995 гг. Так, в 1995 г. снижение составило примерно 25%. Если же учесть, что фактически выплаченная зарплата была ниже начисленной, то реальное снижение еще больше⁸⁹.

Самые глубокие сдвиги в распределении доходов и социальном расслоении связаны с разгосударствлением и приватизацией предприятий, а также демонополизацией финансовой сферы и внешней торговли. Эти процессы позволили сделать легитимными доходы, сопоставимые с самыми высокими доходами в развитых странах с рыночной экономикой. По оценкам, слой сверхбогатых людей составляет около 1% населения, 3—5% — слой богатых по мировым стандартам. На фоне обеднения значительных слоев населения, формирование социальной группы сверхбогатых людей создает социально-психологическую атмосферу напряженности. Социологические исследования фиксируют пристальное внимание общества к способам получения высоких доходов, их “законности” или “криминальности”. При этом сами высокие заработки не вызывают негодования, волнует “честность” происхождения больших состояний. Для такой страны, как Россия, где десятилетиями действовал уравнилельный принцип в распределении, удивительно толерантное отношение к богатым и богатству. Хотя около 1/3 все же относятся к ним настороженно и подозрительно, примерно столько же выражают терпимость — лишь при условии “честного происхождения “денег”⁹⁰.

Одним из негативных последствий экономической реформы является падение реальных доходов значительных слоев населения. Одновременно это падение стало препятствием для проведения дальнейших преобразований, поскольку сейчас резко ослабла стимулирующая роль заработной платы, ее связь с квалификацией и профессиональной подготовкой работника. Проблема имущественной дифференциации, в том числе по уровню дохода, является сегодня наиболее

социальный лифт пошел вверх благодаря немного расширившейся базе элитного слоя в начале перестройки, когда была разрешена гласность и расширена публичность власти.

Определенное, и немалое, число представителей интеллигенции — прежде всего научных работников, деятелей культуры и искусства — выехали за рубеж, навсегда или для работы по контрактам. Изменение их личного социального статуса имеет для России далеко идущие последствия. И дело не только в том, что скудеет интеллектуальный потенциал общества, а в том, что крепнет небывалое для российской интеллигенции стремление навсегда порвать связи с “этой страной”, ассимилировать в новой среде своих детей. Происходит разрыв духовной преемственности, утрата накопленного поколениями интеллектуального багажа, снижение общего уровня культуры в обществе.

Заметные социальные трансформации происходят в интеллигенции в связи с плюрализацией форм собственности. Некоторая часть специалистов порывает с привычной средой существования и находит применение своим знаниям, работая по найму в организациях и учреждениях нового типа — совместных предприятиях, коммерческих структурах, в финансовой сфере и т.п., где рыночные отношения создают новые модели поведения и формируют отличный от прошлого менталитет. Новый социальный статус этой группы интеллигенции близок к положению интеллектуалов, профессионалов умственного труда в западных странах с рыночной экономикой. Уровень потребления, система ценностных ориентаций, круг общения и образ жизни меняются столь стремительно, что это заставляет говорить о необратимости процессов трансформации социальной роли интеллигенции в российском обществе при дальнейшем развитии реформ.

Наконец, самая значительная по массовости группа интеллигенции пока остается, как и прежде, на бюджетном обеспечении, работает на предприятиях и организациях, созданных до периода реформ и все более ощущает падение уровня жизни. Для некоторой части эти жизненные обстоятельства становятся толчком к поиску себе нового применения, смены специальности, новой социальной идентичности. На первых этапах для таких ориентаций характерно сочетание прежней деятельности и новых занятий. Затем раздвоенность или устраняется переходом полностью к новой работе, или вторичная занятость продолжает оставаться чем-то второстепенным, даже если она становится источником основной доли дохода. Определенная часть работников интеллектуального труда, как правило, старших возрастов и преимущественно женщин, уже не в состоянии изменить свои

жизненные обстоятельства, настроена крайне пессимистично и склонна к глубокой депрессии.

Особый тип составляют выходцы из интеллигенции, занявшие собственным бизнесом, ставшие предпринимателями. Как показывают исследования, вообще слой специалистов с высшим и средним специальным образованием стал основной базой для рекрутирования нового экономического класса. Именно из интеллигенции пополнилась та часть предпринимателей, чье поведение в наибольшей степени окрашено элементами “протестантской” этики и “духом капитализма”. Здесь встречаются аскетический образ жизни, служение деньгам, обороту, самому капиталу, убежденность в наличии высоких оправданий и обоснований своей деятельности⁹⁶. Хорошие перспективы для таких людей предоставили венчурный бизнес, сфера финансов, информационные технологии и т.п. Однако отраслевая узость в развитии частного сектора не позволяет пока использовать широкий спектр профессий интеллигенции для развития частного бизнеса. В силу этого происходит определенная депрофессионализация. Так, нередко биолог становится книгоиздателем, физик возглавляет торговую фирму, математик делается главой компании по продаже компьютерной техники и т.д. Рациональное использование знаний заменяется вынужденной необходимостью и игрой случая. Впрочем, в переходный период это не самые большие социальные потери.

В целом можно констатировать, что с развитием рыночных отношений российская интеллигенция утрачивает свою прошлую социальную специфику, рационализируется и постепенно превращается в своей массе в наемных работников в государственном или частном секторе экономики с соответствующей этому положению системой ценностей. Сфера собственно интеллигентского труда — наука, культура, искусство — все более сужается.

Рассмотренные наиболее общие процессы трансформации социальной структуры российского общества предопределяют маргинальное, переходное положение основных социальных групп. Большинство из них находятся на разной стадии адаптации к новым социально-экономическим условиям, подвижны в своем социальном статусе, ищут пути социальной самоидентификации. Реформы, проводимые в России, находятся в прямой зависимости от адаптационных возможностей основных социальных групп общества, и, следовательно, от темпов трансформации социальной структуры в постсоветской России.

УРОВНИ АБСОЛЮТНОЙ БЕДНОСТИ В РОССИИ. 1994 г. (оценка)

Уровень абсолютной бедности	Доля населения, в %
Пауперизм	5
Нищета	5 — 7
Нужда	10—15
Необеспеченность	30—40
Итого	50—67

Гордон Л.А. Беляева Л.А. Бедность в современном российском обществе // Социальная стратификация современного российского общества. М., 1995. С. 53.

Проведенное Госкомстатом России обследование бюджетов домашних хозяйств показало, что в 1996 г. 36,7% из них имели денежные доходы ниже прожиточного уровня, велика доля таких хозяйств в семьях с детьми, особенно в многодетных семьях⁹⁴.

Уровень оплаты труда в настоящее время практически не регламентируется государством, за исключением налогового регулирования, весьма противоречивого и неэффективного. Отмечаются большие перепады в средней зарплате (доходах) по отраслям хозяйства, по секторам экономики, по категориям занятости.

Самые высокие, но и самые нестабильные доходы имеют владельцы предприятий и бизнесмены. Самозанятые — индивидуалы и фермеры — занимают промежуточное положение, наемные работники находятся на самом низком уровне по доходам среди трех категорий.

Весьма характерно, что у подавляющего большинства работающего населения денежные поступления не покрывают потребностей в обеспечении минимального, по их собственным представлениям, уровня потребления (то есть прожиточного минимума, или социального норматива), каким его видят сами работники, а не официальная статистика. Кризисное состояние экономики отрицательно сказывается на структуре доходов населения — уменьшается доля заработной платы и, следовательно, растет необходимость увеличивать социальные трансферты, но возможности государства здесь как никогда малы.

Словом, дифференциация доходов и социальное расслоение по этому критерию происходят по разным направлениям, имеют неодинаковую степень проявления и по-новому структурируют российское общество в переходный период, внося напряженность в процесс трансформации сословной социальной структуры в структуру классовую.

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ
ПО СЕКТОРАМ ЭКОНОМИКИ . 1990—1995 гг. (%)

	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Всего занято в экономике	100	100	100	100	100	100
В том числе:						
на государственных и муниципальных предприятиях и организациях	82,6	75,5	68,9	53,4	44,7	37,6
в негосударственном секторе	12,5	13,3	18,3	28,1	33,0	37,4
в общественных организациях и фондах	0,8	0,9	0,8	0,9	0,7	0,7
на предприятиях и организациях со смешанной формой собственности	4,0	10,1	11,7	17,6	21,2	23,7
на совместных предприятиях	0,1	0,2	0,3	0,4	0,4	0,6

Российский статистический ежегодник. 1996. С. 82.

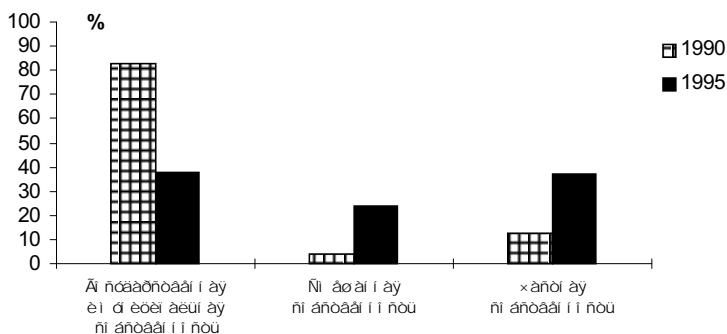

Рис. 1. Распределение занятого населения по секторам. 1990—1995 гг. (%)

Еще одним важным показателем институциональных изменений собственности служат объем капитальных вложений, ввод в действие основных фондов и объем подрядных работ в разных секторах экономики. Они свидетельствуют, что присходит увеличение объемов частной собственности и сокращение государственной, причем это уже не разовая юридическая акция, а экономический процесс аккумулялирования средств.

На фоне общего снижения инвестиционной активности прослеживается тем не менее тенденция сокращения государственного сектора и расширения частного и смешанного. В 1995 г. только 13% всех подрядных работ приходилось на государственный сектор.

Таблица 4

**ПОКАЗАТЕЛИ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ПО ФОРМАМ СОБСТВЕННОСТИ
1993—1995 гг. (%)**

	Все предприятия	В том числе по формам собственности			
		государств.	муницип.	частная	смешанная
Капитальные вложения					
1993	100	51	12	12	25
1994	100	32	8	18	42
1995	100	31	6	14	49
Ввод в действие основных фондов					
1993	100	50	10	17	23
1994	100	30	7	16	47
1995	100	30	5	14	51
Объем подрядных работ					
1993	100	28	2	28	41
1994	100	20	1	30	48
1995	100	13	1	41	43

Российский статистический ежегодник. 1996. С. 447.

Расширение негосударственного сектора экономики — резко выраженная тенденция, но проявляется она в разных отраслях неодинаково.

Во-первых, обращает на себя внимание то, что во всех отраслях активно создаются малые предприятия, которые выполняют компенсационные функции в условиях кризиса крупных и средних предприятий*. Во-вторых, отмечается высокая доля негосударственной собственности в составе малых предприятий. Здесь практически во всех отраслях, кроме сельского хозяйства, доля негосударственной собственности приближается к 100%.

Всего на малых предприятиях в 1995 г. было занято почти 9 млн. человек, из них 68% в частном секторе. Примечательно, что по сравнению с 1993 г. численность работающих в малых предприятиях выросла на 24% и составила 13% всех занятых в экономике. На малые предприятия перетекает значительная часть трудовых ресурсов со средних и крупных предприятий и организаций. Они являются более мобильными и ориентированными на конечный результат в условиях кризиса. Основная доля приватизированных путем выкупа предприятий — небольшие, с численностью работающих до 200 человек. Среди выкупленных предприятий доминируют бывшие муниципальные — 82,1%, собственность субъектов Федерации составляет 11,4%, федеральная — 6,5%. Средние и крупные предприятия, как правило, акционируются, поэтому среди акционированных предприятий бывшие ранее в федеральной собственности составляют 50,6%, в собственности субъектов Федерации — 38,6%, в муниципальной 11,4%. Около 40% акционерных обществ относится к промышленности, 17% — строительству, 11% — транспорту и связи.

В результате первого этапа приватизации (завершившегося официально 1 июля 1994 г.) было приватизировано более 15 тыс. крупных и средних предприятий, а всего форму собственности изменили около 122 тыс. предприятий (объектов)⁹⁹. Основная часть акций средних и крупных предприятий перешла в собственность трудовых коллективов и администрации. На первом этапе приватизации права трудовых коллективов были надежно защищены, а администрация была прямо заинтересована в разгосударствлении, что обеспечило безболезненное прохождение акционирования. Условия первого этапа по-

* Малыми предприятиями считаются в промышленности и строительстве — со среднесписочной численностью до 200 человек, в науке и научном обслуживании — до 50 человек, в отраслях производственной сферы, розничной торговли и общественного питания — до 15 человек.

зволили трудовым коллективам приобрести либо 20% акций предприятия с 30-ти процентной скидкой, либо 51% акций по рыночной стоимости. По второму варианту работники предприятия могли получить 25% акций без права голоса на безвозмездной основе и приобрести со скидкой в 30% еще 10% акций с правом голоса. В результате первого этапа 70% трудовых коллективов получили не менее 51% акций с правом голоса. Однако приватизация на первом этапе не создала и не могла создать эффективного собственника, обладающего возможностями стратегического инвестора, она преследовала чисто политическую цель и эта цель была достигнута — формальными собственниками стали более 40 млн. граждан — они владеют акциями предприятий или инвестиционных фондов.

С 1993 по 1995 г. контрольный пакет акций был закреплен в государственной и муниципальной собственности на 2633 предприятиях, “золотая акция”, дающая право вето, сохранялась на 1425 предприятиях¹⁰⁰.

Второй этап приватизации предполагает проведение денежных аукционов и инвестиционных торгов. На инвестиционных торгах продажа акций предприятий связана с обязательством покупателя осуществить определенный объем капиталовложений и выполнить условия, которые оговариваются в каждом конкретном случае особо. Предполагается также осуществлять процедуру банкротств с последующей продажей предприятия, если оно неплатежеспособно. На приватизационных аукционах будут реализованы пакеты акций крупнейших предприятий, где государство сохранило свою долю собственности. Для пополнения государственного бюджета предпринимается и такая процедура, как обмен государственной доли акций банкам в обмен на кредиты. Так, 38% акций “Норильского никеля” были переданы частному “Онэксимбанку” в обмен на кредит в 170,1 млн. долларов.

В разных отраслях экономики темпы приватизации неодинаковы. В промышленности доля негосударственных предприятий составила в 1995 г. 75,5%, с числом работающих 77,7% и долей в общем объеме производства 87,7%. При этом характерно, что практически во всех отраслях промышленности доля негосударственных предприятий составила в июне 1995 г. более двух третей. Самая низкая доля — в электроэнергетике (67,5), самая высокая — в черной металлургии (89,3%) (табл. 5).

В строительстве к 1996 г. приватизировано около 90% организаций, а доля объема работ, выполненных частными и смешанными организациями, составляет 80%¹⁰¹.

Таблица 5

ДОЛЯ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПО ОТРАСЛЯМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. 1995 г.*

	Количество негосударст. предприятий	Доля в общем количестве предприятий (%)	Доля в общем объеме производств (%)
Промышленность в целом	17455	75,5	87,7
в том числе:			
Электроэнергетика	222	67,5	85,6
Топливная промышленность	336	75,2	94,3
Черная металлургия	346	89,3	98,8
Цветная металлургия	246	84,9	96,0
Химия и нефтехимия	516	81,8	88,5
Производство строительных материалов	1914	80,1	78,5
Лесозаготовительная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	2213	73,9	88,0
Легкая промышленность	2012	79,5	85,0
Пищевая промышленность	4571	79,8	88,2

Обзор экономики России. 1995. III. С. 155–156.

В сельском хозяйстве сосуществуют три типа собственности. Во-первых, это колхозы и совхозы и производные от них коллективные хозяйства, во-вторых, приусадебные участки — хозяйства населения, в-третьих, крестьянские (фермерские хозяйства). В течение последних лет происходит непрерывное сокращение доли крупных хозяйств в общем объеме сельскохозяйственного производства и рост доли семейных приусадебных хозяйств при незначительном удельном весе фермерских (табл. 6).

* Не включены данные по совместным и малым предприятиям.

СТРУКТУРА ПРОДУКЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
ПО НЕКОТОРЫМ КАТЕГОРИЯМ ХОЗЯЙСТВ. 1990—1995 гг. (%)

	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Хозяйства всех категорий	100	100	100	100	100	100
в том числе:						
сельскохозяйственные предприятия	76	72	66	63	60	54
хозяйства населения	24	28	33	35	38	44
крестьянские (фермерские хозяйства)	—	—	1	2	2	2

Российский статистический ежегодник. 1996. С. 550.

Крупные предприятия остаются основными поставщиками зерна, сахарной свеклы, семян подсолнечника. Хозяйства населения произвели в 1995 г. 90% картофеля, 73,4% овощей, 48,6% мяса, 41,4% молока, располагая при этом лишь пятью процентами всех обрабатываемых земель, в то время как крупным хозяйствам принадлежало 90% площадей¹⁰².

Фермерские хозяйства не получили широкого развития в России. Их первоначальный бурный рост в 1992—1993 гг. сменился стагнацией. В 1995 г. по сравнению с 1994 г. их число возросло лишь на 9 тысяч, при этом увеличилась численность ликвидируемых хозяйств: на каждые 10 вновь создаваемых 4 прекращали свое существование. К 1995 г. число зарегистрированных крестьянских (фермерских) хозяйств составляло 279,2 тыс. со средним участком земли 43 га. Их доля в валовом объеме сельскохозяйственного производства не превышала 2%¹⁰³.

Итак, сельское хозяйство остается в силу своей консервативной природы и традиционализма населения наиболее устойчивой сферой к распространению частной собственности с наемным трудом. Сокращение крупных коллективных хозяйств сопровождается увеличением традиционных для российского села форм, основанных на личном и семейном труде, при незначительной роли фермерских хозяйств. Есть основания предполагать, что свою лепту в торможение фермерства вносят не только консервативная среда, но и криминальные элементы.

Длительное время в России почти единственным видом частной собственности являлась собственность на жилье. В 1990 г. в среднем

по стране частное жилье составляло не менее 40% жилого фонда. В сельской местности почти 70% домов были частными. Приватизация государственного жилья активно началась в 1992 г. и до 1994 г. темпы были достаточно высоки — к концу 1993 г. было приватизировано около 25% от числа подлежащих приватизации квартир. Затем темпы снизились и в результате к середине 1995 г. было приватизировано всего 34% квартир¹⁰⁴. Как видим, добровольная приватизация жилья значительно отстает от проводимой сверху приватизации предприятий. Само население действует осторожно, взвешивая все “за” и “против”. В целом же обозначилась явная тенденция расширения частного жилого фонда, которая закрепляется и при строительстве нового жилья (табл. 7).

Таблица 7

ВВОД В ДЕЙСТВИЕ ДОМОВ ПО ФОРМАМ СОБСТВЕННОСТИ

Форма собственности	Удельный вес в общем объеме ввода (%)		
	1993	1994	1995
Все формы собственности	100	100	100
в том числе:			
государственная	36	26	22
из нее:			
федеральная	28	20	17
собственность субъектов федерации	8	6	5
муниципальная	17	11	10
частная	24	30	36
смешанная российская (без иностранного участия)	23	33	32

Российский статистический ежегодник. 1996. С. 458.

Как показывает анализ приведенных статистических данных, в последние годы в России бурно шел процесс разгосударствления и приватизации собственности. Основная часть собственности производственного назначения получила статус частной, акционерной или смешанной. Частными предприятиями стали, как правило, небольшие, с числом работающих до 200 человек. Средние и крупные акци-

онируются, при этом в стратегических отраслях — энергетике, металлургии, военно-промышленном комплексе государство остается владельцем значительного пакета акций. В 1995 г. часть промышленных предприятий — 7,7% с числом занятых 18,6% и долей в общем объеме производства в 11,0% продолжает оставаться полностью государственными или муниципальными¹⁰⁵.

Современный период в экономическом развитии обуславливает существование значительной части собственности в переходном состоянии. Такова сейчас большая часть акционированных предприятий, где стимулы трудовой активности, эффективность труда, взаимоотношения руководства и рядовых работников, наконец, надежды руководителей на государственную помощь, не отличаются от существующих на государственных предприятиях. В результате первого этапа приватизации, имевшего скорее политический, чем экономический характер, произошло изменение юридического статуса предприятий. Фактическая приватизация станет возможной только с появлением стратегического инвестора, а значит, и собственника, который сможет проводить политику, находящуюся в меньшей зависимости от влияния трудового коллектива, и который не будет надеяться на бесконечную помощь госбюджета.

Мы здесь не обсуждаем проблему справедливости в перераспределении собственности, влияние криминализации экономики на процесс приватизации. Это тема другого специального анализа. Мы можем лишь констатировать, что разгосударствление и приватизация, по существу, означают рождение классовой структуры общества, где на разных полюсах социальной иерархии будут размещаться частные собственники и наемные работники. Наличие среди них лиц со смешанным статусом не ставит под сомнение классового характера отношений тех, кто обладает собственностью, правом управлять и распоряжаться ею, получать доход от своего вложенного в дело капитала и тех, кто продает свою рабочую силу, получая доход в виде платы за нее. Сейчас, в переходный период, пока размыты социальные грани собственников и наемных работников, они часто одновременно обладают этими двумя статусами. Треть собственников, по данным ВЦИОМ, являются одновременно наемными работниками на государственных предприятиях, в негосударственных акционерных обществах, колхозах и т.д.

Крупные частные собственники в производственных отраслях появятся в результате второго — денежного этапа приватизации, и особенно в связи с проведением процедуры банкротства предприятий. Вот тогда с неотвратимостью встанут проблемы взаимоотноше-

ний наемного труда и капитала, решать которые в условиях России еще предстоит научиться.

Осуществляемый в последние годы процесс приватизации, при всех издержках и перекосах, положил начало формированию частного, а в перспективе, надо надеяться, и эффективного сектора экономики. Результаты социологических исследований, проведенных Центром исследований динамики ценностей Института философии РАН при участии автора в 1990 и 1994 гг. и представленные в этой книге, дают возможность сравнить занятость и трудовую ориентацию населения по формам собственности и прогнозировать направления соответствующей мобильности уже на начальном этапе реформ (табл. 8).

Таблица 8

**РАБОТАЮЩИЕ И ЖЕЛАЮЩИЕ РАБОТАТЬ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РАЗНЫХ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ
(% ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ)**

	Основная работа		Дополнит. работа	
	1990 г.	1994 г.	1990 г.	1994 г.
1	2	3	4	5
Государственное предприятие				
— работают	51,1	47,5	1,1	2,1
— хотят работать	43,7	36,5	8,5	3,0
Предприятие, фирма в моей собственности				
— работают	—	2,1	—	1,4
— хотят работать	—	19,2	—	10,7
Предприятие, фирма, являющаяся чужой собственностью				
— работают	—	4,3	—	5,0
— хотят работать	—	5,4	—	12,3
Акционерное предприятие				
— работают	0,2	19,1	0,6	3,1
— хотят работать	7,7	13,4	3,8	5,1

1	2	3	4	5
Колхоз, совхоз				
— работают	13,3	6,1	13,3	0,7
— хотят работать	6,1	2,0	6,7	2,5
Арендное предприятие, потребительский кооператив				
— работают	3,9	1,4	2,8	1,4
— хотят работать	3,6	3,8	13,8	5,0
Бюджетная организация				
— работают	12,5	13,2	1,1	0,5
— хотят работать	8,1	8,1	3,0	2,8
Общественная организация				
— работают	1,5	0,0	0,6	1,2
— хотят работать	1,7	0,4	5,0	3,4
Крестьянское, фермерское хозяйство				
— работают	0,1	2,6	0,5	3,4
— хотят работать	4,5	3,0	4,9	4,9
Личное подсобное хозяйство				
— работают	2,8	1,1	14,4	22,8
— хотят работать	9,3	3,5	26,9	42,6
Частное кустарное, ремесленное предприятие				
— работают	0,7	0,9	3,0	3,5
— хотят работать	5,6	1,4	13,8	7,6

Прежде всего обращает на себя внимание снижение численности занятых на государственных предприятиях, и еще больше — уменьшение числа желающих здесь работать. Акционерные предприятия, на которых в 1990 г. работало 0,2% опрошенных, в 1994 г. охватывали уже 19,1%, но характерно, что в 1994 г. доля желающих здесь работать стала значительно ниже, чем фактическая занятость, тогда как в 1990 г. было наоборот. Очевидно, здесь сказывается низкая эффективность акционирован-

ных предприятий, возможная перспектива банкротств, разочарование в скором получении дивидендов. Кризис, охвативший экономику, пагубно сказывается и на бывших государственных предприятиях, ставших акционерными, но не ставших от того эффективными.

Совершенно иное положение с частными предприятиями. В 1990 г. эта форма собственности не была представлена (ее как бы не существовало), а вот в 1994 г. уже 2,1% опрошенных работали в своей собственной фирме на основной работе и 13,4% — на дополнительной работе. Наемными работниками в частном секторе были 4,3%, имели здесь дополнительную работу — 5,0. Всего в частном секторе, по данным нашего исследования, было занято 6,4% на основной и 14,4% на дополнительной работе. При ответе же на вопрос, на каком предприятии респонденты хотели бы работать, 19,2% назвали свое собственное частное предприятие как основное место работы и 10,7% — как дополнительное. В чужой фирме хотели бы работать на основной работе 5,4%, на дополнительной — 12,3%.

Одновременно со снижением фактической занятости в колхозах (в том числе, в связи с их реорганизацией в акционерные общества, товарищества и т.д.) еще более снизилось число желающих здесь работать — с 6,1 до 2% (на основной работе) и с 6,7% до 2,5% (на дополнительной работе).

Крестьянское, фермерское хозяйство стало в 1994 г. основным местом работы для 2,6%; при заметном росте числа этих хозяйств доля желающих здесь работать снизилась с 4,5 до 3,0%, но как дополнительное место работы его уже имеют 3,4%, а хотели бы иметь около 5% опрошенных. Реальные трудности развития частного производства на селе, низкотоварный характер подобных хозяйств отрезвили романтиков частного ведения сельскохозяйственного производства, так же, как и частного, кустарного и ремесленного в городе. Видимо, доля около 3% — это реально возможная занятость в ближайшее время в фермерских хозяйствах в России.

Привлекательность личного подсобного хозяйства как основного места работы также снизилась при возрастании желания работать здесь дополнительно наряду с основным видом деятельности. И это при том, что около 23% уже заняты здесь. Использование дачных, садовых участков, огородов, особенно приусадебных участков на селе для продовольственного обеспечения семьи и для продажи стало повсеместным явлением. Оно типично для большинства стран, переходящих от принудительно направляемого хозяйства к рыночному и для стран третьего мира. Эти малые семейные производства, которые английский социолог Теодор Шанин называет социальной экономикой

малых форм, становятся неотъемлемой составляющей процесса развития стран с переходной экономикой.

Если интегрировать данные, представленные в табл. 8., по наиболее крупным секторам, то увидим, что на государственных, акционерных предприятиях, в колхозах и бюджетных организациях в 1994 г. работали на основной работе 85,9% опрошенных, а хотели бы здесь работать только 60,0%, на частных же предприятиях — соответственно 12,4% и 36,3%.

Напрашивается вывод, что население России при выборе места работы отдает предпочтение частной форме собственности, и социальная мобильность будет идти в направлении от государственных и коллективных предприятий к частным. Существует убеждение: частная сфера хозяйствования привлекательна потому, что она охватывает преимущественно торговлю, посредничество и финансовую сферу, где велика доля спекулятивных операций, доходов, рождаемых высоким уровнем инфляции и инфляционными ожиданиями населения. В какой-то мере это справедливо, но нельзя не видеть, что идет развитие частного сектора и в других сферах хозяйства — в информационном обеспечении, в коммуникациях, системе образования и т.д. Например, по данным исследования, проведенного Центром социального прогнозирования и маркетинга (под руководством Ф.Э.Шереги), среди ученых и преподавателей российских вузов уже сейчас 25% работают совместителями в частных исследовательских организациях и в негосударственных вузах, а квалифицированный состав негосударственного сектора науки адекватен составу в академическом секторе.

Отмеченные тенденции к перемещению работников в негосударственный сектор показательны для современного этапа в переходной российской экономике. Они отражают произошедший в общественном сознании перелом по отношению ко всему негосударственному, частному. Несмотря на экономически неблагоприятные условия развития, этот сектор в силу своей большей гибкости, ориентации на потребности населения и общества отвоевывает экономическое пространство у государственного сектора. Все большая часть населения понимает преимущества работы в частном секторе и стремится занять здесь свои позиции — сначала, как правило, совмещая основную работу в государственном и дополнительную — в частном секторе. Затем ориентация смещается в частный сектор, на роль наемного работника, а среди наиболее предприимчивых — на роль собственника. Если не будет резких изменений в государственной политике по отношению к частному сектору, эти тенденции не только сохранятся, но и наберут большую силу.

2.3. От структурной деформации к структурной деградации. Социально-профессиональная мобильность в переходный период

Происходящие в экономике отраслевые сдвиги трактуются неоднозначно. Некоторые специалисты, особенно приближенные к власти, склонны рассматривать их как долгожданный переход к более современной структуре экономики.

На самом же деле происходит ухудшение соотношения базовых и конечных отраслей, что в условиях России означает разрушение высокотехнологичного (по российским меркам) сектора производственной сферы.

При спаде производства энергоресурсов в 1990–1993 гг. на 27%, в конечных секторах спад был обвальным — в машиностроении и металлообработке на 61%, в легкой промышленности на 74%, в пищевой на 46%. Меньший спад произошел в тех отраслях, которые смогли переориентироваться на мировой рынок — автомобилестроение — 14% и основная химия — 25%.

В результате кризиса, затронувшего прежде всего конечные отрасли, продукция добывающих отраслей сократилась за 1990–1994 гг. на 30%, тогда как обрабатывающих отраслей на 52%¹⁰⁶.

Спад производства — это наиболее наглядное свидетельство кризиса экономического развития. Более скрытое, но и более пагубное — это сокращение производственного потенциала. Так, при стабильном состоянии основных фондов ТЭК и металлургии, в конечных секторах основные фонды сократились в 1993 г. по отношению к 1990 г., по оценкам, на 6–7%¹⁰⁷.

Сдвиги, наметившиеся в 1992–1994 гг., приобрели характер деиндустриализации экономики. Происходящая структурная перестройка ведет к структурно-технологическому регрессу народного хозяйства, что соответствующим образом влияет на занятость населения, его профессиональную структуру и социальную мобильность. При росте занятости в отраслях топливно-энергетического комплекса уменьшается численность занятых в машиностроении, в легкой и пищевой промышленности. В топливной промышленности с 1990 по 1995 гг. среднегодовая численность увеличилась на 5,5%, тогда как в машиностроении и металлообработке уменьшилась на 42,2%, в легкой — на 36%. За 1990–1994 гг. численность работающих в науке уменьшилась на 42%¹⁰⁸.

В настоящее время спад производства с неизбежностью вызывает явную и скрытую безработицу. Размеры явной безработицы в мае 1996 г. составили 6,5 млн. человек или 8,9% от экономически активного населения. При этом безработным, по методике Международной организации труда, считается человек, который не работал ради получения заработной платы или увеличения прибыли в ту неделю, когда проводилось обследование, предпринимал поиски работы в последний месяц, способен к труду¹⁰⁹.

Скрытая безработица существует в форме принудительного отпуска, а также в виде режима неполной рабочей недели. Она составила к середине 1996 г. 3,9 млн. человек или 7.6% занятых. Таким образом, общую численность полностью и частично безработных можно оценить в 16,5%.

Масштабы скрытой безработицы в России — небывало высокие для других стран. Этому есть ряд причин. Первая причина — существует негласная договоренность руководителей предприятий и работников по поводу сохранения рабочих мест при условии согласия работников на низкий уровень оплаты труда и неполную занятость. Здесь действуют не только инерция патерналистских отношений, подкрепляемая теперь фактом наличия у работников акций своих предприятий, но и финансовые рычаги. Дело в том, что при увольнении работников предприятие выплачивает из своих средств высокие пособия, кроме того, предприятие очень мало выигрывает от увольнения незанятых рабочих. Их присутствие позволяет снизить средний уровень заработной платы и тем самым уменьшить взимаемый государством налог на превышение зарплаты сверх шестикратного минимального размера. Экономия по налогу зачастую превышает расходы на оплату работника, не нужного для предприятия.

Работнику в современных условиях также выгодно сохранить свое место при самой небольшой оплате или даже без оплаты. Он продолжает пользоваться социальными благами, предоставляемыми предприятием, его заработная плата, если он ее получает, выше пособия по безработице; он, как правило, может использовать заводское оборудование для индивидуальной трудовой деятельности. В рабочей среде пока силен коллективизм, и работники, занятые все рабочее время, обычно не протестуют против урезания своей зарплаты в пользу непродуктивных работников. К тому же рабочее и профсоюзное движение в России весьма слабо развито и организовано.

На современном этапе переход в категорию безработных воспринимается людьми весьма трагично в силу непривычности подобного социального положения и в силу того, что принадлежность к определен-

ному предприятию, организации составляет важный фактор социальной идентификации. Ее утрата воспринимается очень болезненно. Как показывают опросы безработных, потеря работы не только резко ухудшает материальное положение, но и ломает привычный образ жизни, содействует утрате чувства собственного достоинства, приводит к потере квалификации, снижению престижа в глазах окружающих.

Отметим, что особое беспокойство потеря квалификации вызывает у лиц с высшим образованием и молодежи. Есть основание считать, что это беспокойство обоснованно — многие предприятия конечных отраслей, где наиболее высок уровень профессиональной подготовки работников, велика доля ИТР и высококвалифицированных рабочих, находятся накануне банкротства. С введением в действие процедуры банкротств и появлением стратегического инвестора сокращение рабочих мест станет неотвратимым и, следовательно, масштабы безработицы в конечных отраслях резко возрастут. В результате этих процессов произойдет изменение профессионально-квалификационной структуры занятых.

Усугубляет ситуацию и вяло осуществляемая конверсия военно-промышленного комплекса, по существу, разваленного, а не перестроенного. Конверсией охвачено 700 предприятий военного комплекса, но было бы упрощением считать, что конверсия оборонных предприятий заключается только в переориентации их на выпуск мирной продукции. Проблема сложнее, т.к. около 80% продукции ВПК — это было наукоемкое гражданское производство, которое, как и все машиностроение, находится в глубоком кризисе. Поэтому задача состоит в том, чтобы не только перепрофилировать военное, но и восстановить на новой технологической основе гражданское производство.

В январе—сентябре 1994 г. производство продукции на конверсируемых предприятиях составило 63,6% от уровня соответствующего периода 1993 г. Вместо наращивания производства гражданской продукции на двух третях предприятий оно падало¹¹⁰. В I квартале 1996 г. объем гражданского и военного производства сократился еще на 20%¹¹¹.

В этом же направлении действуют факторы, связанные с распадом науки, изменениями в системе образования. Все эти процессы в экономике прямым образом влияют на отраслевую структуру занятого населения.

Данные, показывающие начавшиеся сдвиги в отраслевой структуре работающих, представлены в табл. 9.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ
ПО ОТРАСЛЯМ ЭКОНОМИКИ (%)

	1990 г.	1994 г.	1995 г.
Всего занято в экономике	100	100	100
в том числе:			
Промышленность	30,3	27,7	25,6
Сельское и лесное хозяйство	13,2	15,4	15,7
Строительство	12,0	9,9	9,6
Транспорт и связь	7,8	7,8	7,8
Торговля и общественное питание	7,8	9,5	9,9
Жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание	4,3	4,4	4,5
Здравоохранение, физическая культура, социальное обеспечение	5,6	6,4	6,6
Образование, культура и искусство	9,6	10,8	11,0
Наука и научное обслуживание	4,2	2,7	2,5
Кредитование, финансы и страхование	0,5	1,1	1,2
Аппарат органов управления	2,3	2,4	2,9
Другие отрасли	2,4	2,5	2,7

Российский статистический ежегодник. 1996. С. 84.

Выделим главное. Всего за пять лет с 1990 по 1995 уменьшилась доля занятых в отраслях, определяющих индустриальное развитие: в науке и научном обслуживании, промышленности и строительстве. Одновременно возросла доля занятых в сельском хозяйстве, торговле и общественном питании, кредитно-финансовой сфере, а также в здравоохранении, образовании, культуре и искусстве.

Эти изменения достаточно красноречиво показывают противоречивость процессов структурных изменений. Как позитивный можно оценить рост занятости в социальной сфере, торговле и общественном питании. Эти области всегда были в зачаточном состоянии, финансировались по остаточному принципу и не были престижными. Между тем в развитых странах в отраслях, обращенных к человеку, занято до 2/3

работающего населения. Пройдя этап НТР, эти страны вступили в эпоху постиндустриализации, которая ознаменовалась сдвигами в структуре занятых. В России же рост сферы услуг происходит на фоне других социально-экономических процессов.

Интенсивно развивается в России занятость в отраслях, обеспечивающих функционирование рынка. За короткий отрезок времени численность занятых здесь возросла более чем в два раза.

Вместе с тем нельзя однозначно оценить сокращение численности работников в промышленности. Определенная архаизация производства в период кризиса привела к тому, что часть работников оставившихся промышленных предприятий, недавно порвавших с землей, вновь вернулись к сельскохозяйственному труду, как правило, в личном, крестьянском хозяйстве. В 1990—1995 гг. доля занятых в сельском хозяйстве возросла на 2,5 %.

Кризис наиболее пагубно отразился на крупных и средних промышленных предприятиях. Некоторые авторы склонны усматривать в этом благодатную “санацию” неконкурентных производств, которая должна привести в дальнейшем к новой структуре экономики. Другие, напротив, считают, что современный кризис разрушает экономический потенциал, особенно сильно ударяя по наукоемким отраслям. Отрасли, опирающиеся на достижения микроэлектроники, информатику, телекоммуникации, использование конструкционных материалов с заданными свойствами и т.д. требовали государственной поддержки в силу своей неразвитости, слабости, невозможности выдержать мировую конкуренцию. Увы, погружение в пучину рынка означало для этих производств полный крах. Государство оставило их без поддержки, а новые коммерческие структуры не настолько сильны и дальновидны, чтобы вкладывать свои средства в то, что не может дать быстрой отдачи.

Регрессивный характер отраслевых изменений в структуре занятых обусловлен также тенденциями в области оплаты труда. В отраслях ТЭК зарплата растет более высокими темпами, чем в других сферах экономики. Если в 1990 г. уровень зарплаты работников топливной промышленности опережал среднюю зарплату по всем отраслям в 1,4 раза, то в 1995 г. — уже в 2,3 раза. В машиностроении наблюдалась обратная тенденция — в 1990 г. уровень зарплаты примерно равнялся средней по промышленности, а в 1994 г. он составлял уже менее 80% и лишь 34% от средней зарплаты в ТЭКе¹¹². Специалисты с дипломом и выпускники вузов стали одной из самых больших групп безработных в двух российских столицах, где сосредоточен значительный научно-технический потенциал (табл. 10).

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БЕЗРАБОТНЫХ ПО УРОВНЮ ОБРАЗОВАНИЯ.
1994 г. (%)

	Всего	в том числе имеющих образование			
		высшее	среднее спец.	среднее общее	неполное среднее
Российская Федерация	100	10,5	28,7	40,9	19,9
Санкт-Петербург	100	22,8	34,4	32,5	10,3
Москва	100	27,0	28,0	34,3	10,7

Российский статистический ежегодник. 1995. С. 565.

Безработица среди специалистов была бы еще больше, если бы часть из них не ушла в коммерцию, торговлю, посредничество, где практически не используется полученная квалификация. Как показывают опросы специалистов, сначала эта деятельность рассматривается как вынужденная, дополнительная работа, но потом она становится основной.

Расширение занятости в торговле, общественном питании, материально-техническом снабжении, а также в финансово-кредитном секторе на первый взгляд представляется благоприятной тенденцией появления и укрепления частного сектора и рыночных институтов. Но беда и реальность состоят в том, что частный сектор хотя и использует ресурсы государственного, остается в народнохозяйственном смысле крайне неэффективным, выполняющим преимущественно посреднические функции, не получает развития в производственных отраслях. По оценкам специалистов, производительность труда в частной торговле в 2,5–3 раза ниже, чем в старом государственном секторе. При этом используются примитивные формы организации и методы торговли, огромные торговые наценки. Этот так называемый неформальный сектор в торговле несколько смягчает последствия безработицы и низкого уровня доходов работающих, но не может рассматриваться как серьезная альтернатива занятости в производственных отраслях, науке, информационном обеспечении и т.д. Для большинства ушедших в коммерцию — это потеря квалификации и перспективы служебного роста. В результате развития неформального сектора в России процветает рыночная торговля промышленными товарами в невиданных для современных развитых стран масштабах.

Сейчас на рынках население приобретает 76% от всего объема покупаемой одежды, 64% обуви, 68% трикотажных изделий.

Противоречия переходного периода заключаются в том, что новые возможности для трудовой деятельности и профессиональной мобильности связаны не с прогрессом отраслевой структуры экономики, а скорее — с ее примитивизацией. Социальная и профессиональная мобильность осуществляется не по типу открытого общества, где вертикальные и горизонтальные перемещения обусловлены прежде всего индивидуальными качествами человека. В России они чаще всего вызываются примитивной установкой на выживаемость в условиях кризиса. Для тех, кто занят сложными видами высококвалифицированного труда, переход на работу не по специальности ведет к утрате квалификации, как правило, необратимой. Отдаленное и близкое эхо подобных перемещений для общества очевидно.

Кризис экономики и регресс производственной структуры обуславливают характер социальной мобильности населения.

Исследование социально-профессиональной мобильности населения России в 1986–1993 гг. с использованием метода логлинейного моделирования, позволяющего выявить потоки взаимообмена социально-профессиональных групп, показало, что процесс модернизации общества не сопровождается увеличением потоков социальной мобильности¹³. Социальная структура продолжает самовоспроизводиться, закрытость основных социальных групп продолжает нарастать. Это означает, что проводимые в экономике преобразования еще далеки от оптимальных рыночных. Ведь именно рыночные механизмы в развитых странах активизируют социальную мобильность населения, создают своего рода социальные лифты для инициативных, образованных, предприимчивых, повышают проницаемость социальных перегородок.

Результаты нашего исследования 1994 г. также позволяют оценить профессиональную мобильность в период реформ как весьма умеренную. Респондентам задавался вопрос: хотели бы они сменить свою профессию, кем бы они хотели работать (см. табл. 11).

Из числа опрошенных только около 1/5 хотели бы сменить свою профессию, специальность. Среди профессиональных групп больше всего желали сменить специальность руководители государственных и акционерных предприятий (42,4%)^{*}, военнослужащие (34,8%) и рабо-

* Опрос проводился в 1994 году, когда руководители предприятий еще не адаптировались к прессингу со стороны коллектива, и их доля в ответственности за предприятие не была соразмерна материальному вознаграждению и доли в акционерной собственности. С тех пор “стараниями” правительства и самих руководителей ситуация кардинально изменилась.

ОТНОШЕНИЕ РЕСПОНДЕНТОВ К СМЕНЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ, ПРОФЕССИИ
(% от числа опрошенных)

Профессиональные группы	Хотели бы Вы сменить профессию, специальность?		
	да	нет	не знаю, отказ от ответа
Рабочие	27,5	60,3	12,2
ИТР	22,4	71,3	6,7
Руководители государственных предприятий, акционерных обществ	42,4	36,4	21,2
Предприниматели (частный бизнес, коммерция, биржи и т.д.)	6,3	84,5	9,2
Бухгалтеры, работники банков, экономисты	25,8	74,2	0
Гуманитарная интеллигенция	7,0	86,9	6,1
Работники сферы быта и услуг	13,4	78,0	8,6
Работники торговли, материально-технического обслуживания	12,7	78,2	9,1
Военнослужащие	34,8	65,2	0
Руководители в сельском хозяйстве, сельская интеллигенция	10,6	78,8	10,6
Прочие работники сельского хозяйства	15,5	76,2	8,3

чие (27,5%). Самые устойчивые профессиональные группы — гуманитарная интеллигенция и предприниматели — 86,9% и 84,5% соответственно — не хотят менять свою специальность. Высока приверженность своей профессии и у работников сферы быта и услуг, работников торговли, банковских работников, бухгалтеров и экономистов — здесь более 75% хотели бы сохранить свою специальность, профессию.

Данные позволяют заключить, что в 1994 г. профессиональная структура населения обладала определенной устойчивостью, на ее состоянии пока не сказывался структурный кризис производства, он не смог убедить большинство отказаться от своей специальности и приобрести новую. Большинство все еще выжидало и надеялось.

Вместе с тем уже в 1994 г. наблюдался рост профессиональных предпочтений в тех областях, которые отвечают рыночным тенден-

циям в развитии экономики, и снижается устойчивость в старых государственных структурах. Происходит постепенное смещение предпочтений от государственных структур к частным и коммерческим организациям, в сферу финансов и бизнеса. В связи с этим характерно распределение ответов желающих сменить специальность на вопрос: “Кем бы Вы хотели работать?” Первое место заняло предпринимательство — 19,1%, второе — гуманитарные профессии (15,6%), третье — специальности бухгалтера, экономиста, работника банка (13,0%), четвертое — торговля и материально-техническое снабжение (11,7%).

Никто не хотел бы перейти в состав технической интеллигенции или руководить сельским производством, только 1,7% высказали желание руководить государственным или акционерным предприятием, 2,8% — стать профессиональными военными, 8,0% — рабочими.

Распределение мотивов, по которым респонденты хотели бы сменить специальность, профессию, представлено в табл. 12.

Таблица 12

МОТИВЫ ПЕРЕМЕНИ СПЕЦИАЛЬНОСТИ, ПРОФЕССИИ

Почему Вы хотите сменить специальность, профессию?	% от числа желающих сменить специальность
Из-за низкого заработка	55,7
Мало разнообразия и самостоятельности в работе	12,4
Вредна для здоровья	11,7
Очень утомляет	10,3
Имеет низкий престиж в обществе	5,7
Слишком велик груз ответственности	2,6
Не устраивает руководитель	0,3
Не знаю, отказ от ответа	1,3
Итого:	100

Уже в течение нескольких лет многочисленные социологические исследования фиксируют неизменную иерархию мотивов увольнения с предприятий. Характерно, что она повторяется и при смене специальности, профессии. Неудовлетворенных заработком среди опрошенных более 50%, вторая группа мотивов — неблагоприятные условия труда.

Наиболее высока потенциальная профессиональная мобильность у молодых, лиц с невысоким образованием и низкой квалификацией. Для людей среднего и тем более старшего возраста, имеющих хорошую профессиональную подготовку, не характерно желание сменить специальность, профессию. Эти группы наиболее стабильны в своем профессиональном статусе, что существенно сказывается на снижении их материального положения.

Приведенные данные фиксируют реальные сдвиги в занятиях населения в переходный период и превазирование в мотивах смены специальности материальных соображений. Производственные отрасли хозяйства, переживающие острый кризис, становятся для населения неблагоприятной сферой приложения труда; там же, где развиваются рыночные отношения и получает приоритет свободное предпринимательство, наблюдаются приток рабочей силы и конкурентная борьба за рабочие места.

Еще два-три года назад для большинства работников уход с госпредприятия был психологически неразрешимой проблемой. Сейчас же частное предприятие, особенно совместное с зарубежной фирмой, становится желанным местом работы, и оно имеет возможность набирать работников на конкурсной основе с заданными социально-демографическими и профессиональными характеристиками.

Структурная перестройка и кризис экономики, вызвавшие падение реальных доходов населения, обусловили массовое распространение вторичной занятости. Она характерна для переходного периода во многих странах. В России население также активно ищет и находит работу для получения дополнительного дохода. Государство в определенной мере стимулировало эти процессы, отменив ограничения на совместительство. Тем самым оно санкционировало поиск населением самостоятельной стратегии выживания в кризисный период, устранившись, по существу, от поддержания приемлемого уровня доходов и потребления. Для населения, вынужденного иметь вторую, а зачастую и третью работу, это означает усиление самоэксплуатации, поскольку обеспечить или повысить уровень жизни для большинства стало возможно, только работая в нескольких местах, испытывая, естественно, перенапряжение физических и интеллектуальных сил. По данным наших опросов, проведенных в 1990 и 1994 гг., вторичная занятость в этот период значительно возросла (см. табл. 13).

В 1990 г. дополнительно работали 37,4% респондентов, а в 1994 г. уже 45,0%. Причем, примерно 13% респондентов имеют сейчас более двух мест работы. Около половины имеющих дополнительную работу считают такой работой ведение личного подсобного хозяйства (в

ВТОРИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В 1990 и 1994 гг.

Тип предприятия	В процентах от числа имеющих дополнительную работу	
	1990 г.	1994 г.
Государственное предприятие	4,4	4,7
Предприятие, фирма в моей собственности	-	3,2
Предприятие, фирма, являющаяся чужой собственностью	-	11,4
Акционерное предприятие	2,4	6,9
Колхоз, совхоз	5,6	1,7
Кооператив, арендное предприятие, потребсоюз	10,8	3,1
Бюджетная организация	4,4	1,8
Общественная организация	2,4	1,2
Крестьянское, фермерское хозяйство	2,0	7,5
Личное подсобное хозяйство	56,3	50,6
Частное кустарное, ремесленное	11,7	7,9
Итого:	100	100

1990 г. несколько больше), остальные называют предприятия и организации разных форм собственности.

Наиболее распространенной является работа в чужой частной фирме — 11,4% от всех имеющих дополнительный заработок, затем следует частное кустарное, ремесленное производство (7,9%) и крестьянское, фермерское хозяйство — 7,5%.

Как видим, приоритетными для дополнительного заработка являются предприятия, не связанные с государственной или коллективной собственностью. Весьма показательно, что эта тенденция, характерная для народного хозяйства в целом, проявляется и в наиболее высокоинтеллектуальных сферах труда — науке и высшем образовании. Исследование, проведенное в центре социального прогнозирования и маркетинга (руководитель Ф.Э.Шереги), показало, что здесь около 50% работающих дополнительно заняты в негосударственном секторе. При этом наблю-

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ РАБОТА РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ
(в % относительно имеющих эту работу)

Вид работы	Отрасль научной деятельности		
	естественная	техническая	гуманитарная
Научная работа	18,7	18,3	14,0
Преподавание	23,3	11,5	47,5
Переводы, редакторская работа	5,2	2,4	9,5
Административная работа	6,0	4,3	2,7
Консалтинг, экспертиза	6,0	8,7	18,1
Другие виды, включая коммерцию	40,8	50,8	8,2

даются существенные различия в характере дополнительной работы в зависимости от научной отрасли, где работает ученый (табл. 14).

Для гуманитариев дополнительная работа более близка к основной деятельности, для 41% “естественников” и более 50% технических специалистов — это работа в других областях, как правило, не по специальности. Последствия такого технического “разоружения” народного хозяйства скажутся уже в ближайшем будущем.

Наличие дополнительной работы не по специальности может рассматриваться как первый шаг к профессиональной мобильности респондента, поскольку дополнительная работа часто дает большую часть дохода, чем основная (по данным ВЦИОМа, в среднем в 1,2–2 раза) и со временем становится основным занятием. Прежде всего это относится к респондентам, ориентированным на работу в частном секторе или имеющим свое собственное дело. Хотя надо учитывать, что значительную часть предпринимателей на второй работе сейчас составляют “копеечные капиталисты”, занятые в уличной торговле, в посредничестве и т.п. Именно этот бизнес становится переходной ступенью от наемного труда по специальности к предпринимательству. Таким образом, переходный период в экономике порождает противоречивые тенденции в структуре работающего населения. Одновременно с плюрализацией форм собственности, появлением и расширением частного и смешанного секторов и сокращением государственного происходят отраслевые сдвиги в экономике. Изменение отраслевой структуры активного населения воздействует на социальную стратификацию общества, обуславливая сокращение высококвалифицированных видов труда в науке и техниче-

ки сложных отраслях и расширяя занятость в сферах, обеспечивающих функционирование рынка и в обслуживании населения.

Социальная и профессиональная мобильность порождает сдвиги в иерархии социальных статусов в обществе, изменяя общую композицию социальной структуры.

2.4. Состоится ли средний класс в России?

В рамках исследуемой нами проблемы трансформации социальной структуры общества в переходный период особого внимания заслуживает проблема формирования среднего слоя или среднего класса в российском обществе. Во многих теоретических исследованиях и практических проектах реформирования исследователи и политики особую роль отводят среднему классу, не вдаваясь при этом в содержательный анализ этого понятия и вообще в глубь проблемы. Мало сказать, что в неразвитости, зачаточности среднего класса состоит главное препятствие на пути осуществления реформ. Мало связывать с появлением среднего класса надежды на лучшее будущее России. Более продуктивно было бы проанализировать потенциал среднего класса в России, источники его формирования, чтобы стремиться создать в стране не просто третье сословие, а полноценный третий класс. Но, как правило, образ среднего класса представляется в этих исследованиях весьма обедненным. Нельзя согласиться с тем, что средний класс — это класс предпринимателей, собственников (мелких и средних). Во всяком случае в современных развитых обществах это социальное образование более сложное, имеет свою внутреннюю структуру, исторические корни, ряд особых социально-экономических и психологических признаков.

Естественно, что существование мощного среднего класса является гарантией политической стабильности, охлаждает политиков в стремлении делать резкие повороты, заставляя выбирать умеренный курс в экономике, социальной сфере и политике. И здесь возникает целый ряд вопросов: могла ли Россия в ходе реформирования избежать крайностей политической борьбы, были ли с началом перестройки предпосылки создания среднего класса и консолидации вокруг него общества, почему, если они были, их не удалось использовать и т.д.

Конечно, Россия такая страна, где распространенные во всем мире понятия и явления не могут рассматриваться так же, как в нор-

мальном политическом и экономическом дискурсе. А значит, тем более необходимо проанализировать, *что* представляет собой современный средний класс, каковы его функции и состав, экономическая роль и идеология, в чем состоит особенность для российского общества, каковы перспективы его формирования и развития в России.

Исторически термин “средний класс” возник довольно давно. Им стали обозначать совокупность общественных групп, занимающих промежуточное положение между крайними общественными классами. Так, К.Маркс писал о среднем классе современного ему капиталистического общества как о “многочисленном классе крестьян и ремесленников, которые почти в равной мере зависят от своей собственности и от своего труда”¹¹⁴. В IV томе “Капитала” Маркс признавал, что с развитием капиталистического производства происходит “постоянное увеличение средних классов, стоящих между рабочими, с одной стороны, капиталистами и земельными собственниками, с другой”¹¹⁵. В появлении среднего класса Маркс и Энгельс увидели антиреволюционную силу, образующую буфер между крупными капиталистами и рабочим движением.

На рубеже XIX и XX веков Э.Бернштейн новым средним классом (“сословием”) назвал служащих. В книге “Проблемы социализма и задачи социал-демократии” Бернштейн, полемизируя с Марксом, писал: “Если крушение современного общества стоит в зависимости от исчезновения средних единиц ... если оно обусловлено поглощением этих средних единиц крайними верхними и нижними элементами, то в Англии, Германии, Франции оно в настоящее время так же далеко от своего осуществления, как и в любую из прежних эпох девятнадцатого столетия”¹¹⁶.

В эссе “Восстание масс” (1930 г.) Ортега-и-Гассет провидчески описывает появление среднего человека, человека-массы, занявшего место бывшего меньшинства, его психологию, его мироощущение. “В наше время у среднего человека есть все, что когда-то определяло жизнь немногочисленных слоев общества. Средний человек — это тот стержень, вокруг которого вращается история”¹¹⁷. Ортега рисует определенный психологический тип, для которого “суверенитет любого человека, суверенность человека как индивида ... превратилась из идеи и юридического идеала (которым была) в реальность, стала неотъемлемой частью психологии среднего человека”, но с присущим ему апломбом Ортега считал, что этому типу свойственны духовная ограниченность, ущербность и крайнее самодовольство.

Английский философ истории А.Тойнби утверждал, что современная западная цивилизация — это прежде всего цивилизация среднего

класса, и что западное общество стало современным лишь после того, как ему удалось создать многочисленный и компетентный средний класс.

Это утверждение весьма симптоматично в контексте того, как философ анализирует механизм превращения примитивного общества в цивилизацию и рост последствий. Его вывод заключается в том, что этот механизм целиком зависит от деятельности социального меньшинства, представленного характерным типом индивида — “сильной личности”, “медиума”, “гения”, “сверхчеловека”. Для Тойнби неоспоримым является факт, что социальное меньшинство, представленное творческими людьми, составляет “соль земли” и играет в современной цивилизации, как и в примитивных обществах роль дрожжей “в общем котле человечества”. Тем не менее уяснить до конца, “каким путем динамические личности, сумевшие разбить “кристалл обычая”, пробиваются сквозь бездну косности к победе, каким образом им удастся избежать социального поражения и сплотить вокруг себя других людей” можно лишь в том случае, когда принимается во внимание, что в цивилизованном обществе существуют встречные усилия. “Прежде всего со стороны отдельных личностей, нацеленных на новаторский путь, и наряду с этим — всех остальных, готовых воспринять эту новацию и приспособиться к ней. Цивилизованным можно назвать лишь то общество, в котором эти встречные усилия слились воедино”¹¹⁸.

Что же движет нетворческим большинством, когда оно следует вслед за пионерами? По Тойнби, существует возвышенное свойство человеческой природы — мимис — рожденное скорее коллективным опытом, нежели вдохновением. “Если в примитивном обществе мимис сориентирован на старшее поколение живущих и на образы предков, ушедших в мир иной, как на воплощение “кристалла обычая”, то в обществах растущих образцом для подражания, эталоном становится творческая личность, лидер, прокладывающий новый путь”.

Таким образом, выявляется конструктивная роль большинства, следующая новаторству творческих личностей и содействующая прогрессу общества в растущих цивилизациях. Такую роль в современных обществах западного типа выполняет средний класс.

Феномен среднего класса мог сложиться только на стадии индустриального общества и развиваться в полной мере в постиндустриальном. Лишь с массовизацией системы образования и повышением роли информации в обществе мог сформироваться современный состав среднего класса, в котором наиболее консервативная его часть — собственники, все более уступают свои позиции “новым средним” — той части среднего класса, которая работает на прогресс общества, наращивая его производственный и интеллектуальный потенциал.

Финский социолог М.Кивинен пишет: “Сегодня большая часть экономически активного населения капиталистических стран — наемные работники, а средний класс — наиболее привилегированная их группа. Ресурсы власти новых средних классов теперь связаны не с собственностью, а с профессиональными навыками и стратегиями”¹¹⁹.

Экономические, политические, социальные интересы средних слоев стали определять политику правящих партий развитых стран. Концепции среднего класса служат органической частью теории нового индустриального общества (Джон Гэлбрейт), а также более общих теорий — индустриального общества (Раймон Арон) и постиндустриального общества (Збигнев Бжезинский, Даниел Белл).

В современных исследованиях сложилось, несмотря на некоторые различия в подходах, определенное содержание понятия “средний слой” или “средний класс”. Очень незначительны различия и в определении его профессионального состава. К нему относят научных и инженерно-технических работников, управленческий, административный персонал, не занимающих высоких постов, работающих по найму интеллигенцию, городских и сельских мелких собственников, в том числе большую часть крестьянства и фермерства, рабочих высокой квалификации, работников сферы обслуживания и др. Средние слои современных западных стран — это порождение индустриального общества, в котором поточные методы производства создают стандартизованные высокотехнологические предметы потребления, обеспечивая рост уровня и качества жизни наиболее массовой и экономически активной части населения.

Критерии выделения среднего класса в социальной структуре общества сводятся к двум видам — объективным и субъективным. К первому виду относятся уровень дохода, образование, профессиональная принадлежность и т.п., второй тип включает самооценки индивидом своего общественного статуса, круга общения, образа жизни. По оценкам западных исследователей, средний класс, выделенный по этим критериям, составляет в американском обществе и в развитых европейских странах до 70% населения.

Принято различать “традиционные” или “старые” средние слои, объединяющие мелких частных собственников (сфера мелкого и среднего бизнеса, фермеры и т.д.), и “новые” средние слои, включающие лиц, владеющих интеллектуальной собственностью, развитыми навыками сложной трудовой деятельности: менеджеров, интеллигенцию, лиц свободных профессий, служащих, высококвалифицированных рабочих и т.д. Тенденции развития социальной структуры в развитых странах в последние десятилетия шли в направлении сокращения удельного веса

“традиционных” и роста “новых” средних слоев. Число людей, принадлежащих среднему слою столь значительно, что в литературе даже стал применяться термин “средняя масса”.

Среди современных исследований средних слоев интерес представляет точка зрения финского социолога М.Кивинена, который полагает, что изучение места и роли среднего класса в социальной структуре общества должно основываться на типологии автономной трудовой деятельности¹²⁰. Он выделяет семь типов автономии трудовой деятельности. “*Профессиональная автономия*” характерна для экспертов-консультантов, не выполняющих управленческих функций, которые пользуются широкими возможностями для творчества и обладают высокой степенью самостоятельности в труде. Существует главным образом в сфере культуры, науки, идеологии. “*Автономия, адекватная капиталу*” присутствует в деятельности менеджеров и предпринимателей при осуществлении ими функций контроля и управления. “*Научно-техническая автономия*” характерна для инженерно-технического персонала. Отличие от первых заключается в меньшей самостоятельности, необходимости подчинения управленческим структурам, отсутствии привилегий, которыми обладает менеджмент, и более низкими доходами. “*Автономия служб воспроизводства и попечительства*” существует в здравоохранении, образовании, специальном обеспечении. Особенность этого типа автономии состоит в том, что многие работники подвергаются давлению со стороны бюрократических организаций и поэтому степень их самостоятельности различна. “*Автономия работы в офисе*” характерна для административного персонала низшего звена и конторских работников. “*Автономия мастерства*” базируется на знании и умении, полученном непосредственно в трудовом процессе. Ею обладают мастера и высококвалифицированные рабочие как современного, так и ремесленного типа, отличающиеся тем самым от основной массы неквалифицированных рабочих. “*Автономия мелкого предпринимательства*” свойственна как владельцам небольших предприятий, так и их персоналу. Для владельцев предприятий специфическим является относительно высокий уровень самостоятельности и патерналистские черты управления, а для персонала — выполнение широкого круга производственных задач, сочетание горизонтального и вертикального разделения труда.

Выделенные типы “автономии” использованы М.Кивиненом для характеристики структуры среднего класса современного западного общества — его “ядра” и маргинальной группы. Ядро среднего класса включает в себя лиц, обладающих первыми тремя типами автоно-

мии: “профессиональной”, “адекватной капиталу”, “научно-технической”. Эти люди имеют высшее образование, являются специалистами высокого класса, работают в тех областях, где существуют условия для обогащения содержания труда и наиболее полного раскрытия творческих способностей. Подавляющее большинство специалистов работают по найму в крупных организациях, имеют хорошие возможности продвижения по службе.

“Маргинальная” группа среднего класса включает в себя работников, обладающих четырьмя последними типами “автономной трудовой деятельности”. Отличительной особенностью маргинальной группы является то, что входящие в ее состав работники занимают промежуточное положение, сочетая в себе различные черты “ядра” среднего класса и рабочего класса.

Уровень автономии трудовой деятельности отдельных групп в составе среднего класса характеризует масштаб располагаемых ими ресурсов власти, основанных на профессионализации. Социологическое понятие автономии труда тесно связано с философским понятием отчуждения. Отчуждение непосредственно влияет на автономию и наоборот. “Наемный работник, не участвующий в принятии решений относительно инвестиций, организации труда, методов работы и не контролирующей процесс своего труда, отчужден и одновременно поработан социетальными структурами. Профессионализация предполагает, что новые средние обладают специфическими ресурсами власти и имеют собственные стратегические цели”¹²¹.

Наряду с рассмотренными выше, существует марксистская и постмарксистская традиция по-прежнему относить средний класс к мелкой буржуазии города и села. В соответствии с ней в средний класс включают:

а) группы, продающие блага и услуги (торговцы и большинство представителей свободных профессий);

б) группы, обслуживающие государство (высшие и средние чиновники);

в) группы, обеспечивающие управление капиталистическим сектором (производство, распределение и обмен, средний и высокий менеджмент частного сектора)¹²².

Средний класс выполняет в обществе важнейшую функцию в осуществлении социальной мобильности населения. В условиях демократизации системы общей и профессиональной подготовки он становится социальным образованием, где сосредотачиваются выходцы из высших и низших классов общества, и переход внутри него с одного иерархического уровня на другой осуществляется достаточно

регулярно. Демократический характер этого социального образования определяется тем, что занятие в нем места зависит, в основном, от упорства и способностей самого человека.

Переживаемый Россией в настоящее время переходный период чрезвычайно важен для перспектив экономического и социально-политического развития. В его начале остро стояла проблема: какие социальные группы, ориентированные на рыночную экономику, получают приоритетное развитие. Первый вариант: крупные собственники, администраторы из бывшей номенклатуры, представители крупного теневого бизнеса, способные организовать эффективное производство. Второй вариант: массовые слои граждан, владеющие собственностью в результате проведения приватизации и разгосударствления. Надежда на то, что наибольший экономический эффект дал бы первый вариант пока не оправдались, хотя именно этот вариант реально был осуществлен. Учитывая уже имеющийся опыт, можно сказать что предпочтительнее был бы второй вариант.

Наличие в обществе среднего слоя и его значительный количественный вес стабилизирует социально-политическую обстановку, создает гарантии демократического пути развития общества. В связи с этим представляют интерес результаты, которые получил американский ученый Эдвард Н. Муллер¹²³. Он исследовал связь между неравенством в доходах и уровнем развития демократии на примере 23 стран мира, большинство из которых стали демократическими в 1945–1961 гг. Сравнительный анализ длительности существования демократии и распределения доходов позволил сделать следующий вывод. Демократические институты, существующие на протяжении относительно длительного времени, приводят к постепенному уменьшению неравенства в доходах, независимо от уровня экономического развития страны. Но если демократический режим введен в стране с ярко выраженным неравенством в распределении доходов, то это неравенство может привести к установлению авторитарного правления.

Этот порочный круг может быть разорван, если демократия устанавливается в стране со средним или относительно низким уровнем неравенства, или же способом для разрыва этого порочного круга является наличие сильной политической партии, стремящейся перераспределить доходы в первые годы существования демократии и оставшейся у власти достаточно долго, чтобы успеть существенно уменьшить неравенство в доходах населения.

Приведем еще одно мнение в пользу социальной политики поддержки среднего слоя общества. Его автор — американский экономист и

политолог Динак Гупта¹²⁴. Он считает, что при выборе стратегии перераспределения доходов в пользу наиболее обеспеченных слоев населения, среднего класса или наименее обеспеченных граждан во внимание должен приниматься суммарный экономический и политический эффект такой политики. Автор не ставит под сомнение то обстоятельство, что в конечном счете политика аккумуляции средств в руках состоятельных групп населения, если она позволяет обеспечить высокие и стабильные темпы экономического роста, дает выигрыш все членам общества. Однако Гупта считает нужным заметить, что и при таком благоприятном варианте развития нет гарантий, что те, кто остаются на обочине экономического процветания, будут терпеливо ждать, пока общее благополучие коснется их. Наибольший позитивный эффект, полагает автор, дает политика, проводимая в интересах среднего класса. В этом случае некоторое возможное снижение роста доходов далеко перекрывается тем выигрышем для экономики, который дает сохранение политической стабильности, а в длительной перспективе достигаются самые высокие темпы экономического развития.

В развитых странах мира интересы среднего класса представляют наиболее влиятельные политические силы. В связи с тем, что он занимает среднюю позицию между крайними классами, его идеология ориентирована на центризм, на интересы нации — государства. В развитых странах уже вступают в жизнь претензии среднего класса на реальную политическую власть в силу его специфических функций, связанных с производством и распределением знаний, информации, идеологии. В муниципалитетах западных стран правят по преимуществу центристы и эта локальная политическая власть средних все более расширяется¹²⁵.

Как же складывается ситуация со средним классом в современном российском обществе?

Весьма показательны, что первые упоминания о существовании среднего класса в Советском Союзе относятся ко времени перестройки, когда в обществе существовала иллюзия относительно быстрых темпов преобразования централизованной экономики в рыночную и признавалось, что часть общества — именно средние слои, являются той социальной силой, которая осуществляет эти преобразования.

В оценке количественных характеристик, структуры, социального статуса среднего класса в России существуют различные подходы. Так, Е.Стариков в качестве индикатора отнесения к среднему классу использует уровень дохода, достаточный для того, чтобы иметь благоустроенное жилище, легковой автомобиль и полный набор домашней бытовой техники¹²⁶. В России к 1989 г. людей с таким доходом и выше было, по

его мнению, 13,4% от общей численности населения, за вычетом сверхобеспеченных эта цифра была равна 13,15% населения России. По мнению А.Зайченко, к числу обеспеченных граждан — советскому эквиваленту американского “среднего класса” — можно отнести всех лиц, имеющих личные автомашины: 11,2% всех семей Советского Союза¹²⁷. По оценке Н.Наумовой, средний класс составлял 20-30% населения¹²⁸. А.Кустырев же считал, что средний класс — хребет советского общества¹²⁹. Такие различия в оценках свидетельствуют о неопределенности социальных характеристик и социального статуса среднего слоя в обществе, которое называлось социалистическим.

Еще более неопределенными становятся социальные позиции среднего класса в обществе переходного типа. Дело в том, что на фоне возникновения классов в собственном смысле слова характеристики среднего класса также находятся в стадии становления и происходит одновременно процесс формирования и структурирования среднего класса. И сейчас еще сложно проводить сопоставление среднего класса переходного российского общества со средним классом стран с развитой рыночной экономикой.

Для современного индустриального и тем более постиндустриального общества средние слои являются тем элементом социальной структуры, который тождественен отмиранию самой биполярной, дихотомичной классовой структуры.

Для нашего общества, только расстающего с тоталитарным прошлым, где официально признавались лишь три элемента социальной структуры — (два дружественных класса — рабочих и колхозников и слой интеллигенции) — весьма трудно определить характеристики нарождающегося среднего слоя. Но очевидно, что он не может выделяться только по медианному значению доходов. Методологически точнее использовать комплекс показателей: уровень благосостояния, определяющий качество жизни; возможность использовать высокотехнологичные предметы быта и услуги; уровень образования и культуры, позволяющий выполнять высококвалифицированную работу или руководить предприятием, организацией; экономический тип поведения, ориентированный на рыночную форму хозяйствования в сочетании со стремлением к самостоятельности и независимости, наращиванию капитала и инвестиционной активностью; социально-психологические установки на семейное благополучие, индивидуальное развитие и совершенствование. Политические ориентации определяются в целом демократическими принципами, законопослушностью и требованиями к государству защищать законы и права человека. И последнее в данном перечне, но не пос-

леднее по существу — престиж трудовой деятельности, престиж образа жизни, престиж круга общения.

Очевидно, что современное представление о среднем слое, сложившееся в западных обществах, позволяет говорить о среднем слое в российском обществе лишь гипотетически.

Наше общество и здесь демонстрирует свой уникальный путь, на этот раз в формировании среднего слоя. Исторически “традиционные” или “старые” средние слои за 70 лет полностью были утрачены и их практически нужно восстановить заново. “Новые” же средние слои весьма мало напоминали аналогичные слои развитых стран мира. Во-первых, они не массовые, хотя под влиянием НТП происходило повышение общего и среднего специального образования, сформировался достаточно многочисленный слой специалистов, в том числе по самым современным отраслям науки и техники, но подавляющее большинство работников по уровню доходов находилось ниже традиционных групп рабочего класса, в том числе его неквалифицированной части. В условиях нашей страны происходило неравномерное научно-техническое развитие по отраслям производства. Наиболее квалифицированные кадры специалистов и рабочих — потенциал средних слоев — сосредоточивались в науке и отраслях ВПК, которые со свертыванием бюджетного финансирования оказались на грани банкротства. Усилился отток квалифицированных кадров, в том числе и за рубеж. Наряду с внешней существует и внутренняя эмиграция, когда интеллигент уходит в другие сферы — коммерцию и т.д. Происходит реальное уменьшение в обществе интеллигенции, остающейся верной своей профессиональной подготовке.

Во-вторых, практически отсутствовали в обществе или их было мало, те представители средних слоев, которые порождены в развитых странах свободными рыночными отношениями: специалисты по маркетингу, банковскому делу, управленцы с рыночной ориентацией и т.д.

Как видим, и “старые”, и “новые” средние слои существовали в российском обществе только в потенци. Станут ли они реальным субъектом экономической и социальной жизни, зависит от направления дальнейших преобразований.

Для формирования *традиционных средних слоев* и выполнения ими своего назначения в рыночной экономике решающее значение имеет возникновение частных собственников — предпринимателей — хозяев небольших предприятий, фирм, брокерских контор, магазинов и т.д. Это совершенно новый для нашей экономики тип хозяйствующего субъекта, способный соединять, комбинировать факторы производства, новые рынки сбыта, новые методы управления.

Перспективы формирования традиционных средних слоев связаны с преобразованием по меньшей мере двух крупных социальных групп общества. Первая группа (назовем ее условно “элита”), которая может быть выделена по уровню доходов, сопоставимых с доходами среднего слоя в развитых странах, включала в себя партийно-бюрократический аппарат, руководителей отраслей, крупных предприятий, верхний слой управленческого персонала, незначительную часть ученых и технических специалистов, часть гуманитарной интеллигенции, а также тонкий слой рабочего класса, совмещающего производительный труд с выполнением партийно-административных функций. Сюда же можно отнести и определенную часть работников снабжения и торговли. Этот слой у нас составлял до 15% населения. Он был силен корпоративными связями, но достаточно слаб профессионально. К тому же закрытость многих элементов этого слоя ограничивала его мобильность и способность впитывать наиболее социально активных членов общества. “Элита” длительное время препятствовала преобразованию экономических отношений на новых, рыночных принципах, предпочитая монопольно распоряжаться своей властью и общественным продуктом, а затем она использовала свое влияние, чтобы устранить конкурентов в борьбе за собственность при переходе к рынку.

Объективные процессы в советской экономике кардинально меняли социальные ориентиры в развитии этой группы. Многие ее члены активно включились в рыночные отношения, широко используя свои связи в распадающейся командной системе, стремясь и в бизнесе занять ключевые посты.

Характерная черта мелкого и среднего бизнеса в нашей стране состоит в том, что он представляет собой порождение экономической системы нерыночного типа, несет на себе черты “черных” и “серых” экономик. Вследствие этого приоритетное развитие получают непродовольственная, торгово-посредническая и ростовщическая деятельность, ориентация на сверхприбыль не путем ускорения оборота капитала, а, наоборот, путем создания дефицита товаров, завышение цен и устранения конкурентов (зачастую силой). Стремление сохранить монополию в торговле и производстве сочетается с активным взаимодействием с властными структурами. Для него естественно отсутствие рыночной культуры, деловой этики, поправки нравственности, оскорбляющее все общество. Политический, духовный и культурный опыт народа несет в новых экономических условиях конфликтный потенциал, заключенный в столкновении ментальных и культурных характеристик с реальностью рыночной экономики в рос-

сийских условиях. Но для эффективного развития экономики, а на первых порах и для выхода из кризиса, нужно как можно скорее сформировать собственников, несущих ответственность за результаты своей деятельности, и то, что часть “элиты” может стать полноценным субъектом рынка, не должно тормозить процесс обретения собственностью хозяина. Попытки препятствовать этому результату не дают. Свобода в экономической сфере несовместима с формированием слоя собственников по политическим принципам.

Определенную сбалансированность и демократизм традиционным средним слоям может придать пополнение их из социальной группы, которую можно рассматривать как второй источник формирования среднего слоя общества — это многочисленные профессионально подготовленные работники, составляющие массовые отряды интеллигенции, квалифицированные слои рабочего класса, фермеры. Их неудовлетворенность своим социально-экономическим положением, уровнем потребления как в сравнении с “элитой” внутри страны, так и с аналогичными себе группами на Западе, явилась мощной социальной базой преобразования экономики на рыночных принципах и борьбы за демократию общества.

Первым каналом, который позволил включиться в рыночные отношения этой социальной группе, стало развитие альтернативного сектора экономики — кооперативных, совместных предприятий, фермерских хозяйств и т.д. Появившиеся здесь предприниматели составили первую волну в формируемом среднем слое. Их число могло бы быть весьма значительно, но условия, в которых протекала их деятельность (жесткая налоговая политика, противоречащие друг другу нормативные акты, непоследовательность курса правительства), враждебность населения, умело, кстати подогреваемая “элитой”, были таковы, что в этой среде появилось немало предпринимателей с криминальной ориентацией, значительная их часть коррумпированна. Подавляющее число квалифицированных и честных работников не хотело включаться в предпринимательство в таких условиях, хотя и считало, что развитие предпринимательства, свобода экономического поведения могут вывести страну из экономического кризиса. По данным нашего исследования 1990 г., 57,3% опрошенных считали, что экономика будет более здоровой, если правительство даст людям большую свободу экономического поведения.

Первая волна предпринимателей, состоящая во многом из людей авантюрного типа, подготовила тем не менее к восприятию частного предпринимательства, коммерческих банков, бирж, других рыночных институтов.

Вторая волна включала менее рискованных людей. Плацдарм уже был подготовлен. Теперь активно подключались и представители бывшей номенклатуры, люди из разрушенной системы управления, других групп и слоев общества. Все большее число людей начинает пробовать себя в малом и среднем бизнесе, хотя стартовым капиталом располагают очень немногие: только те, кто занимается торгово-посреднической деятельностью или сумел на базе государственных предприятий создать свое частное производство. Кстати, эта разновидность номенклатурной приватизации наиболее продуктивна. С поддержкой (и не без корысти) со стороны министерских структур и руководителей предприятий были созданы многочисленные малые предприятия, которые, пользуясь преимуществами нахождения в системе государственного обеспечения, дешевой рабочей силой, организовали производство продукции, реализуемой по свободным рыночным ценам. Оплата труда на подобных предприятиях значительно выше, чем на государственных, и это обеспечивает приток квалифицированных работников.

Ожидалось, что третья волна предпринимателей все больше будет включаться в сферу производства. Программа приватизации и разгосударствления в том или ином варианте создавала для этого определенные предпосылки, но сейчас уже можно констатировать, что проводимая налоговая политика, отсутствие государственной поддержки малого и среднего предпринимательства не дали этой волне набрать высоту. Хотя надо признать, что в обществе начала складываться определенная готовность к участию в рыночном хозяйстве. Бизнесмен стал нормативной фигурой общества. Массовый характер приобрела переподготовка работников для профессионального участия в частном бизнесе. Несмотря на возможные задержки в развитии частного предпринимательства процесс все же набирает инерцию.

В итоге приватизации и разгосударствления должен сложиться многочисленный слой граждан, владеющих собственностью и обладающий определенными ценностными ориентациями. Эти ориентации в области потребительского поведения соответствуют определенному стандарту жизненных благ, современных и технически оснащенных; в области производственного поведения средние слои склонны к накоплению и инвестициям с целью получения дохода. Кроме этого в своей непосредственной производственной деятельности они ценят возможность профессиональной реализации и относительной самостоятельности. В сущности, только с превращением этого слоя собственников в численно значимую часть населения, разгосударствление и приватизация будут социально и экономически эффективны.

Отсутствие четко выраженной государственной политики в развитии предпринимательства, а также криминальное влияние обусловили здесь весьма ограниченные успехи. По данным статистики, вопрос об участии государства в создании агентов рыночной экономики является дискуссионным. Так, существует мнение, выраженное, например, О. Виханским¹³⁰, что создание рынка в нашей стране должно идти собственным путем и должно быть столько капиталистов, сколько потребует рынок. Но рынок может быть монополизирован фирмами-гигантами, созданными мафиозными и номенклатурными структурами, а может быть и конкурентным со множеством мелких и средних фирм, защищенных антимонопольным законодательством.

Только внутренняя “турбулентность” экономики, определенная непредсказуемостью в динамике рыночных структур, связанная с бумом инновационного предпринимательства, может стать определенным гарантом высоких темпов экономического развития и НТП. Вместе с тем нельзя отрицать экономическую эффективность и крупной частной собственности. Сейчас она фактически легализована, в том числе в виде совместных предприятий. В рамках крупных частных предприятий складывается устойчивая долгосрочная мотивация на развитие производства, расширение инвестиций, а это создает мощный стимул для динамичного развития других форм собственности, их конкурентной активности.

Однако развитие частного сектора с исключительной ориентацией на крупные и неизбежно монополизированные предприятия едва ли оптимально для условий России. Действительно, возможно существование рынка в отсутствие среднего класса, но эта ситуация чревата тяжелыми социально-политическими последствиями. Как показывает исторический опыт (и не только латиноамериканских стран), формирование биполярной классовой структуры, когда на одном полюсе концентрируются сверхбогатые слои, на другом — полунизшие крестьяне и рабочие, а средний класс незначителен и разобщен, демократическая траектория развития страны весьма проблематична и в кризисных ситуациях ведет к установлению диктаторских режимов.

Неожиданным и весьма значительным источником пополнения средних слоев российского общества, прежде всего традиционных, стали беженцы и вынужденные переселенцы из других республик бывшего Союза. Вообще для этого контингента характерен высокий уровень специального (высшего и среднего) образования. Так, данные государственного учета по Белгородской и Липецкой областям показывают, что среди лиц старше 15 лет люди со средним и высшим

специальным образованием составляют свыше 50%. Если же взять возрастную группу от 25 до 55 лет, то по оценкам работников миграционной службы, число специалистов приближается к 80%. Как правило, эти люди имеют городские специальности, нередко работали ранее в научных учреждениях, военно-промышленном комплексе, на промышленных предприятиях. Они или были посланы в национальные республики по распределению после окончания учебных заведений, или являются детьми посланных туда ранее специалистов и окончили вузы и техникумы уже в республиках. В любом случае приезд на историческую родину заставляет их менять образ жизни, почти всегда осваивать другую сферу деятельности. Хотя почти все они бывшие жители городов, в том числе столичных, сейчас подавляющее большинство из них устраиваются в сельской местности или небольших городах. Они достаточно трезво смотрят на свои перспективы, надеются прежде всего на свои силы и минимальную поддержку государства.

Для многих сельских мест России “вливание” свежих людей, обогащенных другой культурой, деятельных, образованных, ориентированных на постоянное и комфортное обустройство на новом месте, означает нарушение рутинного существования, приобретение новых образцов поведения. Хотя здесь не исключены конфликты на базе недовольства местных тем, что мигрантам предоставляются льготы и преимущества в обустройстве жилья, тем, что они хотели бы достичь и превзойти тот уровень жизни, к которому привыкли на местах прежнего проживания, и уровень запросов у них достаточно высок. В своей производственной деятельности многие мигранты ориентированы на обустройство собственным делом, занятие фермерством, они зачастую организуются в производственные коллективы из своих товарищей по несчастью и начинают составлять заметную социальную силу в небольших поселениях. Эта демократическая составляющая традиционных средних слоев в провинции может оказаться достаточно мощной силой в реформировании общества на рыночных принципах.

Весьма драматично положение *“новых” средних слоев* в российском обществе. Потенциально социальная база для формирования этих слоев достаточно широка. Прежде всего за счет большого числа специалистов с высшим и средним образованием, занятых в народном хозяйстве: в начале 90-х годов они составляли около 28% работающих. Но большинство из них по своему социальному статусу были низведены до роли наемных работников с предельно низким уровнем доходов, зачастую ниже прожиточного минимума. Не случайно,

что именно они, по данным социологических опросов, поддерживали идеи рыночного пути развития, так как видели в переходе к рыночной экономике возможности улучшить свое материальное положение, реализовать творческий и интеллектуальный потенциал. Некоторые специалисты смогли найти себя в бизнесе, малом и среднем предпринимательстве, но большинство сохраняют приверженность своему профессиональному занятию, постоянно ощущая на себе снижение уровня жизни. За годы перестройки они были оттеснены на худшие позиции по сравнению с предпринимателями, ценность интеллектуального труда относительно понизилась, а в сравнении с уровнем жизни соответствующих групп в западных странах, она предельно пала. Наряду с другими факторами это обусловило широкую миграцию специалистов за рубеж.

Сложившаяся ситуация отражает объективный ход реформы в нашей стране. Если в Венгрии и Китае экономические реформы предшествовали процессу демократизации, то наш опыт показал, что децентрализация, ослабление роли государства может предшествовать экономическим реформам. Однако в этом случае реформа экономики проводится в неблагоприятных условиях: сужается до минимума возможность маневра, у общества очень мал запас прочности. Для отдельных групп населения, зависящих от государства то ли как работодателя, то ли как социального защитника, то ли как спонсора в учебе и т.д., “минимизация” государства оборачивается ухудшением материальных условий жизни. Именно новые средние слои, а также студенты, т.е. потенциальные средние слои, вытеснены на периферию государственных интересов. Без преувеличения можно сказать, что происходит тектонический сдвиг в профессиональной структуре общества — утрата его интеллектуального потенциала. Выше мы уже отмечали, что масштабы сокращения занятых в науке беспрецедентны. За годы, прошедшие с начала перестройки по настоящее время, число работающих в научных организациях сократилось на 30%. За этими изменениями начинается уже подрыв основ воспроизводства научного потенциала России, всей интеллектуальной сферы общества. И это не вина интеллигенции, а беда России, в которой оказались ненужными многие профессионалы. Сейчас к предыдущим волнам эмиграции интеллигенции добавилась новая волна, которую отличает стремление навсегда порвать нити, связывающие с Россией, ассимилировать в новой среде своих детей.

Как же пойдет развитие новых средних слоев дальше? Здесь трудно питать какие-либо иллюзии. Объективное положение в экономике, по-видимому, еще долго будет таково, что государство в должной

мере не сможет поддерживать те группы в составе средних слоев, которые заняты в науке, культуре, искусстве, просвещении.

Перспективы развития новых средних слоев, способных стать действительными носителями экономических функций и идеологии среднего класса, напрямую связаны с формированием частного сектора в производстве и сфере услуг. Экономисты, некоторые технические специалисты, и др. работники, обеспечивающие научно-технический прогресс в конкурентных областях хозяйства и становление рыночной экономики все более успешно включаются в новые экономические отношения, предпочитая совместные и частные предприятия. Определенные преимущества эти специалисты получили при акционировании предприятий.

Весьма благоприятными являются условия для развития отряда специалистов, занятых научно-информационным обслуживанием. В стране в доперестроечное время уже существовала неплохая база для подготовки таких работников, а школа математиков и программистов, по оценке специалистов, была на уровне, соответствующем мировому. С развитием банковского сектора в России, информационно-коммуникативных систем и т.п. специалисты соответствующего профиля получили хорошие перспективы для трудоустройства в государственных и частных предприятиях и организациях. Этот отряд специалистов, по мнению В.И.Умова имеет особое значение для становления среднего класса в России, тем более что только его деятельность может способствовать переходу России к постиндустриальному информационному обществу, а это — единственно современный путь в будущее для нашей страны¹³¹.

Государству следует создать наиболее благоприятные возможности для развития мелких и средних фирм, работающих в научно-информационной и информационно-внедренческой сферах. Вместе с тем остается нерешенной проблема сотен тысяч специалистов, занятых в отраслях ВПК, в фундаментальной и отраслевой науке. Именно здесь сосредоточен наиболее продвинутый отряд технической интеллигенции, способный решать задачи на мировом уровне. Сейчас же распадаются целые творческие коллективы, деквалифицируются специалисты, многие сотни выезжают за рубеж. Остановить этот распад можно было бы с приватизацией части предприятий ВПК, отраслевых институтов, созданием на базе крупных научных организаций небольших фирм с правом частной собственности, в том числе акционерной; нерешенность этих вопросов просто выталкивает высококвалифицированных специалистов из научных, проектных учреждений.

Здесь, на мой взгляд, заключена одна из стратегических ошибок проводимой политики разгосударствления и приватизации: осталась инертна, не включена в преобразования значительная часть наиболее высококвалифицированных групп населения, поддерживающих рынок, но оставленных на обочине проводимой реорганизации. Если бы эта проблема была решена, расширилась бы социальная база рыночных преобразований, во многих аспектах был бы сохранен научный потенциал общества.

Перемещение части специалистов из государственного сектора в частный, сопровождаемое, как правило, изменением материального положения и ослаблением зависимости от государства, является отправной точкой в формировании группы наемных работников интеллектуального труда, составляющих ядро среднего класса.

Специфическая ситуация складывается с положением интеллектуалов, занятых в культуре и искусстве. Поддержка их частным бизнесом оборачивается коммерциализацией и определенной ангажированностью деятелей культуры. В ситуации зависимости от денежного мешка или спонсоров неминуемо произойдет нивелировка творческих людей, а также усреднение и самой культуры под давлением человека-массы, как его называл Х.Ортега-и-Гассет.

Таким образом, для превращения новых средних слоев в ядро среднего класса, как в развитых странах мира, необходимо было бы расширить область разгосударствления и децентрализации, с одной стороны, увеличить финансирование фундаментальной науки и образования, расширить права владельцев интеллектуальной собственности, с другой. Иначе в переходный период к рыночной экономике произойдет, и уже реально началась депрофессионализация потенциальной базы новых средних слоев и их эмиграция. В результате формирование среднего класса происходит медленно и неоптимально, с растратой ранее накопленного в обществе потенциала.

В переходный период трудно переоценить необходимость государственного влияния на формирование среднего класса (как традиционных, так и новых его слоев) через развитие сферы мелкого и среднего предпринимательства и государственное финансирование науки, образования, культуры. В решении этих проблем смыкаются два магистральных направления в развитии общества — модернизация, структурная перестройка экономики и создание социального класса, заинтересованного в экономическом прогрессе и политической стабильности общества и обеспечивающего подобное развитие.

В современных обществах с рыночной экономикой существует принципиальная открытость среднего класса проникновению пред-

ставителей из других групп общества. Каналами его пополнения становятся образование и способность к напряженному труду, творческие задатки в широком спектре деятельности — от предпринимательства до художественного творчества. Стремление попасть в этот слой, удержаться в нем самому и найти в нем место своим детям является сильным стимулом высокоэффективной работы. Характерно, что и в России первые опыты развития альтернативного сектора экономики показали, что здесь могут проявить себя и прежде люмпенизированные группы населения, которые в условиях плановой экономики с жесткой регламентацией всех сфер деятельности не смогли реализовать себя позитивно, уходили в криминальную среду, совершали экономические, с точки зрения существовавшего тогда законодательства, и иные преступления. Развитие альтернативной экономики дало таким людям жизненный шанс. Некоторыми он был использован.

Таким образом, процесс формирования среднего слоя в России полон драматизма и трудно преодолимых негативных явлений. Движение от административной к рыночной экономике сопровождается в России колоссальными сдвигами в социальной сфере, прежде всего в его социальной структуре общества. Российская специфика в проведении модернизации, осуществлявшейся после 1917 года в условиях тоталитарного политического режима, обусловила формирование достаточно уникального социального субъекта — массовой интеллигенции — наиболее профессионально образованной и культурной части общества. Именно интеллигенция подготовила перестройку, активно в ней участвовала, с нетерпением ускоряя преобразования. И вот, когда пришли настоящие рыночные реформы, интеллигенция, которая надеялась войти в средний слой общества, оказалась в большинстве своем на обочине преобразований. Это означает, что формирование среднего слоя в России идет не самым оптимальным путем — образуется слой собственников, но утрачивается, сжимается характерное для развитых стран мира ядро среднего слоя — его интеллектуальная часть, работающая в науке и образовании, деградируют массовые группы интеллигенции. В связи с этим можно провести аналогию с положением другой составляющей среднего слоя, о которой писал М.Вебер. В начале XX века с развитием капитализма в России занятые ремеслом рабочие, для которых существовала перспектива стать “самостоятельным хозяином”, утратили эту перспективу и становятся пролетариями. “В России городское “среднее сословие”, — писал М.Вебер, — по историческим причинам было очень

слабым само по себе, к тому же капитализм теперь еще больше ослабил его”¹³².

Сейчас средний слой в нашей стране имеется только в потенции, его реальное существование и рост во многом зависят от социальной политики и создания правовых условий, которые активно способствуют созданию подлинной немонополизированной рыночной экономики и государственной поддержки работников интеллектуального труда. Формирование среднего слоя общества — это реальный путь преодоления люмпенизации населения и ослабления социальной напряженности. Этот социально-политический аспект сейчас не менее актуален, чем экономический, тем более, что они взаимосвязаны.

РАЗДЕЛ 3

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Переходное состояние российского общества от принудительно направляемого хозяйства к современному рыночному вызывает существенные сдвиги в ценностных представлениях, ориентациях и типах поведения различных групп и слоев населения. Само осуществление экономической реформы не было бы возможно, если бы не получили достаточно широкое распространение новые, не практиковавшиеся ранее типы экономического поведения, соответствующие новым реалиям, и новые ценности, соответствующие складывающимся рыночным отношениям. Несмотря на достаточно консервативную природу системы ценностей, которая определяется не только экономическими отношениями, становящимися “здесь и сейчас”, но и прошлым жизненным опытом, статусом конкретного человека, группы, слоя, традициями и обычаями, в обществе образовалась достаточно представительная референтная группа, которая является носителем и двигателем новых экономических отношений. Одновременно оформилась и группа аутсайдеров, которые не принимают рыночный вариант развития, ориентированы на прошлый опыт и ценности. Между этими крайними группами находится большинство населения, составляющее ту критическую массу, которая и решает, в конечном счете, судьбу реформ в том или ином их варианте. Поэтому наиболее актуальной в настоящее время становится включенность массового человека в реально проходящие преобразования, перспективы роста или снижения его социального статуса, адаптационные возможности, определяемые социально-демографическими, образовательными, культурными и даже психологическими особенностями.

Существенную роль в актуальной адаптации населения к реформам играют его ценности. Ценности — это обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях¹³³. Разрушения системы ценностей влечет за собой кризис — это относится и к обществу в целом, и к отдельной личности, а выход из кризиса возможен только с созданием новой системы ценностей, которая может интегрировать новые и старые ценности.

Ценности существуют и взаимодействуют в трех формах — как социальные идеалы, предметно воплощенные ценности и личностные ценности¹³⁴.

Ценности как социальные идеалы — это исходная первичная форма существования ценностей в виде представлений о совершенстве в различных сферах общественной жизни. Они укоренены в объективном укладе общественного бытия данного социума и отражают практический опыт его жизнедеятельности. Реальные ценности социума и идеалы, формируемые в виде идеологических конструкций, могут не совпадать. Последние способны успешно выполнять функцию консолидации и ориентации социальной общности лишь в том случае, если они адекватно отражают в себе мотивацию ее коллективной жизнедеятельности. Ценности в форме социальных идеалов выступают залогом и мерой сплоченности социальных общностей — от семьи до нации. Они императивно настаивают на своей реализации, воплощении в действительность.

Предметно воплощенные ценности представлены самим процессом деятельности или объективированным продуктом деятельности — производением. Совокупностью таких объективированных форм существования ценностей выступает материальная и духовная культура человека.

Наконец, личностные ценности являются логическим условием существования предметных ценностей, ведь они возникают лишь в результате целенаправленной деятельности людей, ориентированных на эти ценности. Лишь приняв форму личностной ценности, социальный идеал может найти путь к предметному воплощению.

Личностные ценности, как и ценности социальные, существуют в виде идеалов, т.е. моделей должного. Но, в отличие от социальных ценностей, они задают индивиду конечные ориентиры его деятельности, побуждают его к активности в достижении определенных целей (личных или общественных). Без существования личностных це-

лей жизнь общества не была бы возможна, т.к. она не могла бы сохранять направленность на достижение групповых целей.

Перемены в ценностях, существующих в форме общественного идеала, возможны лишь с массовидными изменениями ценностей личных. Они не осуществляются одномоментно, или в короткий отрезок времени, так как обусловлены всем складом жизни человека, укоренены в системе общественных отношений, в которые он включен.

Кризис общества, сопровождающий экономическую реформу, разразившийся вслед за крушением тоталитарной идеологии, предполагавшей наличие у всего населения единой системы ценностей, вызвал разрушение старой системы ценностей и одновременно рождение новой. Она оформляется через постепенное распространение ценностей демократического общества, имеющего в качестве материальной основы экономику, действующую на рыночных принципах. В условиях современной России этот процесс искажен и деформирован уже в силу того, что создание рынка идет не демократическим путем, а под давлением интересов бюрократии и криминальных структур. Констатация этого очевидного факта лишь свидетельство неоптимальности, с точки зрения всего общества и долгосрочных перспектив, выбранной модели реформирования экономики.

В признаниях авторов и проводников экономической реформы, начатой с шокового варианта, сейчас сквозит разочарование в способности населения усвоить и воплотить в своей практике либеральные идеи, воспользоваться той свободой, которую открыла реформа. В том, что реформа была загублена, они одновременно обвиняют “нецивилизованных бизнесменов” — недостаточно культурных и чистоплотных в своих делах, чиновничество — коррумпированное и златолюбивое, криминальное сообщество — жестокое и властолюбивое. Но при этом наибольший гнев вызывает поведение основной массы населения — неприспособленной и неумеющей оценить предоставленные ей возможности.

И здесь возникает естественный вопрос — насколько реформаторы были осведомлены об особенностях социального и профессионального состава населения, его жизненных предпочтениях, ценностных ориентациях и вообще психологии, что осмелились предложить такой вариант реформирования, который вступил в противоречие с национальной традицией и культурной средой. Иллюзия относительно того, что западный опыт может быть механически перенесен на российскую почву, порождается, видимо, в силу следования реформаторов давней концепции “экономического человека” и связанной с ней абсолютизацией стремления к прибыли и богатству как индиви-

дуального и общественного мотива. В рамках этой концепции, прежде широко распространенной на Западе, “экономический человек” представляется тотально управляемым, в его мире ценности подменены интересами и в целом легко поддаются манипулированию¹³⁵. Концепция “экономического человека” представляет собой внутренне противоречивый, стилизованный собирательный тип, соединяющий в себе альтруизм и эгоизм. Эта концепция, сформулированная А. Смитом, легла в основу буржуазной политической экономии. В ней, говоря словами о. Сергия Булгакова, человек рассматривается как животное, или как полный или пустой мешок с деньгами. Экономистов, придерживающихся подобной концепции, он причислял к “духовному мешанству”, живущему в “парикмахерской цивилизации”^{*}.

Первые годы реформ показали, что для российского менталитета не свойственно доминирование западного типа мотивации. В России в области трудовых отношений превалирует тип взаимоотношений, определяемый как патернализм. Несмотря на ужесточение связей людей в экономике, криминализацию хозяйственной среды и меркантилизацию отношений повседневного общения, по большому счету, модернизация не затронула глубинных основ российского архетипа, который определяется в сфере экономического сознания общинной психологией, большим значением духовной субстанции в отличие от американского или западно-европейского прагматически-индивидуалистского подхода. Однако уже первые годы экономической реформы и в целом модернизации общества предопределили новые тенденции изменения структуры ценностей населения. Как показал Н.И. Лапин¹³⁶, в России набирает силу процесс модернизации системы ценностей. Так, большую распространенность получили ценности современного западного общества — свобода, независимость, инициативность, при одновременном снижении таких ценностей традиционного общества как самопожертвование, следование традициям, вольность как неограниченная законом свобода. Кроме того, в массовом масштабе происходит рационализация системы ценностей — отказ от прежних идеологических мифов в пользу рациональных аргументов и утилитаризма.

Одновременно в России появились адепты авантюристического, или “манчестерского” капитализма, подчеркивающие обязательность прохождения страной первой, необходимой, но переходящей

^{*} В 1994 г. в Москве на международной конференции, посвященной С.Булгакову, в большинстве докладов подчеркивалось, что сейчас в России со всей остротой встала проблема социокультурных предпосылок рыночной экономики.

стадии капиталистического способа хозяйствования. Они освобождают субъекта хозяйствования от необходимости рационального подхода, и, главное, этической ответственности за свои действия, считая, что Россия должна пройти этап первоначального накопления капитала (разумеется, в руках избранного меньшинства) и лишь затем строить цивилизованные рыночные отношения.

На наш взгляд, преодоление экономического отставания от Запада возможно для России не на путях ломки и выжигания каленым железом (или нищетой) исторически сложившейся психологии народа (в том числе и в силу природного и географического влияния), а с использованием сформированного типа мотивации в труде — более сложного и идеологизированного, чем на Западе. Кстати, опыт Японии весьма наглядно показывает, что сохранение традиций не мешает совершить рывок в постиндустриальное общество, разумеется, если творцы реформ обладают чувством здравого смысла и уважением к населению нашей страны. По признанию многих исследователей, современное деформированное либеральное общество западного образца породило отчужденного человека, яростно добывающегося самореализации в виде безграничного осуществления своих свобод. Потеря связи гражданских прав и гражданских обязанностей приводит к растущей общественной дезинтеграции и аномии. Весьма ярко подобные процессы начали проявляться и в России.

Нашему исследовательскому коллективу предоставилась уникальная возможность проанализировать те изменения в ценностных ориентациях населения в экономической практике, которые произошли за переходный период от государственной, плановой экономики к первым рыночным преобразованиям. Благодаря двум всероссийским исследованиям, удалось зафиксировать состояние экономического сознания населения в 1990 г. — на самом излете перестройки, когда в обществе созрела готовность выйти из неопределенности, из затянувшегося кризиса с искусственно подавляемой инфляцией, пустыми магазинами, практически разрушенной мотивацией к производительному труду, и в 1994 г., когда общество уже пережило реформаторский шок без терапии и даже без анестезии и в некоторой своей части смогло адаптироваться к реформам, в некоторой — извлечь из них громадные выгоды, а в большинстве — утратить свои социальные позиции и жизненные ориентиры. Содержащийся в исследовании проблемный блок, касающийся отношений к экономической реформе, к разным формам собственности, оценки экономического положения России, предприятий, самих респондентов, их адаптации к новым экономическим реалиям и т.д. позволил рассмотреть те изме-

нения в экономическом сознании и поведении, которые произошли за четыре года преобразований.

3.1. Готово ли было российское общество к реформам?

Ситуация, сложившаяся в России в 1990 г., когда она еще была в составе СССР, отмечалась большой степенью неопределенности в отношении экономических реформ. Робкие, а скорее, безвольные шаги к рыночным отношениям в социалистической оболочке неминуемо привели к гигантской скрытой, с трудом подавляемой инфляции, обесценению труда, вымыванию товаров из открытой торговли в тень. В обществе нарастало критическое отношение к неспособному на результативные действия руководству, раздражение его пустословием и нерешительностью. Перестройка, первоначально имевшая преданных сторонников, к началу 90-х годов утратила хоть какую-то осязаемую поддержку. Только 1% участвовавших в опросе 1990 г. сказали, что перестройка идет успешно. Остальные либо отметили трудности, кризис в ее проведении, либо сказали, что она совсем остановилась или пошла вспять, а 16,1% признали, что перестройка, на их взгляд, и не начиналась.

Во всех слоях общества, без исключения, нарастало нетерпение, требование как-то определиться с направлением дальнейшего развития, ожидание решительных шагов со стороны руководства. Группы, наиболее заинтересованные в развитии рыночных отношений и уже создавшие стартовую площадку в виде латентных, так называемый теневого структур, ожидали легитимизации своего положения, но ощущали сильное противодействие со стороны управленческих структур во главе с аппаратом КПСС в центре и на местах. Массовые слои, особенно в крупных и средних городах чувствовали реальное падение уровня жизни, утрату перспектив профессиональной деятельности, обесценивание своего труда. Их надежды на реформы имели в определенной степени иллюзорный характер и связывались в основном с опорой на собственные силы, довольно высокую самооценку, зачастую не совпадающую с реальной ценностью для условий рыночной экономики и тем более для переходного периода. В целом общество было психологически готово к преобразованиям, хотя реальные шаги для большинства не казались вполне ясными, как, видимо, и для самих реформаторов. Очевидно, население не хотело жить так, как оно жило последние 70 лет, но и надеялось, что период перехода к новому экономическому порядку не будет слишком тяжелым и долгим.

Рис. 2, 3, 4, 5. Распределение ответов на вопросы: 1990 г. - “Надо ли начинать экономическую реформу, если она приведет сначала к безработице, инфляции, росту цен и лишь затем к экономическому благополучию?”; 1994 г. - “Надо ли было начинать экономическую реформу?”

Рис. 2

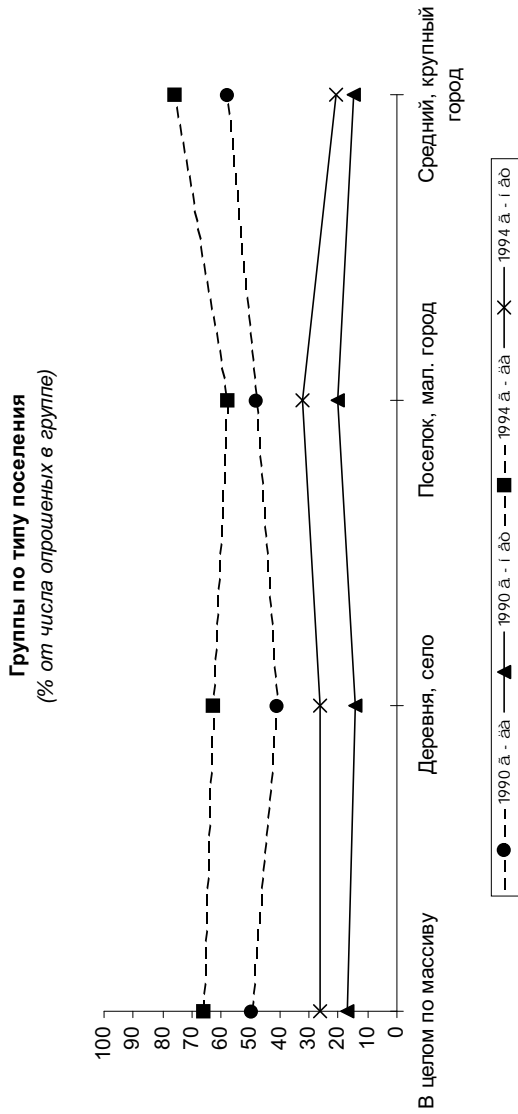

Рис. 3

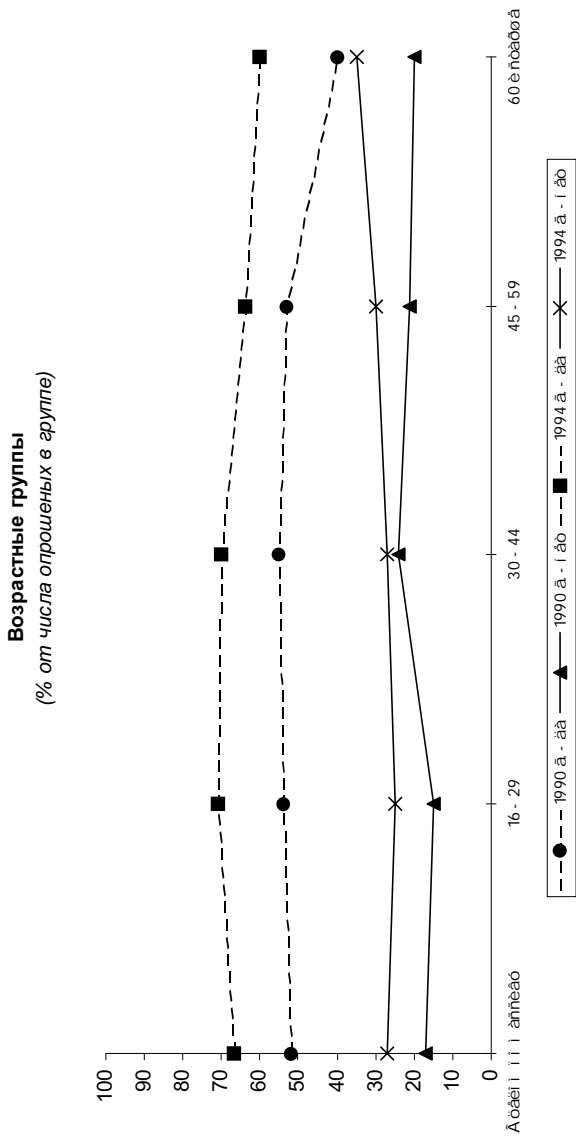

Рис. 4

Профессиональные группы
(% от числа опрошенных в группе)

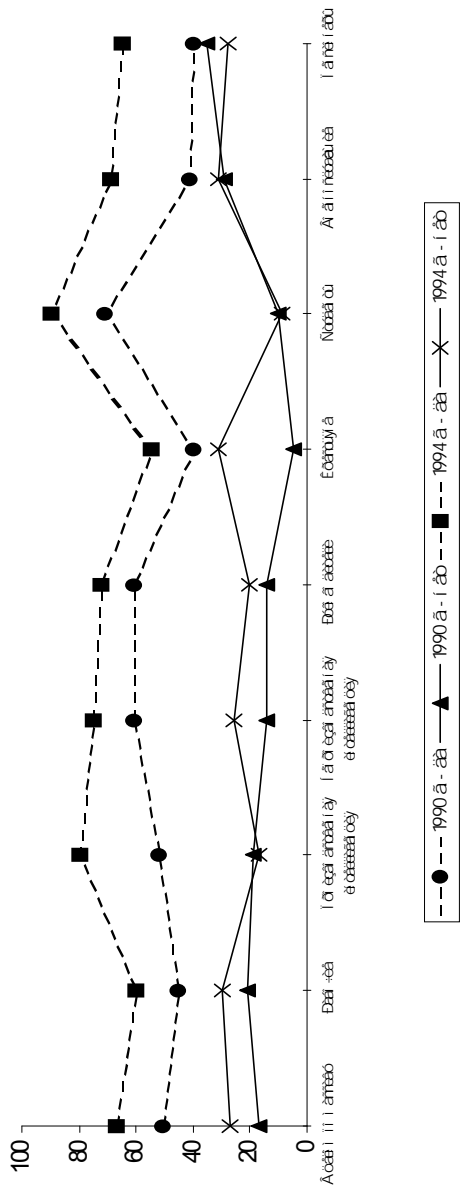
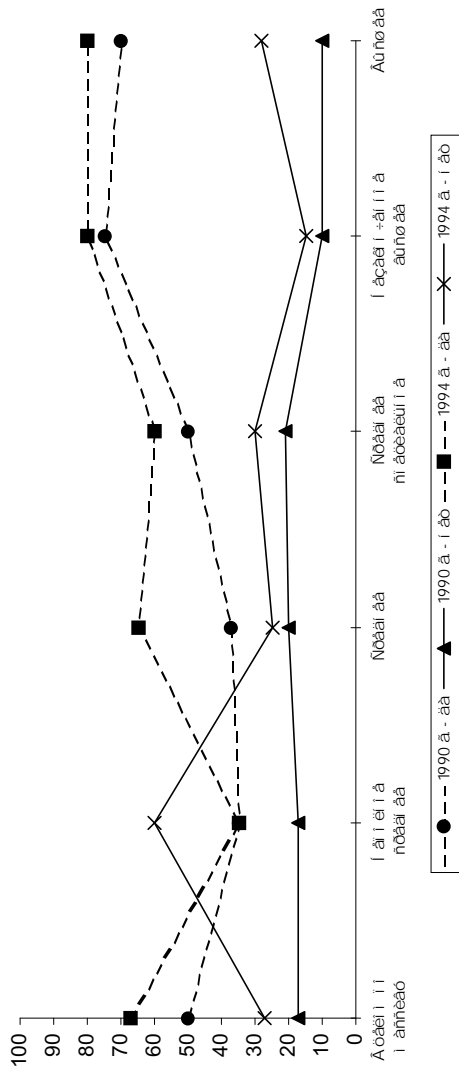

Рис. 5

Группы по уровню образования
(% от числа опрошенных в группе)

На достаточно конкретный вопрос — “надо ли начинать экономическую реформу, даже если она сначала приведет к инфляции, росту цен, безработице и лишь затем к экономическому благополучию”, более 51% опрошенных ответили утвердительно, 17% отрицательно, а остальные 28% не определили своего отношения. Анализ по социальным группам в разрезе типов поселения, уровня образования, возраста, профессии, сферы занятости (рис. 2–5) показывает, что наибольшее число сторонников экономической реформы было сосредоточено в крупных и средних городах, имело относительно высокий уровень образования, и было, в основном, молодого и среднего возраста. Наиболее радикально были настроены работники науки и высшей школы (77,3%), студенты и учащиеся (71,4%), работники аппарата управления (70,0%). Гораздо осторожнее были респонденты, занятые в промышленности (27,5%), и пенсионеры (37,8%). Среди профессиональных групп сторонники начала реформ преобладали в рядах руководителей, непромышленной и промышленной интеллигенции. Характерно, что чем меньше было в любой социальной группе ответивших “да” реформам, тем больше в ней было респондентов не имевших своего мнения по этой проблеме. Такую неосведомленность или осторожность проявляли жители сел, лица со средним (полным и неполным) образованием, крестьяне и пенсионеры, работники промышленности и сельского хозяйства. Наибольшая доля давших отрицательный ответ о необходимости начинать реформу приходилась на жителей поселков и малых городов (22,2%), лиц со средним специальным образованием (21,8%), военнослужащих (25,0%) и рабочих (23,1%).

Аналогично вышеизложенному распределились и ответы на содержательные вопросы относительно отдельных характеристик рыночной экономики, которую на практике еще никто не знал, и плановой экономики, которая была хорошо известна. В развернутых вопросах подчеркивалось, что рыночная экономика сопровождается безработицей в отличие от плановой; что цены на товары высокие и не все имеют возможность их купить, хотя товаров много в отличие от плановой экономики, постоянно испытывающей дефицит при низких потребительских ценах. И на эти вопросы большинство давших ответ — около 50% всех опрошенных, высказалось в пользу рыночной экономики. Опять активно поддерживали преобразования жители городов, лица с высоким уровнем образования, ведущие профессиональные группы и молодежь (см.: табл. 15–22).

Таблица 15

**ОТНОШЕНИЕ К РЫНОЧНОЙ И ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКЕ
В ГРУППАХ ПО ТИПУ ПОСЕЛЕНИЯ**
(“за” в % от числа опрошенных в соответствующей группе)

Тип поселения	Рыночная экономика		Плановая экономика	
	1990 г.	1994 г.	1990 г.	1994 г.
Деревня, село	41.7	40.9	20.4	46.3
Поселок, малый город	50.3	48.6	23.4	31.0
Средний и крупный город	60.1	57.3	17.4	28.0

Таблица 16

**ОТНОШЕНИЕ К СИТУАЦИИ С ДЕФИЦИТОМ ПРИ НИЗКИХ ЦЕНАХ
И К СИТУАЦИИ С ИЗОБИЛИЕМ ТОВАРОВ ПРИ ВЫСОКИХ ЦЕНАХ В ГРУППАХ ПО ТИПУ ПОСЕЛЕНИЯ**
(“за” в % от числа опрошенных в соответствующей группе)

Тип поселения	Рыночное изобилие		Плановый дефицит	
	1990 г.	1994 г.	1990 г.	1994 г.
Деревня, село	42.6	43.0	31.9	40.5
Поселок, малый город	49.1	65.6	30.7	15.3
Средний и крупный город	59.0	72.8	19.2	14.5

Таблица 17

**ОТНОШЕНИЕ К РЫНОЧНОЙ И ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКЕ
В ГРУППАХ ПО УРОВНЮ ОБРАЗОВАНИЯ**
(“за” в % от числа опрошенных в соответствующей группе)

Образование	Рыночная экономика		Плановая экономика	
	1990 г.	1994 г.	1990 г.	1994 г.
Неполное среднее	26.2	12.9	24.4	77.3
Среднее	48.5	44.9	23.8	29.7
Среднее специальное	55.3	49.7	20.1	33.7
Незаконченное высшее	65.1	55.5	14.0	25.7
Высшее	69.6	62.9	16.0	28.7

**ОТНОШЕНИЕ К СИТУАЦИИ С ДЕФИЦИТОМ ПРИ НИЗКИХ ЦЕНАХ
И К СИТУАЦИИ С ИЗОБИЛИЕМ ТОВАРОВ ПРИ ВЫСОКИХ ЦЕНАХ В РАЗЛИЧНЫХ ПО УРОВНЮ
ОБРАЗОВАНИЯ ГРУППАХ**
(“за” в % от числа опрошенных в соответствующей группе)

Образование	Рыночное изобилие		Плановый дефицит	
	1990 г.	1994 г.	1990 г.	1994 г.
Неполное среднее	32.7	19.1	37.5	3.4
Среднее	43.1	51.1	33.5	27.2
Среднее специальное	57.5	60.0	22.8	23.2
Незаконченное высшее	69.0	71.8	19.0	17.7
Высшее	67.5	81.6	15.3	7.3

Особенно высока была ориентация на переход к рыночной экономике студентов и руководящих работников. Среди первых соотношение сторонников и противников по двум вопросам составляло примерно 8:1 и 4:1, среди вторых было примерно одинаковое — 4:1.

Таким образом, к началу реформ создался достаточно весомый социальный потенциал рыночных преобразований, представленный людьми наиболее образованными, работающими в наукоемких отраслях, живущих на высокоурбанизированных территориях.

Надо сказать, что высказываясь в 1990 г. за проведение экономической реформы и переход от плановой к рыночной экономике, большинство руководствовало не только умозрительными заключениями о достижении рынка в других странах в сравнении с Советским Союзом. Существенным было и то, что конец восьмидесятых годов для большинства социальных групп ознаменовался сменой тенденции медленного, но неуклонного повышения уровня жизни на его стагнацию или даже падение в результате роста цен, дефицита товаров, в том числе продуктов питания. В 1990 г. в нашем исследовании 50,0% опрошенных отметили, что стали жить хуже по сравнению с прошлым годом, 31,4% отмечали стабильность своего положения и только 13,6% сказали, что живут лучше. Надежды на следующий год также были не слишком радужные — почти 34,0% ожидали ухудшения, 23% надеялись сохранить уровень жизни, а 13% — его поднять. Общеизвестно, что в эти годы все более широко и почти официально расцвела так называемая “теневая экономика”, по существу, представ-

лявшая собой зачаток рыночной экономики в сфере обращения товаров. Очевидно, улучшение жизни некоторой части населения было связано именно с этими обстоятельствами.

К началу радикальных рыночных перемен общественные настроения явно склонялись к необходимости их проведения и особенно в тех социальных группах, которые имели высокую самооценку, объективно лучшие позиции в квалификации и образовании. Вместе с тем, говорить в 1990 г. о существовании устойчивых больших социальных групп, которые представляли бы себе в полной мере особенности перехода России к рынку, осознавали конкретные пути обретения своего собственного места в рыночной экономике, было бы большой натяжкой.

Недаром кластерный анализ, проведенный по материалам исследования 1990 г. показал, что численность “твердых рыночников” составляет лишь 12,0% всех опрошенных¹³⁷. В этом анализе учитывался комплекс показателей, характеризующих разные аспекты отношения к экономическим реформам, и самооценка респондентом своих собственных способностей вписаться в рыночные отношения. Именно этот небольшой слой наиболее нетерпеливо ждал реформ и надеялся на свои собственные силы.

Сравнение социальных характеристик группы “твердых рыночников” со всем массивом позволило составить социальный портрет этой группы. Для нее характерен более высокий уровень общего и специального образования, довольно высокие заработки на основной работе, и, что очень показательны, в этой группе доля имеющих дополнительный заработок была в 2 раза выше, чем среди всех опрошенных. Большинство “твердых рыночников” было обнаружено на государственных и в бюджетных организациях, их доля существенно меньше в колхозах и совхозах, совсем их не было в числе работающих в общественных организациях. Практически все твердые сторонники рынка — люди молодого и среднего возраста — до 50 лет. Среди отраслей доминируют сферы материального производства, высшая школа и техникумы в лице студентов, а вот работники здравоохранения, образования, культуры были представлены в два раза реже, чем их доля среди всех опрошенных. Наконец, по принадлежности к социальным группам в составе “твердых рыночников” выделялись рабочие — их на 15% больше, чем доля рабочих среди всех опрошенных, студентов и учащихся было больше почти в 4 раза, пропорциональное число производственной интеллигенции и руководителей. Среди крестьян, непромышленной интеллигенции и пенсионеров доля “твердых рыночников” была существенно ниже.

Таким образом, многоаспектный анализ отношения к рыночным преобразованиям показал, что группа ориентирующихся на рыночную

экономику была представлена наиболее активной частью населения, для которой переход к новой системе экономических отношений был связан с надеждами улучшить свой социальный статус в обществе благодаря своим способностям, собственным усилиям и квалификации.

В исследовании, проведенном в 1990 г., специальное внимание заслужила группа лиц, имеющих неполное высшее образование. В эту группу входили в основном студенты вузов. Очевидно, что за прошедшие с первого опроса 4 года как никакой другой группе ей пришлось активно искать свое место в социальной иерархии и складывающихся весьма своеобразных рыночных отношениях в России. Не будет преувеличением сказать, что студенты конца 80-х годов составили слой людей образованных и подготовленных, по крайней мере психологически, к новым экономическим реалиям. В опросе 1990 г. обнаружилось, что из этой группы 70% ориентированы на свободную рыночную экономику, почти 80% — за большую дифференциацию доходов в зависимости от результатов труда, 84% ратовало за начало экономической реформы, почти 75% высказались за свободу в экономическом поведении.

Наконец, при всеобщем сдержанном отношении в 1990 г. к теневой экономике, которое выявил опрос, эта группа относилась к ней более благосклонно, считая, что она восполняет дефицит, который не обеспечивает государственное производство (почти 60%, против 23% по всему массиву); оценивая ее как реакцию против существовавшей административно-командной системы (почти 47% против 25,8% по всем опрошенным). Показательно было и отношение этой группы к своим знакомым в теневой экономике. Лишь 39% из этой группы не имели таких знакомых — меньше чем все остальные опрошенные (70%). Отрицательно к таким знакомым относились только 5,1%, безразлично 11,6%, положительно 17,0% (в целом по массиву 5,6%). Характерно, что 14,1% из группы с незаконченным высшим образованием считали для себя возможным участвовать в теневой экономике, в том числе в роли организаторов 10,5%. В общем же массиве численность таких людей была ничтожно мала.

Настроения нетерпения, желание скорейших реформ у части общества сопровождалось довольно благодушной оценкой экономической ситуации в стране. Видимо, здесь сказывалась инерция тех десятилетий, когда не происходило никаких резких движений в экономике, падение эффективности производства компенсировалось интенсивным экспортом сырьевых ресурсов и все шло “по плану”. В 1990 г. 11,1% опрошенных еще ожидали улучшения положения в экономике, 26,3% надеялись на стабильность, и лишь 27,7% ждали ухуд-

шения. Последняя цифра, казалось бы, довольно высокая, но сравнивая ее с аналогичными данными опроса 1994 г. (52,7%) мы поймем, что действительно произошел разительный сдвиг не только в экономике, но и в настроениях людей, в их оценке перспектив развития своей страны и своей жизни. И этот сдвиг не говорит в пользу того, как экономические реформы проводились в России. Показательно, что отвечая на вопрос “спокойны ли Вы сегодня за свое будущее”, в 1990 г. 20,8% ответили утвердительно, 56,3% отрицательно, а 20,8% уклонились от ответа. Спустя четыре года почти 85% уже сказали, что испытывают неуверенность в своем будущем, а численность спокойных за него сократилась в 2 раза.

Но об этом позже, когда мы посмотрим, что же произошло в экономическом сознании населения за эти годы, как шоковые реформы отразились на настроениях, кто смог адаптироваться к ним, кто стал сам активным субъектом преобразований, а кто явился их жертвой, внося свою непосильную плату за движение России к рынку по столь крутому маршруту.

3.2. Четыре года реформ

Второе, повторное исследование было проведено спустя не просто четыре года, а спустя, можно сказать, эпоху.

Не стало страны — образовалось новое государство со своими органами государственного устройства, обновленной элитой, лишённой рычагов командного управления экономикой и не освоившей рыночных.

Произошла либерализация экономики с отпуском цен, первыми шагами по приватизации, превратившими одних — большинство — во владельцев ваучеров, а других — меньшинство — в собственников реальных богатств, в том числе крупнейших по мировым масштабам состояний.

Введение рынка “по-русски” сделало реальностью невиданное за последние годы имущественное расслоение. Доходы более 70% населения опустились ниже дореформенного уровня, ниже социального норматива, определяемого социологами как уровень достойного существования в данной стране в данное время. Одновременно ускоренными темпами проходила концентрация доходов у небольшой группы: по официальным данным, как представляется, заниженным

вследствие латентности сверхвысоких доходов, на долю 10% самых обеспеченных в 1994 приходилось 29% общего денежного дохода, а по более реалистическим оценкам, учитывающим объем накопленного богатства, их доля составляла 35% совокупных доходов, тогда как на долю 10% самых обездоленных приходилось всего 2,7%. По признанию западных исследователей, уже сегодня разрыв в доходах в России больше, чем в США¹³⁸.

Наконец, появился новый субъект экономических отношений — предприниматель, имеющий инновационный тип экономического поведения, жизненные интересы которого прямо связаны с курсом реформ.

Таковы некоторые наиболее заметные штрихи на многоплановой картине современной российской экономической реальности. Как же отразились они на отношении россиян к реформе? Что произошло в их экономическом сознании и поведении? Что изменилось в их оценке перспектив своей собственной жизни и жизни страны?

Надо признать, что сдвиги произошла существенные (см. рис. 2–5, таблицы 15–22). Прежде всего поражает удивительная приверженность самой идее необходимости реформирования экономики. В 1994 г. 66,4% (на 15,4% больше, чем в 1990 г.) настаивают на том, что реформу надо было начинать. Число противников также увеличилось — до 26,5% (на 9,5%). Этот рост произошел за счет тех, кто в 1990 г. не имел своего мнения или уклонился от ответа (33,8%). В 1994 г. уже только 6,2% опрошенных не смогли сказать, нужно ли было начинать реформы. Важно заметить, что в 1994 г. ретроспективная оценка необходимости реформ прямо зависела от того, имел ли к этому времени респондент дополнительный доход. Тот, кто имеет такой доход, даже независимо от его размера, как правило, является сторонником реформ.

Таблица 19

ОТНОШЕНИЕ К РЫНОЧНОЙ И ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКЕ
В ВОЗРАСТНЫХ ГРУППАХ
(“за” в % от числа опрошенных в соответствующей группе)

Возраст	Рыночная экономика		Плановая экономика	
	1990 г.	1994 г.	1990 г.	1994 г.
16–29 лет	67.5	52.6	15.4	26.5
30–44 года	61.2	55.7	15.2	30.0
45–59 лет	41.4	42.0	26.2	43.4
60 лет и старше	28.8	44.5	30.8	43.6

Таблица 20

ОТНОШЕНИЕ К СИТУАЦИИ С ДЕФИЦИТОМ ПРИ НИЗКИХ ЦЕНАХ И К СИТУАЦИИ С ИЗОБИЛИЕМ
 ТОВАРОВ ПРИ ВЫСОКИХ ЦЕНАХ В ВОЗРАСТНЫХ ГРУППАХ
 (“за” в % от числа опрошенных в соответствующей группе)

Возраст	Рыночное изобилие		Плановый дефицит	
	1990 г.	1994 г.	1990 г.	1994 г.
16-29 лет	64.1	63.6	20.5	15.4
30-44 года	54.7	69.5	23.1	18.1
45-59 лет	49.3	55.6	27.5	26.9
60 лет и старше	37.0	36.5	37.0	46.4

Таблица 21

ОТНОШЕНИЕ К РЫНОЧНОЙ И ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКЕ
 В РАЗЛИЧНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ
 (“за” в % от числа опрошенных в соответствующей группе)

Профессиональная группа	Рыночная экономика		Плановая экономика	
	1990 г.	1994 г.	1990 г.	1994 г.
Учащиеся	77.4	64.8	19.0	9.7
Крестьяне	43.4	32.5	45.6	17.0
Рабочие	54.4	53.1	26.8	20.8
Производственная интеллигенция	57.6	63.6	29.0	16.5
Непроизводственная интеллигенция	61.4	47.8	45.0	18.0
Руководители	61.3	79.1	20.9	15.1
Военнослужащие	58.3	34.1	54.7	33.3
Пенсионеры	27.2	21.6	57.5	29.9

ОТНОШЕНИЕ К СИТУАЦИИ С ДЕФИЦИТОМ ПРИ НИЗКИХ ЦЕНАХ И К СИТУАЦИИ С ИЗБОБИЛИЕМ
 ТОВАРОВ ПРИ ВЫСОКИХ ЦЕНАХ В РАЗЛИЧНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ
 (“за” в % от числа опрошенных в соответствующей группе)

Профессиональная группа	Рыночное изобилие		Плановый дефицит	
	1990 г.	1994 г.	1990 г.	1994 г.
Учащиеся	71.0	79.1	16.1	5.4
Крестьяне	38.9	39.2	35.2	46.6
Рабочие	53.3	62.8	26.7	14.6
Производственная интеллигенция	63.5	77.3	23.5	12.3
Непроизводственная интеллигенция	60.2	71.9	18.0	16.7
Руководители	65.6	100	7.2	—
Военнослужащие	16.7		50.0	13.9
Пенсионеры	32.0	40.1	38.8	41.3

Как и в 1990 г. наибольшее число приверженцев реформ проживает в средних и крупных городах (75,7%), но наиболее существенный сдвиг произошел среди сельских жителей. Если в 1990 г. 43,4% из них не имели своего мнения по этому вопросу, то в 1994 г. большинство из неопределившихся перешло в стан сторонников начала реформ, увеличив его на селе до 63,1%, а меньшинство — к противникам, составив 26,8%. Еще более удивительно, что среди трудоспособных сельских жителей, занятых на производстве, рядовые труженики более активно, чем руководители высказались за начало реформ — соответственно 80,7% и 78,1%. Перевес небольшой, но весьма примечательный, тем более, что и число противников реформ было на 5,7% больше среди руководителей.

Сохраняется высокая приверженность реформам среди молодежи, у лиц с незаконченным и полным высшим образованием, приближается к 90% у работников управления, более 80% у производственной интеллигенции. И, разумеется, почти 100% предпринимателей, само появление которых только и стало возможным благодаря реформе, сказали, что она была нужна.

Как видим, в ответе на самый общий вопрос о необходимости реформы, положительное отношение к преобразованиям не только сохранилось, но и возросло. Этому способствовала открытость общества контактам с другими странами, либерализация торговли, открывшиеся для части населения возможности изменить свое материальное положение и социальный статус. В общественном сознании все более утверждалось представление об ущербности советского типа экономики, особенно в отношении удовлетворения индивидуальных потребностей человека.

В условиях нарождающегося рынка некоторая часть общества смогла не просто адаптироваться и сохранить свой уровень жизни, но и улучшить его. Сравнение данных 1990 г. и 1994 г. показывает возрастание на 7,4% группы, отметившей улучшение своей жизни по сравнению с прошлым годом, сокращение на 7,5% тех, кто стал жить хуже, выросла группа стабильных. Соответствующие данные по типам поселений, возрасту, профессиям и образованию показаны на рис. 6–9.

И в оценках перспектив жизни в следующем году настроения 1994 г. также были более оптимистические по сравнению с 1990 г., особенно за счет тех, кто уверен в стабильности своей жизни, хотя ухудшения все еще ждут 36,4% опрошенных. Эти данные по типам поселений и уровню образования представлены на рис. 10 и 11.

Стоит заметить, что полученные данные нельзя трактовать однозначно в пользу или против реформ. В их формировании сказываются адаптационные возможности российского населения: во-первых, происходит снижение ожиданий и притязаний к проводимым реформам, былая эйфория уходит в прошлое и происходит своего рода игра на понижение; во-вторых, рыночные ниши постепенно заполняются и происходит естественное для рыночных секторов повышение стоимости рабочей силы и возрастание для занятых в этих секторах уровня жизни по сравнению с бюджетными организациями и государственными предприятиями.

Динамика оценок жизни в настоящем и в будущем по социальным группам весьма различна. Отметим только, что работники аппарата управления резко отличаются по самооценке от всех других групп улучшением своей жизни, что достаточно красноречиво говорит о том, кто прежде всего выиграл от проводимых реформ (рис. 8).

В то же время часть населения, особенно слабые экономические группы — пенсионеры, инвалиды, семьи с детьми и т. д., ощущают на своем собственном опыте те несомненные потери, которые они

Рис. 6,7,8,9. Распределение ответов на вопрос “Как Вы стали жить по сравнению с прошлым годом?”

Рис. 6

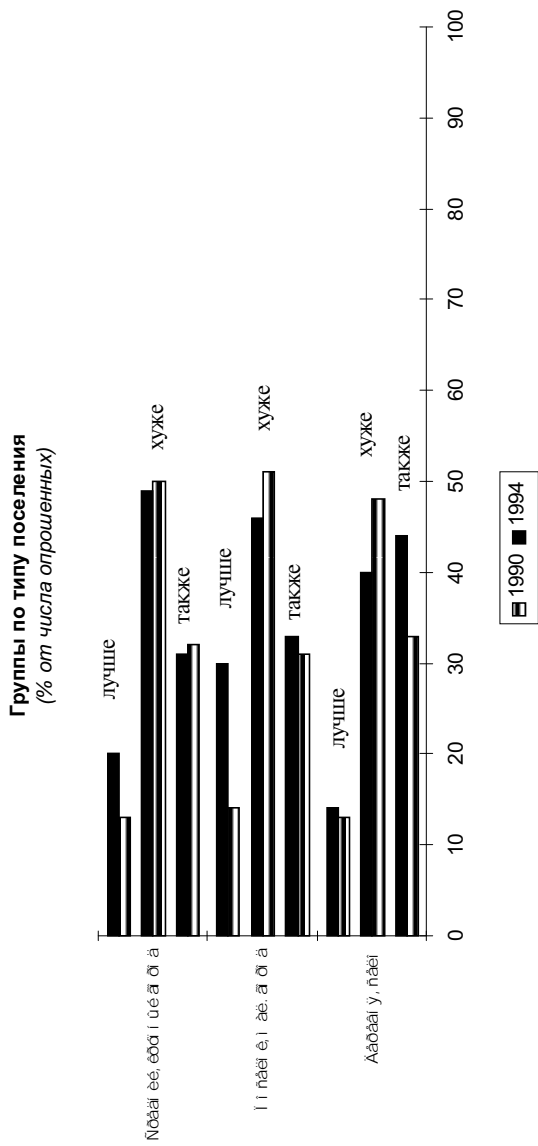

Рис. 7

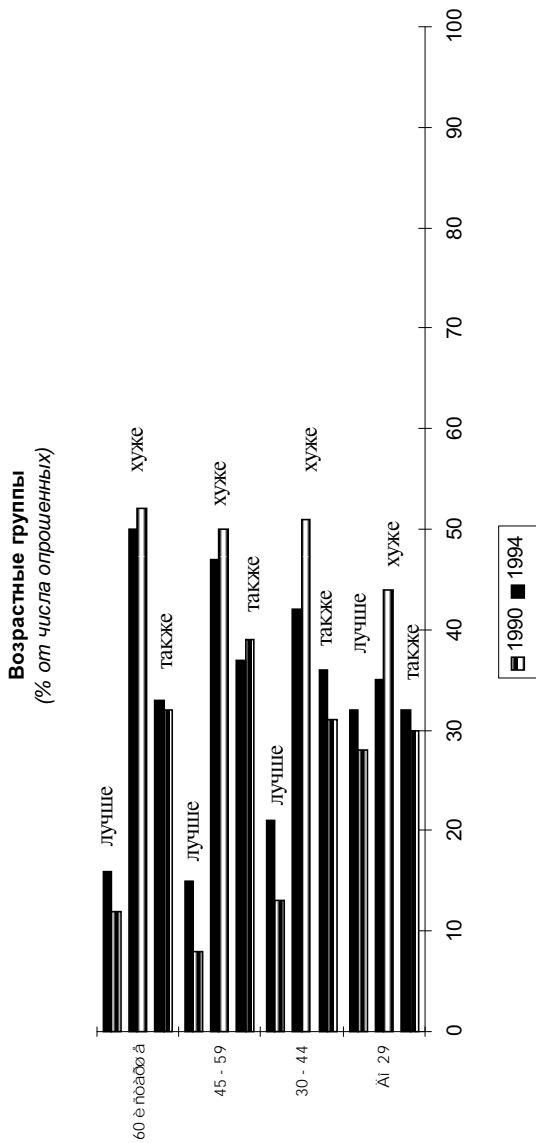

Рис. 8

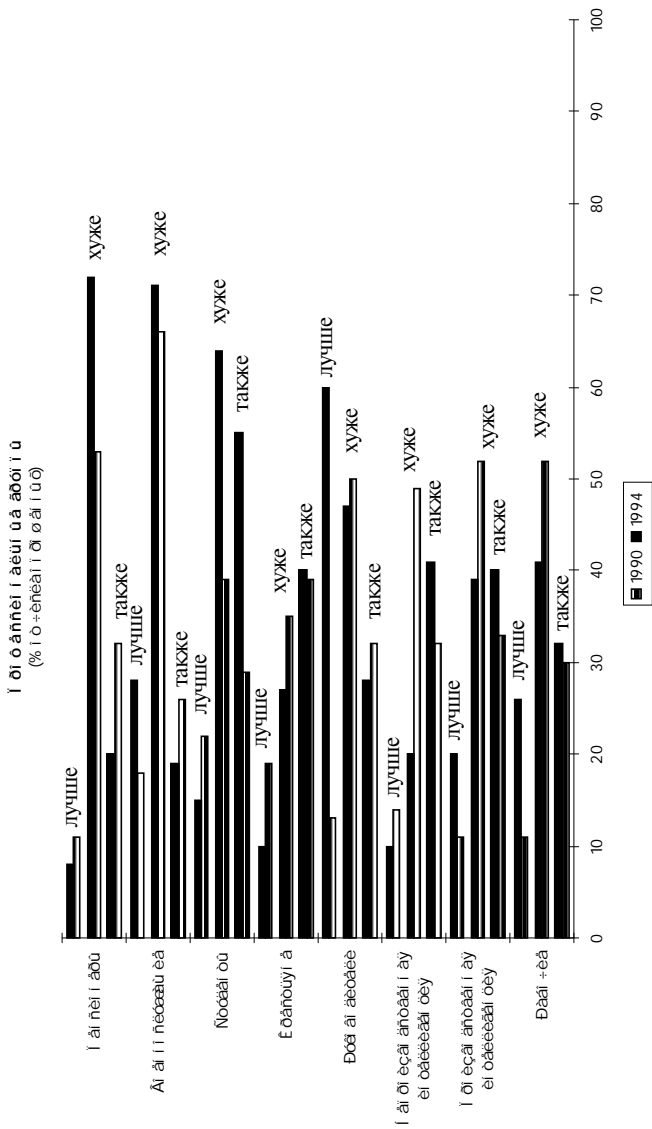

Рис. 9

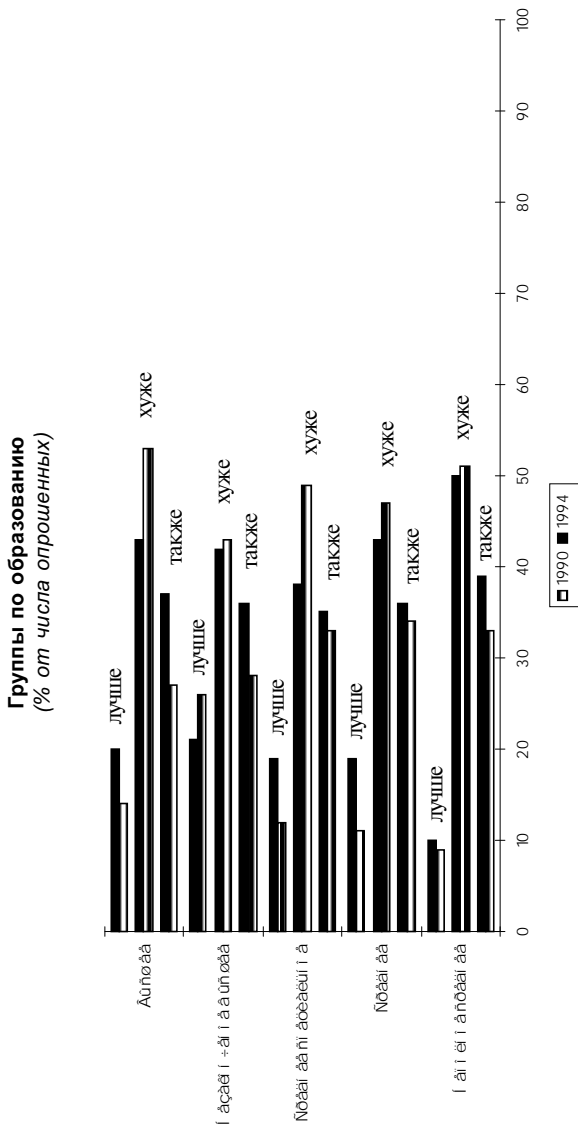
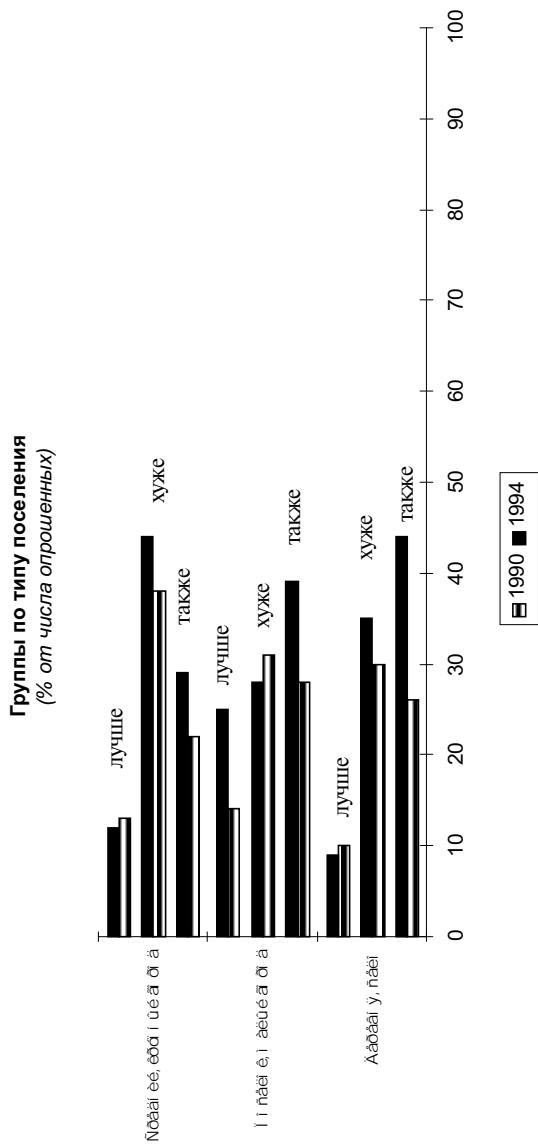

Рис. 10, 11. Распределение ответов на вопрос “Как Вы будете жить в следующем году?”

Рис. 10

понесли при переходе от плановой экономики к рыночной. За четыре года число приверженцев плановой экономики возросло на 14,3%, а рыночной сократилось на 3,3%. Наибольший рост сторонников плановой экономики среди сельских жителей — 25,9%, лиц с неполным средним образованием. Причем, во всех рассматриваемых в таблицах социальных группах — по типу поселения, по образованию, профессиям, возрасту, сферам хозяйства отмечается рост доли сторонников плановой экономики. Исключение составляют только занятые в культуре. Только здесь число сторонников плановой экономики сократилось с 20,8% до 9,6%, по всем остальным отраслям оно возросло. Эта реакция на существенные социальные потери, которые понесло население с отменой плановой экономики — гарантированный стабильный заработок, социальные льготы, пенсионное обеспечение, не обесцениваемое инфляцией, и т.д., вполне естественна. Рыночная экономика пока не дала массовым слоям того, на что они рассчитывали, приветствуя реформу. И все же количественное соотношение сторонников плановой и рыночной экономики в 1994 г. было в пользу введения рынка (1:1,45), при этом лишь среди лиц с неполным средним образованием, крестьян, в целом жителей села и в здравоохранении соотношение было в пользу плановой экономики. Во всех других социальных группах превалировали “рыночники”.

Интересно изменилась за четыре года оценка таких конкретных характеристик плановой и рыночной экономики, которые вполне реально, осязаемо уже почувствовали опрошенные. За прошедшие годы они могли сравнить в своей собственной практике ситуацию с дефицитом потребительских товаров, но по доступным большинству ценам, и новую рыночную ситуацию, когда товары в изобилии, но цены довольно высокие и не всем доступные. В этих оценках произошел самый заметный сдвиг в пользу рынка. Население воочию увидело, может быть, единственное массовое реальное преимущество рыночной экономики в наполнении прилавков и оценило это по достоинству. Больше 63% высказались за рыночную ситуацию и только 23,9% за ситуацию дефицитной экономики. За первую — значительный рост (почти 14%), за вторую — некоторое сокращение (4,1%). Просматривается прямая корреляция ответов с уровнем дохода на основной и дополнительной работе, с доходом на одного члена семьи, уровнем образования. В возрастных группах пик положительного отношения у 30—44-летних (около 70%), спад — у лиц пенсионного возраста (36,5%).

Таким образом, можно сказать, что ценности рыночной экономики, даже в тяжелый для населения переходный период, обладают притя-

гательной силой и получают поддержку наиболее продвинутых социальных групп при общем благоприятном отношении большинства населения. Вместе с тем существуют количественно весьма значительные группы сельских жителей и пенсионеров (с характерным для них низким уровнем образования и относительно низкими доходами), которая отдает большее предпочтение плановой экономике, хотя и является в целом сторонником реформ. Заметим, что по данным государственной статистики, в 1994 г. все сельские жители составляли 27% населения, а лица пенсионного возраста в городах 13,8%¹³⁹. Совокупное число селян и городских пенсионеров составляет 40,8% всего населения России. Цифра, надо сказать, весьма внушительная.

Противоречивость встревоженного сознания этих социальных групп, как и низкоквалифицированных работников в городах, является питательной средой для формирования идеологии отката назад в реформах, прихода к власти антиреформаторских сил, что должно бы поставить перед реформаторами задачу скорректировать курс реформ, сделать ее, во-первых, более социально ориентированной, а, во-вторых, более полно использовать социальный потенциал модернизации, ориентируясь на широкие слои населения, заинтересованные в демократических рыночных преобразованиях.

3.3. Фавориты и аутсайдеры модернизации

Самым впечатляющим итогом экономических и институциональных преобразований в России служит, как представляется, формирование новых поведенческих типов, ориентированных на рыночную экономику. К настоящему времени произошло глубокое размежевание общества на тех, кто вписался в новые рыночные отношения, и тех, кто не смог этого сделать в силу ряда причин.

Многоаспектный анализ этой проблемы показывает, что существует и становится все более значимым качественное различие ценностных ориентаций и типов повседневного поведения, в том числе в трудовых отношениях и в сфере досуга тех, кто включен в новую рыночную реальность, и тех, кто не смог этого сделать. Для первых в большей степени характерны рыночные ориентации в экономическом поведении, инновационный тип мышления и действий, рациональный выбор, ценности индивидуальной свободы и независимости. Уже сейчас можно эмпирически определить, какие социальные

группы и слои исповедуют новую систему жизненных ориентаций и инновационный тип поведения.

Во-первых, это предприниматели. По данным Торгово-промышленной палаты России, сейчас уже более 10% трудоспособного населения имеют свое собственное дело: предприятие, фирму, патент на предпринимательство. Разумеется, не все предпринимательское сословие обладает инновационными способностями и “рыночным” сознанием. Среди тех, кто успешно адаптировался к реформам, есть прямые наследники тоталитарной экономики, но благодаря связям с бюрократическим аппаратом, мафиозными и т.п. нерыночными структурами они успешно существуют в современной российской экономике.

Однако, нельзя не видеть, что появились и подлинные предприниматели, преодолевающие полуфеодалные механизмы хозяйствования, ориентирующиеся на использование рыночных средств в решении повседневных задач хозяйственной жизни. Сейчас они концентрируются в торговле и посредничестве, поскольку производственные структуры по целому ряду объективных причин в своем большинстве обречены на вымирание, либо ведут неравную борьбу за простое выживание, сокращая производство и персонал. Исключение составляют только предприятия, у которых есть возможность использовать дешевое сырье и эксплуатировать природные ресурсы. Управленческий персонал и владельцы подобных предприятий составили основу для формирования компрадорской российской буржуазии.

Во-вторых, это специалисты, занятые в банковской и аналогичной сферах. Этот сектор наиболее продвинулся в использовании современных рыночных технологий и концентрирует значительный кадровый потенциал с рыночной ориентацией. Однако, пока он локализован преимущественно в крупных центрах, прежде всего в Москве и Петербурге.

В-третьих, часть научно-технической и гуманитарной интеллигенции, которая благодаря открытию границ смогла влиться в мировое научное и культурное сообщество, получила свободу перемещения, заключения контрактов с зарубежными партнерами и международными научными организациями. Кризисное состояние российской экономики и напряженная социальная ситуация все более ориентируют эту часть интеллигенции на Запад как ценность и просто как лучшее место для жизни. Научная и культурная эмиграция в значительной степени зависит от характера трансформации российского общества.

Наконец, нельзя не упомянуть специфические и в силу этого малоизученные группы, которые сложились на базе теневых струк-

тур еще в недрах социалистического общества и бурно расцвели в переходный период. Легализовавшись, они не обладают способностями конкурентно действовать в открытой рыночной экономике и образуют, как правило, криминальную составляющую рыночного сектора. Их влияние неизмеримо возросло в настоящее время в силу сосредоточения у них крупного капитала и наличия тесных взаимосвязей с бюрократическим аппаратом.

Названные социальные группы составляют сложный конгломерат интересов рыночной и псевдорыночной ориентации. Еще более сложна мозаика их ценностных предпочтений, в которой причудливо сочетаются ценности централизованного сословного общества и ценности либерального рыночного.

К 1994 г., когда было проведено повторное исследование, уже стали кристаллизоваться ценностные системы и интересы этих групп — прежде всего вокруг проблем экономической реформы. С целью эмпирического изучения группы, которая в 1994 г. отдавала предпочтение рыночному типу экономики и уже имела опыт такого выбора, с помощью кластерного анализа был разработан специальный показатель. Он позволил сравнить группы респондентов с “рыночным” типом экономической ориентации и с “плановым” — так сказать, фаворитов и аутсайдеров реформ. Сравнение показало значительные социальные различия этих групп — по возрасту, уровню образования, занятиям.

Рыночную ориентацию в наибольшей степени поддерживают респонденты достаточно молодые, но уже имеющие жизненный опыт — от 30 до 44 лет (см. рис. 3, табл. 19,20). В этом зрелом возрасте 42,3% имеет рыночную ориентацию, видимо, это наиболее активные агенты рыночных отношений, уже успевшие вкусить “плодов рынка”, не столь закостеневшие в своих привычках, как более старшие возрастные группы, и уже более опытные, чем младшие. Характерно, что в этой возрастной группе соотношение ориентирующихся на плановую экономику и на рынок составило 1:7,2; тогда как в группе до 29 лет 1:4,5; от 45 до 59 лет — 1:2; 60 и старше — 1:1.

Как и в 1990 г. поддержка рыночной экономики возрастает с ростом уровня образования. Но кластерный анализ выявил, что в 1994 г. воздействие образования усилилось. Соотношение сторонников плана и рынка составило в группе с высшим образованием 1:24; с незаконченным высшим 1:9,5; со средним специальным 1:4; и с неполным средним 1:0,2. Как видим, образование является сильным диф-

ференцирующим фактором и приобретает взрывной характер при определении отношения к рынку или плану. Заметим, что активные рыночные субъекты вообще имеют, как правило, более высокое образование, чем остальные члены общества (см. рис. 5).

Завершившийся к 1994 г. начальный этап разгосударствления и приватизации собственности, а также легализация бывшей теневой экономики создали принципиально новую ситуацию в хозяйственной жизни страны. Первые частные предприятия, действовавшие в жестких переходных условиях, создали, тем не менее, новую трудовую мотивацию у работников — они стали больше работать, но и больше зарабатывать. Благодаря этому “рыночный” тип экономической ориентации в частном секторе существенно выше, чем в других секторах. В числе опрошенных, работающих на собственной или чужой частной фирме, никто не хотел возврата плановой экономики, наоборот, соответственно, 74,9% и 67,4% ориентировались только на рыночную. На прочих предприятиях — государственных, акционерных, в бюджетных организациях и тем более в колхозах рыночный тип ориентации значительно меньше.

Процент ориентированных на рынок значительно возрастает при наличии у опрошенных дополнительного заработка. На эту ориентацию практически не влияет место работы и уровень дохода респондента. Весомым аргументом в пользу рыночной ориентации служит прежде всего то, что есть возможность работать дополнительно, и что эту возможность респондент уже использовал. Исключение составляют только занятые индивидуальным дополнительным трудом — видимо, в силу эпизодичности их заработков.

Таким образом, результаты кластерного анализа позволяют заключить, что в России сформировалась референтная группа населения, имеющая рыночную ориентацию и уже освоившая на практике действие рыночных механизмов, хотя и в специфических, деформированных условиях. Для большинства социальных групп, за исключением лиц старше 60 лет и лиц, имеющих неполное среднее образование, рыночный тип экономической ориентации преобладает над ориентацией на плановую экономику. Хотя весьма значительна и часть населения со смешанной или не выявленной ориентацией.

То обстоятельство, что за четыре года у части общества уже сложилась твердая ориентация на рыночный путь развития и имеется опыт существования в рыночной среде, воздействует на соотношение патерналистских и самодетельных настроений в обществе. И в

1990, и в 1994 г. в 3,5 балла (по пятибалльной шкале) была оценена, зависимость от самого респондента его жизни, но заметно снизилась за четыре года оценка зависимости от районной, городской власти (с 3,5 до 2,8), от республиканской власти (с 4,0 до 2,9) и даже от общероссийской власти (с 4,0 до 3,3 баллов). Особо высокой ориентацией на самостоятельность отличаются предприниматели, молодежь и лица с высоким образованием.

Размежевание населения по типам экономических ориентаций тесно связано с углублением дифференциации по уровню материального благосостояния и потребления. Исследование 1994 г. показало, что общее ухудшение структуры питания населения проявилось в различных социальных группах далеко не одинаково. Наименее заметно снизилось потребление белковых продуктов и вместе с тем возросло потребление фруктов у предпринимателей, тогда как для рабочих и ИТР, гуманитарной интеллигенции и других групп фиксируется обратная ситуация. Еще рельефнее разница в уровнях материального благосостояния при покупке дорогостоящих предметов длительного пользования (см. табл. 23). В интервью выяснялось, покупал ли респондент за последние два года: (1) холодильник, (2) телевизор, другую электронную технику, (3) набор мебели, (4) другие дорогостоящие предметы. Анализ показал, что в целом по всем опрошенным около 32% не купили ни одного предмета, хотя бы один из них приобрели 35,0%, два любых — 22,9%, три — 7,1%, четыре — 3,3%. При этом только 9,4% предпринимателей не делали покупок, а почти 40% из них купили за два года все четыре предмета, тогда как другие социальные группы купили в основном лишь 1–2 предмета за два года.

Таким образом, даже этот незатейливый пример показывает, что ориентация на рыночное развитие подкрепляется у фаворитов рынка весомыми материальными основаниями. Проблема же состоит в том, что рост богатства небольшой части населения не должен сопровождаться снижением уровня жизни большинства, тем более — обнищанием.

Стремительная имущественная дифференциация в кризисном обществе обостряет проблему консервации и расширения так называемой “субкультуры бедности”, а в ее рамках — и соответствующей системы ценностей, в том числе и в области экономического сознания и поведения. Ее носителем является устойчивая социальная общность, включающая беднейшие слои населения и вырабатывающая в условиях постоянной нужды собственные установки, ценности и модели поведения, которые социально наследуются и способствуют

ПОКУПКА ПРЕДМЕТОВ ДЛИТЕЛЬНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВА ГОДА РАБОТНИКАМИ
ПРЕДПРИЯТИЙ РАЗНЫХ ТИПОВ СОБСТВЕННОСТИ(%), 1994 г.

Купили ли Вы за последние два года что-либо из перечисленного: холодильник, телевизор или иную электронную технику, набор мебели, другие дорогостоящие предметы?

	Тип предприятия на основной работе						
	Государственное	Собственное частное	Чужое частное	Акционерное	Колхозное	Бюджетное	В среднем
Куплен один предмет	35.3	17.9	27.9	34.6	39.2	39.7	35.0
Куплено два предмета	20.8	27.0	22.4	29.1	24.8	24.1	22.9
Куплено три предмета	8.2	5.8	10.2	3.9	4.3	10.5	7.1
Куплено четыре предмета	3.5	39.9	2.9	0.1	0.0	5.6	3.3
Не куплено ни одного	32.2	9.4	36.6	32.4	31.7	20.7	31.7
Итого:	100	100	100	100	100	100	100

постоянству бедности. В мировой социологической литературе существует традиция изучения феномена бедности в таких его проявлениях как образ жизни, выражающийся в подчеркнута отличных от общепринятых моделях поведения, установках и нормах; способ деятельности, включающий стандарты восприятия, осознания, предсказания, оценки и действия; совокупность тех норм и предписаний, в соответствии с которыми представитель общности бедных должен действовать так, чтобы быть понятым и предсказуемым для других членов этой общности¹⁴⁰.

О.Льюис выделяет четыре блока взаимосвязанных социальных, экономических и психологических черт "субкультуры бедности":

1. отсутствие или низкий уровень участия в основных институтах общества, критические установки по отношению к основным институтам господствующих классов, к официальным нормам брака, цинизм по отношению к церкви. Бедные не разделяют общественных ценностей и даже если осознают их, то не действуют в соответствии с ними;

2. минимальный уровень организованности вне рамок семьи;
3. отличные от общепринятых взаимоотношения полов;
4. преобладание таких установок, как беспомощность, зависимость, униженное положение, что связано с низкой мотивацией к труду и достижениям;

5. ориентация на сегодняшний день, неспособность к планированию.

Подобные установки и поведение делают бедность неизбежной. В советском обществе, несмотря на общий низкий уровень достатка, ценности и установки, соответствующие субкультуре бедных, имели незначительное распространение. Жизненные притязания и ожидания людей были не слишком высоки, но в подавляющем большинстве не пессимистичны. Положение изменилось с началом экономических реформ, когда большинство было дезориентировано и выбито из привычной колеи.

Появление в российском обществе значительной группы лиц, живущих в нищете, позволяет говорить о расширении границ субкультуры бедных. Новые условия существования стали для многих шоковым испытанием, из которого нелегко выбраться, а проще смириться и принять ценности и нормы, оправдывающие пассивность и иждивенчество.

По данным нашего исследования, к живущим постоянно в долгах, практически в нищете, отнесли себя 6,9% опрошенных. Официальная статистика причисляет к подобной группе тех, кто не имеет физиологического минимума средств к жизни, получая доход ниже стоимости простейшего набора продуктов питания, входящих в официальный прожиточный минимум. В 1993 г. подобные доходы имели 10–15% населения, в разные месяцы 1994 г. в среднем 12%, или примерно 18 млн. человек¹⁴¹. Именно эта имущественная страта может стать питательной средой воспроизводства субкультуры бедных. При этом в качестве доминирующих действуют два фактора — во-первых, социальные условия — низкий уровень жизни и, как следствие, плохое здоровье, отсутствие или некачественное лечение, плохое образование, трудности в социализации и т.д. препятствуют восхождению по социальной лестнице; во-вторых, усвоенные в среде обитания социальные нормы и ценности оправдывают пассивность, бездеятельность, заставляют быть “как все” в ближайшем окружении. Расширение бедности в современной России делает необходимым создание системы сопротивления распространению субкультуры бедных, пока она не охватила значительные слои населения.

По данным нашего исследования, в слое наиболее бедных представлены почти все профессиональные группы, оказавшиеся среди респондентов. Самую значительную группу составляют рядовые сель-

ские жители (не руководители), пенсионеры, военные и рабочие, самую незначительную — гуманитарная интеллигенция, работники торговли и предприниматели. Совсем не попали в эту группу бухгалтеры, работники банков, экономисты и т.д.

Уровень образования в этой группе довольно низкий. В числе беднейших оказалось почти 25% имеющих среднее образование (полное и неполное), 6,2% — среднее специальное, 5,5% — незаконченное высшее и только 2,1% — высшее образование. В состав беднейших вошли 12,1% лиц в возрасте до 29 лет и 9,8% старше 60 лет. Из остальных возрастных когорт — не более 6%.

В данном исследовании выпадали из массива опрошенных подлинные низы общества — бродяги, бомжи и т.п. категории, поскольку опрос проводился на дому. Тем не менее, группа беднейших представлена среди респондентов. Это позволяет проанализировать существенные особенности ее экономического сознания и поведения по сравнению с другими категориями. В частности, провести сопоставление с имущественной стратой обеспеченных. В эту страту попали 6,7% опрошенных, причем она включает почти 20% опрошенных предпринимателей, 9,8% работников торговли, 10,6% работников сферы услуг и быта, 8,9% руководителей сельского хозяйства. Но рабочих в этой страте только 5,7%, 3,7% производственной и 1,3% непроизводственной интеллигенции. То, что социально-профессиональный состав беднейших и обеспеченных довольно пестрый, не удивительно для переходного периода. В условиях кризиса во всей полноте проявляются разные адаптационные возможности людей не только в силу профессиональной принадлежности, но и возраста, пола, психологической устойчивости, региона проживания, типа поселения и т.д. Возраст обеспеченных, как правило, довольно молодой — из группы до 29 лет сюда было включено 15,2%. По образованию картина пестрая — здесь представлено 8,6% со средним общим и 8,0% с высшим образованием, 7,2% — с незаконченным высшим, 5,2% — со средним специальным и 3,6% — с неполным средним. Женщин в числе обеспеченных 42,8%, тогда как среди беднейших — 63,1%.

Сопоставление экономического сознания представителей беднейших и обеспеченных, их жизненных ориентаций и возможностей вхождения в рыночную экономику позволяет зафиксировать интересные особенности менталитета российского населения.

Прежде всего обращает на себя внимание разная оценка необходимости проведения экономической реформы (см. табл. 24). Среди беднейших численность сторонников реформ в 1,5 раза, а среди обеспеченных в 2,5 раза больше, чем их противников. Оценивая плано-

вую и рыночную экономику, обеспеченные также более активно, чем беднейшие, демонстрируют свою приверженность реформе. Для беднейших характерна несколько большая ориентация на плановую экономику, гарантирующую полную занятость, и низкие цены на товары, хотя и в условиях дефицита последних. Вместе с тем, анализ показывает, что нет принципиальной разницы в оценке роли государства в обеспечении минимального уровня доходов, в обеспечении каждого гражданина работой, в его воздействии на частный сектор (см. табл. 25). И бедные, и состоятельные считают, что государство должно заботиться о своих гражданах, и это мнение перевешивает мнение о необходимости самих граждан думать о материальном благосостоянии семьи. Пока еще можно говорить о некоторых общих чертах экономического сознания населения России, в частности, их сходном отношении к роли государства в экономике. Весьма характерно, что обеспеченные даже несколько выше ценят роль правительства и государства в обеспечении материального благосостояния граждан и ниже оценивают необходимость самостоятельности частного сектора. Однако в российских исследованиях уже фиксируется размежевание по проблемам частной собственности, в том числе ее масштабам, владения землей, различных форм ведения сельского хозяйства, участию иностранного капитала в российской экономике и т.д.

Таблица 24

**ОТНОШЕНИЕ К ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ В СРЕДЕ БЕДНЕЙШИХ И
ОБЕСПЕЧЕННЫХ ГРАЖДАН, 1994 г.**
(% к числу опрошенных в соответствующей группе)

	Беднейшие	Обеспеченные
Надо ли было начинать экономические реформы?		
да	56,4	70,6
нет	37,0	28,0
не знаю	6,6	1,4
Что Вы предпочитаете:		
плановую экономику	29,9	23,7
рыночную экономику	40,7	56,4
не знаю	29,4	19,9
Что Вы выбираете:		
изобилие товаров при высоких ценах	51,7	60,5
низкие цены с дефицитом товаров	29,6	27,3
не знаю	18,7	12,2

Таблица 25

ОТНОШЕНИЕ К РОЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЭКОНОМИКЕ В СРЕДЕ БЕДНЕЙШИХ И ОБЕСПЕЧЕННЫХ

ГРАЖДАН. 1994 г.
(средний балл по 5-ти балльной шкале)

	Беднейшие	Обеспеченные
Правительство должно обеспечить каждому минимум доходов	4,17	4,24
Каждый должен сам заботиться о материальном обеспечении семьи, не надеясь на государство	3,68	3,59
Правительство должно обеспечить работой каждого, кто в ней нуждается	3,66	3,49
Частный сектор должен быть полностью самостоятельным	4,11	3,97

Таблица 26

ОЦЕНКА ЖИЗНЕННЫХ ПЕРСПЕКТИВ
В СРЕДЕ БЕДНЕЙШИХ И ОБЕСПЕЧЕННЫХ ГРАЖДАН. 1994 г.
(в % к числу опрошенных в соответствующей группе)

	Беднейшие	Обеспеченные
Как Вы стали жить по сравнению с прошлым годом?		
лучше	4,3	53,2
хуже	70,6	21,3
так же	25,2	25,0
Как Вы будете жить в следующем году?		
лучше	33,9	30,6
хуже	51,6	14,1
так же	11,6	37,0
Удовлетворены ли Вы своей жизнью?		
да	15,0	25,5
нет	85,0	73,0
не знаю	0	1,5

Несмотря на сходство многих черт экономического сознания беднейших и обеспеченных, со временем ситуация может резко измениться и аутсайдеры начнут приобретать черты субкультуры бедности с ее пессимизмом, неверием в свои силы и справедливость, беспомощность и зависимость. Уже сейчас наши данные показывают резкие отличия в

оценках своей жизни в настоящем и будущем для беднейших и обеспеченных (см. табл. 26). Хуже стали жить по сравнению с прошлым годом 70,5% беднейших, а лучше — только 4,3% при 25,2% сохранивших уровень жизни. Совершенно другая картина у обеспеченных: хуже стали жить 21,3%, лучше — 53,2%. В будущем году ухудшения ожидают 51,6% беднейших и только 15,1% обеспеченных.

При достаточно высоком уровне пессимизма в обществе (80,5% всех опрошенных не удовлетворены своей жизнью), и даже среди обеспеченных (здесь число неудовлетворенных 73,0%), беднейшие демонстрируют крайний пессимизм (85,0% неудовлетворены своей жизнью). Эта неудовлетворенность может стать толчком к изменению своего положения, но может и привести под влиянием бедственного положения к состоянию безнадежности, апатии, деформации личности и, в конечном счете, к сползанию на дно общества. То, что таких людей сейчас становится все больше, уже очевидно. В последних социологических исследованиях фиксируется прямая связь плохого материального положения респондентов и их потенциальной нисходящей социальной мобильности¹⁴². Причем ориентация на снижение социального статуса распространяется опрошенными и на своих потомков. Они высказывают неуверенность в получении детьми хорошего образования, в их успешной служебной карьере, в достижении материального благополучия. Эта группа ориентирующихся на нисходящую социальную мобильность (15—20%) свидетельствует о широкой распространенности в обществе пессимистичных оценок своих жизненных перспектив, что является питательной средой формирования субкультуры бедных. Если сложившиеся тенденции не будут переломлены и выход экономики из кризиса не изменит жизненные перспективы этих людей, социальные последствия будут весьма плачевны. Еще более возрастут масштабы преступности, наркомании, всех форм отклоняющегося поведения.

Рельефный вид приобрели различия беднейших и обеспеченных в вопросе о форме политического правления в стране (см. табл. 27). Выбор демократической формы сделали более 50% обеспеченных, тогда как среди беднейших немного более 1/3. Соответственно за строгий правительственный контроль выступают 19,2% и 30,3%. В среде беднейших зреет убеждение, что жесткая государственная власть сможет изменить к лучшему ситуацию в экономике и в их собственном положении. Значит, реформы отнюдь не устранили социальную базу для распространения идеологии тоталитаризма, а видоизменили ее.

ОТНОШЕНИЕ К ФОРМЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРАВЛЕНИЯ В СРЕДЕ БЕДНЕЙШИХ И ОБЕСПЕЧЕННЫХ

ГРАЖДАН. 1994 г.

(в % к числу опрошенных в соответствующей группе)

Что Вы выбираете	Беднейшие	Обеспеченные
Демократию	35,9	51,3
Строгий правительственный контроль	30,3	19,2
Не знаю, отказ от ответа	33,8	29,5

Осознание этой проблемы как особо актуальной заставляет говорить о необходимости создания системы социальной защиты в широком смысле этого понятия — не только как о материальной помощи слабым слоям, или лицам с повышенной семейной нагрузкой, но и как комплекса экономических, социальных, политических мер, направленных на социализацию неадаптировавшихся слоев населения, сглаживание формирующегося классового конфликта. Как сказал Ю.Хабермас, “развитая система социальной защиты становится политическим содержанием массовой демократии”¹⁴³. Для переходного состояния российского общества такая постановка проблемы особенно злободневна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оглядываясь сегодня — из второй половины 90-х годов — те достижения и промахи, успехи и жертвы, свидетелями которых мы были — и не как сторонние наблюдатели, а непосредственные участники событий — активные или пассивные, можно сделать некоторые выводы относительно того, удалось ли России продвинуться вперед в своей очередной догоняющей модернизации, или эта попытка оказалась неудачной. Однозначно и всесторонне ответить на этот вопрос вряд ли удастся, но относительно социально-экономических аспектов этой проблемы, которые и стали предметом исследования, можно сделать определенные заключения.

Попытку перейти от практически полностью огосударственной экономики к рыночной в России в начале 90-х годов едва ли можно признать успешной. Результаты такого перехода оказались далеки от ожидаемых большинством общества, но, видимо, вполне были прогнозируемы экономической и политической элитой. Романтический период массовой приватизации, который имел скорее характер политической и идеологической акции, чем нес в себе экономический смысл (впрочем, он служил дымовой завесой для реальных процессов формирования крупных финансовых капиталов), не замедлил смениться курсом на усиление монополизма в экономике и финансах, сопровождаемого созданием мощной олигархической структуры, концентрирующей экономическую и политическую власть в обществе. Формальное разгосударствление собственности и рассредоточение ее в начале реформ обернулось в дальнейшем ускоренной концентрацией, перераспределением в пользу естественных монополий и немногочисленных финансово-промышленных групп, имеющих полугосударственный статус. Подобный ход событий был вполне прогнозируем и не замедлил осуществиться, поскольку для сверхмонополизированной российской экономики практически полное устранение государства от перераспределения ресурсов на начальном этапе реформ естественно привело к усилению наиболее конкурентоспособных на мировом рынке отраслей — сырьевых и энергетических, ослаблению, а порой и полному разрушению перерабатывающих и наукоемких. В недавнем прошлом деформирующая отраслевая структура экономики превратилась в деградирующую, а открытие экономики внешнему миру обеспечило включение России в мирохозяйственные связи преимущественно в качестве поставщика сырьевых ресурсов. Частный сектор экономики естественным

образом сосредоточился преимущественно в торговле и посредничестве и находится под пристальным криминальным контролем.

Эти фундаментальные сдвиги в отношениях собственности и отраслевой структуре экономики обеспечили соответствующие изменения в стратификационном строении общества. Своеобразная “сословная” социальная структура перерождается в своеобразную “классовую”, происходит беспрецедентное имущественное расслоение населения, при этом потенциал среднего класса, который накапливался в течение десятилетий предшествующего развития, постепенно размывается, особенно в той его части, которую образует слой “новых средних”, отчасти стабилизируясь за счет появления слоя мелких и средних собственников — “старых средних слоев”. Именно появление последних служит тем новым обнадеживающим явлением, которое отрицает утверждение о принципиальной неререформируемости российской экономики вследствие отсутствия “человеческого материала”, способного к инновационному поведению в рыночной среде. Безусловно, деформированная среда породила и деформированного предпринимателя, для которого предпринимательская этика не более чем абстракция, но сам факт, что в обществе появился и действует новый мотивационный механизм, вселяет некоторую надежду, что в России могут со временем сформироваться стимулы саморазвития, способные превратить неорганическую социальную модернизацию страны в органическую. Для чего, безусловно, должна сформироваться конкурентная экономическая среда, а это дело не близкого, а весьма отдаленного будущего. Особенно с учетом уже полученного урока неудачной либерализации экономики, в результате которой рыночная конкуренция получила весьма незначительное развитие и только преимущественно в непроизводственных секторах, а в целом экономическая структура еще больше монополизировалась и структурно деформировалась.

Характерно, и это эмпирически верифицированный нами в двух всероссийских социологических исследованиях (1990 и 1994 гг.) факт, что годы реформ не отвратили большинство населения, особенно его образованную и работоспособную часть, от рыночного пути развития. Большинство не хочет возврата к социалистической системе хозяйства, но при этом выбранную модель реформирования не считает оптимальной. Причем, на этом утверждении в равной степени настаивают как те, кто вписался в предложенные экономические условия и императивно настроен на существование в рыночной среде независимо от тех или иных ее особенностей, так и те, кто не смог этого сделать по разным причинам и видит свое место в иной, более гума-

низированной рыночной среде. Видимо, помимо чисто экономических факторов на сознание населения активно влияет сформировавшийся стойкий иммунитет к комплексу тоталитарного прошлого, кроме того население уже оценило и использовало многие положительные стороны либерализации общественной жизни. Наше исследование позволяет заключить, что можно вполне обоснованно оспаривать широко представленную в литературе точку зрения о принципиальной неспособности “простых” жителей “этой” страны к усвоению либеральных идей и об исключительной роли “элиты” в процессе модернизации общества. Адаптационные способности населения оказались никак не хуже, чем в других странах, несмотря на иные стартовые условия, а накопленный образовательный и профессиональный потенциал является тем, может быть, единственным действительным богатством общества, которое позволит выжить и возродиться новой России.

Вместе с тем в обществе существует значительный социальный слой, представленный слабыми социальными группами, а также людьми с повышенной семейной нагрузкой, для которых новые экономические условия являются действительно невыносимыми. Они отброшены с низкого, но стабильного социального уровня при социализме на такие позиции, что их положение охарактеризовать иначе чем катастрофа нельзя. Было бы слишком цинично проявлять заботу об этих слоях, исходя только из безопасности общества, или, еще хуже, из тактики политической борьбы или победы в выборах. Социальная модернизация общества, проводимая со столь значительными жертвами, еще раз говорит о неоптимальности выбранной реформаторской модели, а также, что в условиях России небезразлично большинству жителей, ее негуманности. Попытки исключить этические и гуманитарные аспекты из логики экономических реформ наталкиваются на непримиримые препятствия в менталитете народа, его культуре и традициях и тормозят подлинную социальную модернизацию российского общества.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Трансформирующиеся общества: цели и пути. М., 1996. С. 108, 180–181.
- ² *Владова Наталья*. Регулирование заработной платы — условие преодоления кризиса // Международный журнал “Проблемы теории и практики управления”. 1994. № 2. С. 23.
- ³ Трансформирующиеся общества: цели и пути. С. 282.
- ⁴ Кризисный социум: Наше общество в трех измерениях /Общ. ред.: *Лалин Н.И., Беляева Л.А.* М., 1994. С. 8.
- ⁵ Вопросы философии. 1993. № 7. С. 18.
- ⁶ Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы “круглого стола”) // Вопр. философии. 1993. № 7. С. 3–39; Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; *Красильщиков В.А., Зиборов Г.И., Рябов А.В.* Шанс на обновление России (зарубежный опыт модернизации и российские перспективы) // Мир России. 1993. № 1. Том II. С. 103–153; *Лалин Н.И.* Проблема социокультурной реформации в России: тенденции и препятствия // Вопр. философии. 1996. № 5. С. 21–31; *Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г.* Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995; Социальные реформы в России: история, современное состояние и перспективы. СПб., 1995; Переходные процессы. Проблемы СНГ. М., 1994 и другие работы.
- ⁷ *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта: В 3 т. М., 1991; *Демидов А.В.* История российской модернизации (Досоветский период). М., 1994; *Медушевский А.Н.* Реформы Петра I и судьбы России; М., 1994; *Хорос В.* Русская идея на историческом перекрестке // Свободная мысль. 1992. № 6; *Кантор К.М.* История против прогресса. М., 1992; *Оболонский А.* Перекрестки Российской истории: упущенные шансы // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 85–108 и другие работы.
- ⁸ Кризисный социум. С. 14–17.
- ⁹ Вопр. философии. 1993. № 7. С. 20.
- ¹⁰ *Гегтер Михаил*. Мир, уходящий от холодной войны // Свободная мысль. 1993. № 11. С. 72.
- ¹¹ *Кантор В.К.* Насилие как провокация цивилизационных срывов в России // Вопр. философии. 1995. № 5.
- ¹² *Фадеева Т.М.* Европейская идея: путь к интеграции // Вопр. философии. 1996. № 5. С. 171–187.
- ¹³ Прорыв на Востоке Европы: шансы для развития демократии и рыночного хозяйства после крушения коммунизма 1992–1993 // Актуальные проблемы Европы. Европа: проблемы переходного периода: Проблемно-темат. сб. 2. М., 1995.
- ¹⁴ Риск исторического выбора в России (материалы “круглого стола”) // Вопр. философии. 1994. № 5. С. 3–26.
- ¹⁵ *Федотова В.Г.* Судьба России в зеркале методологии // Вопр. философии. 1995. № 12. С. 23.
- ¹⁶ *Shanin T.* Russia as a “Developing Society”, L., 1985.
- ¹⁷ Глобальные процессы и перспективы взаимодействия России и третьего мира. М., 1994. С. 99.

- ¹⁸ Федотова В.Г. Указ.соч. С. 25.
- ¹⁹ Красильщиков В.А., Зиборов Г.М., Рябов А.В. Шанс на обновление России (зарубежный опыт модернизации и российские перспективы) // Мир России. 1993. № 1. Том II. С. 106.
- ²⁰ Пантин И.К., Плимак Е.Б., Хорос В.Г. Революционная традиция в России: 1783—1883 гг. М., 1986.
- ²¹ Вопр. философии. 1993. № 7. С. 13.
- ²² Перепелкин Л.С. К вопросу о модернизации России // Мир России. 1993. № 1. Том II. С. 154.
- ²³ См., например: Рябов А. Интегративная идеология и модернизация современной России // Свободная мысль. 1992. № 15. С. 58—69; Пастухов В.Б. “Новые русские”: появление идеологии // Полис. 1993. № 3. С. 15—26; Козлова О.Н. Развитие идеологии и социальные конфликты // СОЦИС. 1993. № 4. С. 25—29; Пантин И.К. Драма противостояния демократия/либерализм в старой и новой России // Полис. 1994. № 3. С. 75—94; Политический процесс в России: современные тенденции и исторический контекст /Отв. ред. Л.А.Беляева. М. 1995 и другие работы.
- ²⁴ Россия на пути к 2000. Доклад экспертного института Российского союза промышленников и предпринимателей // Московские новости. 1996. № 3. С. 21.
- ²⁵ Амден Э., Интрилигатор М., Макинтайер Р., Тейлор Л. О стратегии эффективного перехода к рынку // Россия и современный мир. М., 1996. С. 64—94.
- ²⁶ Гециц Р. Зоннтаг. Судьбы развития // Междунар. журн. соц. наук. Ноябрь. 1994. № 4(7); Социология: состояние исследований. II. С. 111—112.
- ²⁷ Окунева Л.С. Политическая мысль современной Бразилии: теории развития, модернизации, демократии. Кн. 1-2. М., 1994, С. 18-23.
- ²⁸ Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 12—13.
- ²⁹ Лобер В.Л. Фактор демократизации в формировании современной модели социально-экономического и политического развития Мексики: Автореф. дисс... д-ра полит. наук. М., 1992. С. 36.
- ³⁰ Transformacion productiva con equidad. Santiago de Chile, 1990. P. 66.
- ³¹ Kuttner R. The End of Laissez-Faire. National Purpose and the Global Economy after the Cold War. N.Y., 1991. P. 247.
- ³² Ibid. P. 253.
- ³³ Ibid. P. 247.
- ³⁴ Проблемы Латинской Америки. Вып. 10. М., 1994. С. 58-83.
- ³⁵ Constable P., Valenzuela A. Anation of enemy: Chile under Pinochet. N.Y.; L., 1991. P. 223.
- ³⁶ Rezas P., Maren Y. El mara de extrema riqueza: 10 anopdespues. Santiago de Chile, 1989. P. 30.
- ³⁷ Lechner N. El debate sobre Estado y mercado // Estudios publicos. Santiago, 1992. № 47. P. 235-247.
- ³⁸ Черкасова Е. Испания: переход к демократии и национальный вопрос // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 4.
- ³⁹ Понеделко Г.Н. Государство в экономике Испании: взгляд в прошлое и современность. М., 1991. С. 47.
- ⁴⁰ Мигель А. Ж. 40 миллионов испанцев 40 лет спустя /Пер. с исп. М., 1985; Авилова-

- А.В. Экономика современной Испании. М., 1981; *Понеделко Г.Н.* Государство в экономике Испании: Взгляд в прошлое и современность. М., 1991; Социально-экономические и политико-идеологические процессы в Испании на рубеже 70—80-х годов. М., 1981; Испания: 30 лет непрерывной модернизации / Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 52—59; *Данилевич И.В.* Испытание властью. Испанская социалистическая рабочая партия в 80-е годы. М., 1991; Проблемы испанской истории. М., 1987; *Хенкин С.М.* Испания после диктатуры (социально-полит. пробл. перехода к демократии). М., 1993 и другие работы.
- 41 “Японское чудо” и советская экономическая реформа. М., 1991, С. 26.
- 42 Там же. С. 158-159.
- 43 *Мураками Я., Кумон С., Сато С.* Общество ИЭ как цивилизация. Буммэй - то ситэ-но из сякай. Токио, 1980. (на яп. яз.).
- 44 Там же. С. 143.
- 45 Там же. С. 131.
- 46 The political economy of Japan: The domestic transformation // Stansord (Cal.). 1988. Vol. 1.
- 47 *Бергер Я.М.* Модернизация и традиция в современном Китае // Полис. 1995. № 5. С. 76.
- 48 Свободная мысль. 1993. № 11. С. 42.
- 49 The collected works of Friedrich August Hayek /Ed by *Bartley W.* N.Y.; L.: Routledge. 1989. Vol. 1: The fatal conceit: The errors of socialism. XIII. P. 63.
- 50 *Улюкаев Алексей.* Либерализм и политика переходного периода в современной России. М., 1995. P. 63.
- 51 *Родригес М.А.* Моральная революция: демократия, рынок и общее благо. М., 1992. С. 67.
- 52 Вопр. философии. 1993. №. 7.С. 3—39.
- 53 *Сакс Дж., Ворнер Э.* Экономическая конвергенция и экономическая политика // Вопр. экономики. 1995. № 5.
- 54 Капитал России: потерять или преумножить? М., 1996. С. 42.
- 55 *Росс Дж.* Почему экономическая реформа потерпела крах в Восточной Европе и России, а в Китае увенчалась успехом?: Докл. на конф. по пробл. смешанной экономики. (ИЭ РАН, октябрь 1992). М., 1992.
- 56 *Ольевич Ю.* Экономический кризис: причина или следствие “перестройки”? (К дискуссиям на Западе) // Вопр. экономики. 1992. № 2—4. С. 26—37.
- 57 *Беляева Л.* Становление смешанной экономики в России и трансформация социальной структуры общества // Смешанная экономика: социокультурные аспекты. Отв.ред. Н.И. Лапин, Н.А. Макашева. М., 1994. С. 112.
- 58 Смешанная экономика: теория и практика 80-х годов. М.: ИНИОН АН СССР, 1990.
- 59 Совместный доклад Отделения экономики РАН и Международного фонда “Реформа”. М., 1992.
- 60 *Bizaguet A.* Le secteur public et les privatisations. P., 1988.
- 61 *Никуфоров А.В.* Движение к смешанному обществу — путь выживания и социального обновления: Материалы науч. конф. (Пушино, 1991) М., 1992.

- 62 *Беляева Л.* Россия перед историческим выбором // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 56–66.
- 63 Обзор экономики России. Основные тенденции развития. 1995 г. III. Пер. с англ. М., 1996. С. 98–103.
- 64 Сегодня. 1996. 18 апр. С. 3.
- 65 Белье испанские воротнички // Эксперт. 1996. № 48. С. 58–59.
- 66 *Андрианов В.Д.* Россия в мировой экономике. М., 1995. С. 5, 7.
- 67 Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М., 1996. С. 623.
- 68 Там же. С. 473.
- 69 Там же. С. 476.
- 70 Там же. С. 172, 180.
- 71 Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. М., 1995. С. 448, 481.
- 72 Там же. С. 88.
- 73 Обзор экономики России. 1995. III. С. 85.
- 74 Эксперт. 1996. № 42. С. 6.
- 75 *Радаев В.В., Шкартан О.И.* Социальная стратификация. М., 1995.
- 76 Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества /Отв. ред. З.Т.Голенкова. М., 1996. С. 20–30.
- 77 Там же. С. 282–289.
- 78 Социальная стратификация современного российского общества //Отв.ред. Л.А.Беляева. М., 1995. С. 69.
- 79 *Васильчук Ю.А.* Эпоха НТР: конвейерная революция и государство // Полис. 1996. № 3. С. 21–22.
- 80 Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения: Информ. бюл. М., 1996. № 1. С. 36–37.
- 81 *Латин Н.И.* Проблемы социокультурной реформации в России: тенденции и препятствия // Вопр. философии. 1996. № 5. С. 24.
- 82 *Стариков Е.Н.* Социальная структура переходного общества (опыт инвентаризации) // Полис. 1994. С. 87–96.
- 83 Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1993. № 8. С. 14.
- 84 *Заславская Т.И.* Об изменении критериев социальной стратификации российского общества // Куда идет Россия?... М., 1994. С. 144–148; *Зубова Л.Г.* Социальное расслоение в России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 3. С. 27–30; *Гордон Леонид.* Область возможного. М., 1995. С. 106–180; *Овсянников А.А., Римашевская Н.М.* Возлюбившие деньги. Социальный статус богатых глазами экспертов // Социальная стратификация современного российского общества. М., 1995. С. 68–89; *Гордон Л.А., Беляева Л.А.* Бедность в современном российском обществе // Там же. С.49–67 и другие работы.
- 85 Российский статистический ежегодник. 1994. М., 1994. С. 91.
- 86 Мониторинг социально-экономического потенциала семей за II квартал 1996 г. М., 1996. С. 7.
- 87 Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1994. № 8. С. 8.

- ⁸⁸ Мониторинг социально-экономического потенциала семей за II квартал 1996 г. С. 12.
- ⁸⁹ Социально-экономическое развитие России в 1995 г. (по материалам аналитического обзора Института экономических проблем переходного периода) // Мир России. Том V. 1996. № 1. С. 59.
- ⁹⁰ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1994. С. 8.
- ⁹¹ Мониторинг социально-экономического потенциала семей за II квартал 1996 г. С. 10.
- ⁹² Российский статистический ежегодник. 1995. С. 88; Мониторинг социально-экономического потенциала семей за II квартал 1996 г. С. 9.
- ⁹³ *Гордон Л.А.* Область возможного. М., 1995. С. 118–131; *Бобков В.* Богато жить не запретишь, бедно — тоже // Российская газета. 1994. 31 мая.
- ⁹⁴ Мониторинг социально-экономического потенциала семей за II квартал 1996 г. С. 16.
- ⁹⁵ *Бердяев Н.А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М., 1991.
- ⁹⁶ Куда идет Россия?... С. 112.
- ⁹⁷ Социально-экономическое положение России. Январь–май 1996 г. М., 1996. С. 314.
- ⁹⁸ Российский статистический ежегодник. 1995. С. 231.
- ⁹⁹ Российский статистический ежегодник. 1996. С. 702.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 705.
- ¹⁰¹ Там же. С. 461.
- ¹⁰² Там же. С. 551.
- ¹⁰³ Российский статистический ежегодник. 1995. С. 351, 357.
- ¹⁰⁴ Обзор экономики России. 1995. III. С. 158.
- ¹⁰⁵ Российский статистический ежегодник. 1996. С. 501.
- ¹⁰⁶ Российский статистический ежегодник. 1995. С. 311.
- ¹⁰⁷ *Кошенов А.* Проблемы предотвращения массовой безработицы в России // Вопр. экономики. 1995. № 5. С. 57; *Белоусов А.Р.* Кризис индустриальной системы в России // Куда идет Россия?... С. 25–30.
- ¹⁰⁸ Российский статистический ежегодник. 1996. С. 90.
- ¹⁰⁹ Социально-экономическое положение России. Январь–май 1996 г. С. 54.
- ¹¹⁰ Социально-экономическое положение России. 1994. С. 15.
- ¹¹¹ Социально-экономическое положение России. Январь–май 1996. С. 12.
- ¹¹² Российский статистический ежегодник. 1996. С. 123.
- ¹¹³ *Черныш М.Ф.* Социальная мобильность в 1986–1993 годах // Социол. журн. 1994. № 2. С. 130–133.
- ¹¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 10. С. 124.
- ¹¹⁵ Там же. Т. 26. Ч. II. С. 636.
- ¹¹⁶ *Бернштейн Э.* Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М., 1901. С. 132–133.
- ¹¹⁷ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991, С. 53.

- 118 *Тойнби А.Дж.* Постигание истории. М., 1991. С. 258–260.
- 119 *Кивинен М.* Перспективы среднего класса в России // Социол. журн. 1994. С. 134.
- 120 *Kivinen M.* The middle classes and the labour process // Acta sociologica. Oslo, 1989. № 34. P. 53–73.
- 121 *Кивинен М.* Указ. соч. С. 135.
- 122 *Умов В.М.* Российский средний класс: социальная реальность и политический фантом // Полис. 1993. № 4. С. 28–29.
- 123 *Muller E.N.* Democracy, economic development and income inequality // Amer. social. rew. 1988 / V. 53. № 2.
- 124 Общественная мысль за рубежом. 1991. № 5. С. 17–25.
- 125 *Умов В.И.* Указ. соч. С. 28.
- 126 Стариков Е. “Угрожает” ли нам появление “среднего класса”? // Знамя. 1990. № 10. С. 192–196.
- 127 *Зайченко А.* Имущественное неравенство // Аргументы и факты. 1989. № 27.
- 128 *Наумова Н.* Переходный период: мировой опыт и наши проблемы // Коммунист. 1990. № 8. С. 3–14.
- 129 *Кустырев А.* Начало русской революции: версия Макса Вебера // Вопр. философии. 1990. № 8. С. 119–130.
- 130 *Виханский О.* Кто поведет к рынку // Вопр. экономики. 1992. № 1. С. 10–18.
- 131 *Умов В.И.* Указ. соч. С. 34.
- 132 *Вебер М.* К состоянию буржуазной демократии в России // Филос. и социол. мысль. 1991. № 10. С. 128.
- 133 Динамика ценностей населения реформируемой России /Отв. ред. Н.И.Лапин, Л.А.Беляева. М., 1996. С. 47.
- 134 *Леонтьев Д.А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопр. философии. 1996. № 4. С. 15–26.
- 135 *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе. М., 1995. С. 79.
- 136 Динамика ценностей населения реформируемой России. С. 71–72.
- 137 *Беляева Л.А.* Российское общество в преддверии рынка // Мир России. 1992. № 1. Т. I. С. 39–65.
- 138 Социальная стратификация современного российского общества //Отв. ред. Л.А.Беляева. М., 1995. С. 49–67; Газета “Сегодня”. 30 ноября 1995 г.
- 139 Российский статистический ежегодник. М., 1994. С. 26, 27.
- 140 *Ерошенко С.С.* Синдром бедности // Социол. журн. 1994. № 2. С. 43–49.
- 141 Социальная стратификация современного российского общества. С. 52.
- 142 Там же. С. 44–45.
- 143 THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Весна 1993. I. Вып. 2. М., 1993. С. 127.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
РАЗДЕЛ 1. РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ПЕРЕХОДНЫХ ПРОЦЕССОВ В КОНЦЕ XX ВЕКА	5
1.1. Переходный период как смена парадигмы общественного развития	5
1.2. Опыт догоняющей модернизации в некоторых странах и Россия	20
1.3. Экономическая реформа в России: социально-экономические взаимосвязи	41
РАЗДЕЛ 2. ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД	59
2.1. Трансформация “сословной” структуры в классовую	61
2.2. Разгосударствление и плюрализация форм собственности	80
2.3. От структурной деформации к структурной деградации. Социально-профессиональная мобильность в переходный период	93
2.4. Состоится ли средний класс в России?	105
РАЗДЕЛ 3. МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ	125
3.1. Готово ли было российское общество к реформам?	130
3.2. Четыре года реформ	140
3.3. Фавориты и аутсайдеры модернизации	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
ПРИМЕЧАНИЕ	167

Научное издание

БЕЛЯЕВА Людмила Александровна

Социальная модернизация в России в конце XX века

Утверждено к печати Ученым советом

Института философии РАН

В авторской редакции

Художник *В.К. Кузнецов*

Корректоры: *Е.В. Захарова, Л.В. Суровцева*

Технический редактор: *Н.Б. Кузнецова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.93 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 09.09.97.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 10,87. Уч.-изд. л. 09,13. Тираж 500 экз. Заказ № 040.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор автора

Компьютерная верстка: *С.В. Нефедкина, Т.В. Прохорова*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119842, Москва, Волхонка, 14